УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ИНСТИТУТ ПРАВА
Уфимский университет науки и технологий

ISSN 2619-0915

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№ 3 2025

ВЕСТНИК

Института права Башкирского государственного университета

№ 3 (27)

2025 г.

Издается с 2018 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета
И.А. Макаренко
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета
А.Б. Галимханов
кандидат юридических наук, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Члены редакционного совета:

С.Ж. Айдарбаев
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Н.Н. Арзамаскин
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гиззатуллин
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, директор Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

М.Б. Кострова
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.Н. Кузбагаров
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Липинский
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

Т.И. Макарова
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

М.В. Мещанова
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юридического института Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов
доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

К.К. Сейтенов
доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко
доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина
доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова
доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.Р. Шарипова
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.А. Эксархопуло
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова
кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия

Главный редактор
Ф.Г. Аминев, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий

Ответственный секретарь
Р.А. Варфоломеев, старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий

Литературный редактор
З.А. Юсупова, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.
Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора 11

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Беженцев А.А.
Правоведение: концепция интегрирования 13

Маликова Н.В., Ямалетдинова Н.В.
Государственная идентичность и ее отражение
в российском законодательстве 28

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Муллахметов А.А.
Цифровые механизмы взаимодействия Государственной Думы
с гражданами и их роль в обеспечении законности
и легитимности принимаемых решений 37

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Сосновщенко А.В.
Трудоустройство беременной работницы:
обзор судебных споров с социальным фондом России
и критерии фиктивности трудовых отношений 46

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Галин И.М.
Административно-правовые аспекты государственной поддержки малого
предпринимательства в условиях экономической нестабильности 59

Карханина Л.В.
Проблемы межотраслевой унификации института
признания наследника недостойным 70

Касаткин Д.М.
Особенности доказывания по спорам о возмещении убытков,
причиненных юридическому лицу 80

Тулупова Е.О., Демидова Т.К.
Трансформация правового регулирования репродуктивных прав в ОАЭ ……. 87

Федулина Е.В., Ахметвалиева Д.Р.
Актуальные проблемы применения коллизионных норм
в правовом регулировании трансграничных контрактных отношений …….. 96

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Гайнетдинов Р.Р.
Возраст уголовной ответственности в современном уголовном праве:
сравнительно-правовой анализ и межпоколенческие аспекты …… 105

Ивлиев П.В., Воробьев С.М.
Роль адвоката в Уголовно-исполнительной системе России …… 117

Седнев В.В.
Расчеловечивание: элемент субъективной
стороны преступления геноцида …… 127

Сережкина М.А.
Формирование правового статуса несовершеннолетних осужденных
в отношении которых реализуется пенитенциарная пробация …….. 138

Сизова В.Н.
Вопросы внутреннего строения и систематизации
уголовного законодательства …….. 146

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Варфоломеев Р.А.
Принятие решения о производстве проверки показаний
на месте с участием несовершеннолетнего …… 155

Вяткин А.Н.
Моделирование судебной стадии
по уголовному делу о загрязнении природы …….. 164

Жандров В.Ю.
Цифровая оперативная информация: нормативное регулирование и правовой режим использования в уголовном преследовании 172

Каширина Т.В.
К вопросу о создании частной методики расследования нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека 187

Рослова О.Е.
Комплексный подход к исследованию подписей в эпоху цифровых технологий 195

Надоненко О.Н.
Коллизия некоторых норм, регламентирующих проведение судебно-медицинской экспертизы 205

Славгородская О.А.
Перспективы развития тактики допроса свидетеля: к вопросу о нравственных основах 217

Халиуллина А.Ф.
Требования, предъявляемые к сведущим лицам, привлекаемым к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних 229

Харисова З.И.
Программные технико-криминалистические средства как основа современной методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации 237

Ячменева М.А.
Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних 251

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Зарубин Д.В.
Международные обязательства африканских государств, принятые в рамках МОТ 261

Мухаметгареева Н.М., Юсупова З.А.
Правовой статус и международно-правовая защита климатических беженцев 269

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 3 (27)

2025

Published since 2018
Issued four per year

Founder
FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher
FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Editorial council:

Head of Counsil:
I.A. Makarenko
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Deputy Head of Counsil:
A.B. Galimkhanov
Candidate of Sciences (Law), Central Election Commission Chairman, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

S.Zh. Aidarbayev
Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan);

N.N. Arzamaskin
Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk
Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan
Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

E.L. Vasyanina
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R.Kh. Gizzatullin
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin
Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminalistics, Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

M.B. Kostrova
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procudure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

M.V. Meshchanova
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law, Law Institute, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

S.Y. Morozov
Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

R.V. Nigmatullin
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

K.K. Seitenov
Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor, Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko
Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.M. Usmanova
Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Sterlitamak Branch, Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak);

A.R. Sharipova
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.A. Eksarhopulo
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa)

Editorial Board

Editor-in-Chief
F.G. Aminev Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technology.

Executive Secretary
R.A. Varfolomeev Senior lecturer of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technology.

Texts Editor
Z.A. Yusupova Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and Publications in which the main scientific results of dissertations for the degrees of Candidate and Doctor of Sciences must be published

E-mail vest-law@yandex.ru;
Tel.: (347)228-90-30
The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

Editor-in-chief's Column ……. 11

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Bezhentsev A.A.
Law: The Integration Concept. ……. 13

Malikova N.V., Yamaletdinova N.V.
State Identity and Its Reflection in Russian Legislation …… 28

PUBLIC LAW

Mullakhmetov A. A.
Digital Mechanisms of the State Duma and Citizens Interaction
and Their Role in Ensuring the Legitimacy of Decisions Taken ……. 37

LABOR LAW; SOCIAL SECURITY LAW

Sosnovshchenko A.V. A
Pregnant Worker Employment: Review of Litigation against the Social
Fund of Russia and Criteria for Labour Relations' Fictitiousness ……. 46

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Galin I.M.
Administrative and Legal Aspects for Small Businesses'
State Support in Conditions of Economic Instabilit ……. 59

Karhanina L.V.
The Intersectoral Unification Problems
of the Institute Recognising the Heir Unworthy ……..…. 70

Kasatkin D.M.
The Proof Specifics in Damage Compensation
Disputes Caused to a Legal Entity 80

Tulupova E.O., Demidova T.K.
The Legal Regulation Transformation
of Reproductive Rights in the UAE 87

Fedulina E.V., Akhmetvaliev D. R.
Topical Issues of Conflict-of-Laws Rules' Use within
the Legal Regulation on Cross-Border Contractual Relations 96

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Gainetdinov R.R.
The Age of Criminal Responsibility in Modern Criminal Law:
Comparative Legal Analysis and Intergenerational Aspects 105

Ivliev P.V., Vorobyov S.M.
The Role of a Defense Lawyer in the Russian Penal System 117

Sednev V.V.
Dehumanisation: An Element of the Mental State in Genocide Crimes 127

Serezhkina M.A.
The Legal Status Formation of the Juvenile Offenders Subject
to the Implementation of Penitentiary Probation 138

Sizova V.N.
On the Internal Structure and Systematisation of Criminal Legislation 146

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Varfolomeev R.A.
Decision for a Testimony On-Site Verification
with the Involvement of a Minor 155

Vyatkin A.N.
The Trial Stage Modelling on a Criminal Case of Environmental Pollution 164

Zhandrov V.Yu.
Digital Intelligence: Regulatory Framework and Legal
Regime for Use in Criminal Prosecution 172

Kashirina T.V.
On the Creating a Private Methodology to Investigate Labour Protection
Requirements' Violations that Caused the Death of a Person by Negligence 187

Roslova O.E.
Complex Approach to Signature Research in the Digital Age 195

Nadonenko O.N.
Conflict of Norms Regulating the Presentation
of Forensic Medical Examination 205

Slavgorodskaya O.A.
Prospects for the Witness Questioning Tactics: on the Moral Foundations 217

Khaliullina A.F.
Requirements for Experts Involved in the Crimes Investigation with Minors 229

Kharisova Z.I.
Software Forensic Equipment as the Basis for
Modern Methods to Investigate Cybercrime 237

Yachmeneva M.A.
The Special Knowledge Use in Investigation Crimes on Illegal
Drug Trafficking with the Involvement of Minors 251

INTERNATIONAL LAW

Zarubin D.V.
International Obligations of African States in the ILO..... 261

Mukhametgareeva N.M., Yusupova Z.A.
Legal Status and International Law Protection of Climate Refugees..... 269

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Уважаемые коллеги!

Рад сообщить всем, что с 30 мая 2025 года наш журнал «Вестник Института права Башкирского государственного университета» повышен в рейтинге научных журналов – включен в категорию 2 (К2) Перечня ВАК Российской Федерации. Это достигнуто за счет поддержки руководства и преподавателей Института права, работы сотрудников редакции журнала и является результатом публикаций ведущих российских ученых, направляющих в наш журнал итоги интереснейших актуальных научных исследований. Журнал с радушием принимает к публикации статьи зарубежных коллег из Беларуси, Казахстана, Узбекистана и других стран. В журнале уделяется внимание широкому спектру юридических наук: от теоретико-исторических правовых наук (шифр 5.1.1) до международно-правовых наук (шифр 5.1.5), включая правовые проблемы семьи и образования, уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, защиты прав граждан и инвестиционной деятельности и многие другие вопросы.

Увидел свет очередной номер научного журнала «Вестник Института права Башкирского государственного университета». В него вошли статьи в области теории и истории права, гражданского, семейного и уголовного права, криминалистики, судебной экспертологии и других юридических наук.

По уже сложившейся традиции, авторы представлены как известными российскими учеными (П.В. Ивлиевым, В.В. Седневым, О.А. Славгородской), так и молодыми исследователями (Р.А. Варфоломеевым, М.А. Ячменевой и другими). Круг изучаемых в публикациях вопросов отражает не только реалии современного состояния правоприменения в России, но и юридические аспекты анализа «концепции интегрирования в правоведении» (А.А. Беженцев), проблемы формирования правового статуса несовершеннолетних осужденных (М.А. Сережкина), роль адвоката в уголовно-исполнительной системе (С.М. Воробьев), частную методику расследования нарушений требований охраны труда (Т.В. Каширина), вопросы внутреннего строения и систематизации уголовного судопроизводства (В.Н. Сизова) и другие.

Большой практический интерес представляют статьи ученых-криминалистов, освещающих проблемы использования специальных знаний: А.Ф. Халиуллиной («Требования, предъявляемые к сведущим лицам, привлекаемым к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних»), З.И. Харисовой («Программные технико-криминалистические средства как основа современной методики расследования преступлений в сфере компьютер-

ной информации»), О.Н. Надоненко («Коллизия некоторых норм, регламентирующих проведение судебно-медицинской экспертизы»).

Журнал продолжает уделять большое внимание правовым проблемам семьи и несовершеннолетних (М.А. Сережкина, А.В. Сосновщенко), международного права (Е.О. Тулупова, Т.К. Демидова, З.А. Юсупова, Н.М. Мухаметгареева), а также судебной экспертологии (О.Е. Рослова).

Редакция журнала «Вестник Института права Башкирского государственного университета» готова и дальше эффективно продвигать исследования молодых ученых, всегда открыта к диалогу и сотрудничеству с известными авторами и рада представить актуальный научный материал нашим читателям!

Будем вместе развиваться в соответствии с повышающимися требованиями к качеству и уровню статей, публикуемых в научных изданиях.

Главный редактор
доктор юридических наук, профессор
Фарит Гизарович Аминев

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья
УДК 340(075.80)
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.1

Беженцев Александр Анатольевич
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия), (РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия,
adovd@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9909-9869

ПРАВОВЕДЕНИЕ: КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕГРИРОВАНИЯ

Аннотация. С развитием и усложнением системы общественных отношений растет степень многомерности и неоднородности феномена права как одного из главных социорегулятивных факторов. В то же время перманентно углубляющаяся его внутренняя дифференциация вызывает все более существенные трудности в согласовании с определенной обобщенной «смысловой идеей права» различных типов правопонимания, методологических подходов к познанию правовой реальности, отраслевых спецификаций регулирования отдельных сфер правоотношений. Это, в свою очередь, негативно сказывается на действенности правовых институтов как средствах гармонизации разнонаправленных субъективных интересов, поскольку становится все труднее привести их к тем или иным общим измерениям. Публикация содержит: а) систематизированный анализ основных противоречий классического правопонимания, которые до сих пор способствуют углублению теоретико-мировоззренческой и методологической «разорванности» юриспруденции; б) исследование исторических источников и современных подходов к разработке концептуальных основ интегрирования правовой науки. Обоснован интегрально-методологический подход, в рамках которого содержание права интерпретируется как производное форм самоорганизации человеческого бытия, что может служить основой координации теоретико-догматических, онтологических, культурно-ценностных, социально-исторических, процессуально-практических плоскостей юридической науки и практики.

© Беженцев А.А., 2025

Ключевые слова: правоведение, правовая действительность, теория права, философия права, система права, естественное право, позитивное право, интегральное правопонимание, правовая методология, правовая нормативность, правосознание, правовая самоорганизация, правопорядок

Для цитирования: Беженцев А.А. Правоведение: концептуальный фундамент интегрирования / А.А. Беженцев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 13–27.

Original article

Bezhentsev Alexander Anatolevich
North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), (RANEPA),
St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9909-9869

LAW: THE INTEGRATION CONCEPT

Abstract. With the development and complexity of the social relations system, the degree of multidimensionality and heterogeneity of the law phenomenon, as one of the main socio-regulatory factors, increases. At the same time, its permanently deepening internal differentiation causes increasingly significant difficulties in coordinating various types of legal understanding, methodological approaches to understanding legal reality, and industry specifications for regulating individual spheres of legal relations with a certain generalised «semantic idea of law». This, in turn, negatively affects the effectiveness of legal institutions as a means of harmonising disparate subjective interests, since it becomes increasingly difficult to bring them to some common dimensions. The publication contains: a) a systematised analysis of the main contradictions of classical legal understanding, which still contribute to the deepening of the theoretical, ideological and methodological «disunity» of jurisprudence; b) a study of historical sources and modern approaches to the development of conceptual foundations for integrating legal science. The integral-methodological approach is substantiated, within the framework of which the content of law is interpreted as a derivative of the forms of self-organisation of human existence, which can serve as the basis for coordinating the theoretical-dogmatic, ontological, cultural-value, socio-historical, procedural-practical planes of legal science and practice.

Keywords: jurisprudence, legal reality, theory of law, philosophy of law, system of law, natural law, positive law, integral legal understanding, legal methodology, legal normativity, legal consciousness, legal self-organisation, legal order

For citation: Bezhentsev A.A. Law: The Integration Concept. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 13–27. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.1.

Введение. В современном правоведении все более актуальной становится проблема компенсации вполне закономерных дифференциативных тенденций в области юридической науки и практики соответствующим стремлениям интегрирования права в системно организованную целостность, объединяющим началом которой фигурировало бы «синтетическое» (комплексное) по своему характеру правопонимание. В условиях правового государства нормативность права уже нельзя рассматривать исключительно как продукт деятельности законодательной власти, поэтому осмысление мира права как целостной многоуровневой реальности более адекватно этим условиям, чем его интерпретация в духе этатистского нормативизма. Однако сегодня, несмотря на целесообразность разработки интегративных подходов к правоведению, отношение к нему со стороны научного сообщества достаточно неоднозначно (вплоть до откровенного сопротивления самой идее «синтезаторства» в праве). Главным контраргументом при этом выступает отсутствие в современной правовой науке каких-либо четко определенных концептуальных устоев, на базе которых возможно обоснованное ее интегрирование, а не безосновательное эклектическое сочетание разномерных плоскостей и аспектов права. Поэтому указанный пробел в теоретико-правовых и философско-правовых исследованиях стал главным мотивом выбора темы публикации.

Хотя проблематика концептуализации интегративного подхода к правоведению является в целом малоизученной, стоит отметить ряд главных направлений ее анализа в литературе. Прежде всего, в этом контексте целесообразно упомянуть ряд философско-правовых аспектов этих проблем (как, например, а) очерчение мировоззренческо-методологической специфики интегрального правопонимания; б) уточнение системно-теоретических основ целостности юридической науки и практики; в) установление базовых характеристик правовой справедливости и других ценностных измерений права; г) исследование онтологических «подвалов» естественного права, выявление и систематизация общих логико-деонтических принципов построения и применения права, социальных и психологических механизмов формирования и функционирования правосознания в контексте конкретно-исторической правовой действительности), нашедших свое отражение в научных трудах: П. Бергера, Д. Лукача, Т. Лукмана, Э. Паттаро, П. Рикера, Дж. Ролза, Ю. Хабермаса, Ф. фон Хайека, Г. Харта, Р. Циппелиуса.

Некоторые теоретико-правовые аспекты разработки интегральной юриспруденции (в частности, связанные с: а) основами дифференциации и синтеза структуры права; б) сравнительным правоведением; в) коммуникативной тео-

рией права; г) естественно-позитивным подходом к источникам правовой нормативности; д) аутопойетической концепцией права; е) социологизацией концептуальных основ единства прав и обязанностей) анализировались в работах: Ж.-Л. Бержеля, Г. Бермана, А. Кауфманна, Л. Фуллера, Дж. Холла.

Ряд форм и средств реализации интегрального подхода в отдельных отраслях права и юридической науки исследовали отечественные авторы [1–7].

Методы изыскания. На основании методологических принципов непротиворечивости и полноты, выражающих необходимые логико-научные требования к теоретическим обобщениям и систематизациям, анализируются основные современные философско-правовые концепции правопонимания (для выявления коллизий и пробелов, которые необходимо устранить). Исторический метод использован для выявления факторов генезиса и динамики развития интегральных подходов к праву. С помощью методов индуктивного обобщения и теоретического моделирования, соответственно, определены и систематизированы концептуальные основы интегративных подходов к познанию, созданию и применению права. Метод формально-логического анализа использован при исследовании основ дифференциации структуры права и его логико-деонтологического единства как нормативной системы. Метод диалектического синтеза служил основой интегрирования отдельных диверсифицированных аспектов права в целях установления его координационной целостности. На основе сравнительно-правового метода выявлены зависимости между: а) спецификой правопонимания; б) базовыми направлениями правовой принадлежности; в) организационными характеристиками общественно-политической реальности, анализ которых осуществлен с применением структурно-функционального и системно-динамического методов.

I) Теоретико-мировоззренческие противоречия классического правопонимания как факторы актуализации его пересмотра.

Субъективистское правопонимание, будучи абсолютизированным, приводит к одностороннему и противоречивому толкованию сущностного содержания права, сталкиваясь с рядом неразрешимых (при такой абсолютизации) парадоксов. В то же время, такой «параллелизм» вызван прежде всего инерционным ориентированием на жесткую субъект-объектную схему классической рациональности, согласно которой познавательно-практическая деятельность является только «переходным каналом» между двумя достаточно автономными мирами – «миром вещей» и «миром идей». Доминирующая же постклассическая рациональность основывается на парадигме интерсубъективности, которая предполагает гносеологическое единство бытия и сознания, объекта и субъекта. Синтезирующим началом здесь выступает реальность межчеловеческой коммуникации, в недрах которой ценностно-смысловые измерения действительности (и, в частности, правовой) перманентно формируются и модифицируются как «результирующие векторы» индивидуальных свобод. При этом правовая принадлежность не «выводится» из правовой реальности и не «при-

вносится» в нее из «априорной человеческой субъективности», а предстает как постоянно вплетенная в коммуникативное поле общественного существования. Соответственно, при осуществлении такого «синтетического» подхода к правопониманию открываются существенные возможности для дальнейшего интегрирования современного правоведения.

Прорабатывая отрицательные тенденции дуализма естественного и позитивного права и анализируя методологические коллизии, вызванные абсолютизацией естественных и позитивистских подходов к познанию и осуществлению права, заметим, что «справедливая объективность» права должна связываться с взаимосогласованием индивидуально-субъективных направлений свободы человеческого бытия в природном и общественном мире. Эту цель нельзя достичь исключительно средствами реализации какой-либо одной из упомянутых парадигм правопонимания: а) естественно-правовой подход без позитивного теряет каналы индивидуализации общей нормативности, вследствие чего возникают существенные барьеры для ее практической действенности; б) тогда как игнорирование метаюридических основ права лишает формальные директивы закона любых каналов их связи с общественно существенными источниками правовой принадлежности, что, конечно же, открывает достаточно широкие дополнительные возможности для узаконения несправедливости.

Несмотря на необъятность окончательного решения проблемы «справедливости закона» (перманентное самосоздание новой человеческой природы постоянно заставляет переосмысливать «естественно-человеческие» мерила справедливости), необоснованным будет признание «бесполезности» ее постановки и принципиальной ее неразрешимости человеческим стремлением к пропорциональности и оптимальному балансу между: а) реальным и желаемым; б) субъективным и объективным; в) свободой и ответственностью; г) индивидуалистским и коммунитарным аспектами представлений о «благе».

Приведенные соображения свидетельствуют о необходимости и возможности разработки интегрального правопонимания, в контексте которого право выступает как опосредующее звено между бытием и принадлежностью.

Осваивая персоналистские и социаторные измерения права: 1) дивергенцию; 2) проблемность взаимосогласования, проанализируем те аспекты своеобразной «двойственности» бытия права, которые приводят к дискуссии относительно индивидуально-субъективной или социальной доминанты в генерировании смысловых ориентиров последнего. Склонимся к выводу: каким бы ни было желание после длительного тоталитарного прошлого с его насильственным «огосударствлением» права погрузиться в другую крайность – абсолютную персонализацию прав, все же приходится констатировать необходимость учета не только индивидуально-личностного аспекта правопонимания, не только права того или иного отдельного индивида, но и права человеческого сообщества.

Актуальными являются принципиальные пути интегрирования современного права: а) как на уровне общетеоретического правопонимания (в направлении согласования индивидуально-личностных и общественных его субстан-

ционных основ); б) так и в аспекте достижения логико-функционального единства альтернативных модусов его материализации в праве, олицетворенных, соответственно, в а) частном; б) публичном. Ведь, рассматривая познание, созидание или применение права как на профессионально-юридическом, научно-теоретическом или повседневно-практическом уровне, так и в форме «стихийных» общественно-коммуникативных или официально-законодательных норм, необходимо осмысливать его содержание с позиции целевого баланса индивидуального и общественного моментов.

II) Методологические коллизии правовой науки в контексте формирования концепции целостности права.

Зондируя конкурирование: 1) дедуктивизма; 2) интуитивизма как основную методологическую дилемму в юриспруденции, наблюдаем причины и последствия поляризации методологических основ современного правоведения. Проблема выбора между такими подходами считается «основной дилеммой», поскольку, независимо от: а) мировоззренческих; б) политических; в) социальных; г) религиозных; д) нравственных или других ориентиров исследователя, она так или иначе предстает перед ним при определении собственной методологической позиции.

В то же время противоборство и взаимонепризнание двух упомянутых подходов все больше отмечается не столько креативным характером (ведь, безусловно, разработка по усовершенствованию каждой из этих альтернативных ориентаций правовой методологии в определенной степени стимулируются успехами оппонентов), сколько порождает и усиливает недоверие к самой науке, как неспособной разрешить собственные теоретико-методологические противоречия. К тому же, учитывая практическую значимость обоих этих подходов (дедуктивизма и интуитивизма) и несостоятельность попыток поглощения или вытеснения одного из них другим, обосновывается потребность в переосмыслении концептуальных основ правопонимания в направлении создания возможности преодоления все еще существующей «логико-психологической» поляризации правовых школ и их интегрирования. Целью такого синтеза является не только строгое определение границ релевантности логико-дедуктивных и интуитивно-психологических подходов к праву с тем, чтобы обеспечить их «нормальное сосуществование» по принципу «дополнительности», но и предусмотрение направленности к согласованности между обеспечиваемыми логикой средствами познания и осуществления правосознания, то есть между: а) объективной рациональностью, к которой стремится логика; б) субъективной целесообразностью, резонирующей с эмоционально-психологическим чувством справедливости.

Изучая: а) метафизику; б) правовой реализм, связанные с исследованием методологических разногласий между упомянутыми школами современной юриспруденции с целью выяснения возможных путей сочетания их креативных потенциалов, отметим, что любой реальный правопорядок, осуществляемый в обществе на основании формально-законной нормативности, двумерен.

С одной стороны, он должен согласовываться с конкретно-историческими представлениями о «справедливой принадлежности», являющейся своеобразной «интерсубъективной равнодействующей» индивидуальных стремлений расширения свободы в контексте общественной коммуникации (такие представления воплощаются в правовых и других регулятивных ценностях общества). Соответственно, с позиции «метафизики права» осуществляется рефлексия последнего на уровне философско-правового анализа, в контексте которого, собственно, и открывается его «общая идея» и конкретно-историческая бытийная сущность.

С другой стороны, правопорядок конституируется в каждой отдельно взятой реальной ситуации правоотношений, которые далеко не всегда могут быть однозначно подведены под определенные обобщенные принципы и нормы. Поэтому в рамках правового реализма наблюдается тенденция к предельной прагматизации и инструментализации юриспруденции, а также вытеснение догматизированного материального права процессуальным (как более гибким и адаптированным к конкретной юридической практике).

Штудируя антитезу: 1) эволюционизма; 2) рационализма в правовой методологии, зафиксируем, что наряду с многочисленными существующими контроверзами правовой науки и практической юриспруденции мы сталкиваемся с еще и такой фундаментальной методологической дилеммой: I) или подходить к праву чисто «феноменологически», как к фактору стремления к: а) наиболее устойчивым формам баланса человеческих взаимоотношений; б) преимущественно эффективным, в аспекте достижения такого равновесия, решениям и действиям (то есть толковать право исключительно как самоорганизацию правовой реальности); II) или искать единства права в сущностных основах человеческого бытия, воплощаемых в организации человеческого разума и осуществляемых через сознательную рационализирующуюся деятельность человека как субъекта права.

В первом случае при этом, однако, придется отказаться от претензий на выявление каких-либо критериев справедливости (вследствие логической несводимости всех потенциальных стремлений индивидуальной свободы к определенным «стандартным мерилам»).

Во втором случае исходное стремление к объективизации ориентиров правовой принадлежности путем их «метанормативного» обоснования подвергается тем же препятствиям: они связаны с субъективно-оценочным релятивизмом при измерениях права как показателем эффективности.

Таким образом, нами обосновывается мнение о том, что одним из наиболее перспективных путей преодоления методологической антитезы эволюционизма и рационализма в праве является ориентация на интегративность правопонимания в смысле «вписывания» ориентиров правовой принадлежности в контекст действительной истории и динамики общественных отношений. В этом аспекте правовой закон получает измерения его «своевременности»

в контексте требований справедливости, которые не являются «априорными» и «абсолютными», а трансформируются вместе с социальной действительностью и характером человеческой «неудовлетворенности» последней.

Обозревая обусловленность методологического плюрализма в праве и содержание интегративного подхода к правоведению, удостоверим, что структурно-функциональная неоднородность права вполне закономерно приводит к его отраслево-предметной диверсификации, а, соответственно, и к плюралистичности методов обеспечения правовой справедливости. Интегральный подход к правоведению отнюдь не предполагает «механического» сочетания разнопредметных методов, а заключается в поисках «синтетического» толкования сущности права, способного выполнять функцию того «координирующего начала», на основании которого заполнялись бы пропасти между такими правовыми позициями как: а) естественная и позитивистская; б) либертаристская и этатистская; в) онтологическая и деонтологическая; г) персоналистская и социаторная; д) метафизическая и реалистичная; е) нормативистская и казуистическая.

Направлением интегративных шагов в поисках решений этих проблем должно быть: а) координационное единство теоретического правоведения; б) философско-гуманитарные знания о человеке и обществе как онтологической меры правовых начал; в) действительные практики правоотношений и правовых механизмов их регулирования.

III) Исторические истоки и ключевые направления исследования путей синтеза теоретического правоведения.

Уточняя этапы становления и современные интерпретации идеи единства права, разбирая основные вехи истории правовой мысли и юридической практики, выяснено, что любые «колебания динамического вектора» последних либо в сторону абсолютизации естественного права, либо позитивного, либо фундаментально-теоретического, либо общественно-онтологического или нормативно-деонтологического правопонимания связаны с непреодолимыми внутритеоретическими и теоретико-практическими коллизиями. Право целесообразно рассматривать как динамический, изменяющийся продукт перманентно обновляемой правовой реальности, которая является подсистемой «универсума» общественно-коммуникативной среды, в которой субъект (вместе с его правосознанием) выступает одновременно и как создатель.

Идеи интегрального подхода к реформированию юриспруденции нашли отражения в исследованиях: Б.А. Кистяковского (русский правовед, философ, социолог неокантианской ориентации, внесший значительный вклад в теорию права и учение о правовом государстве, его работы охватывают широкий спектр вопросов, включая понятие права, связь с государством и обществом, а также роль права в формировании правового государства) [8], П.И. Новгородцева (российский ученый-правовед, философ, историк, общественный и политический деятель, один из видных представителей либерализма, известен сво-

ими работами по философии права, был одним из лидеров школы естественного права в России и выступал за возрождение нравственных идеалов в юридической науке, считал, что право является результатом сложного взаимодействия общественных сил и стремится к примирению противоречий, отстаивал идею естественного права, утверждая, что каждый человек обладает неотчуждаемыми правами, такими как право на жизнь, честь, достоинство, свободу) [9], Л.И. Петражицкого (российский и польский ученый, правовед, социолог, философ, депутат первой Государственной думы, его основной вклад в правовую науку связан с разработанной психологической концепцией права, он трактовал право как особое психическое явление, понимая под ним переживания императивно-атрибутивного характера, ему принадлежит идея разделения права на «официальное» и «интуитивное») [10], В.С. Соловьева (русский религиозный мыслитель, мистик, поэт и публицист, литературный критик, преподаватель, рассматривал право как промежуточное звено между моралью и реальностью, стремясь реализовать добро в принудительной форме, ограничивая зло, считал, что право является обязательным, поскольку оно реализует нравственные нормы и стремится к равновесию между добром и злом) [11], А.С. Ященко (русский юрист, правовед, философ, библиограф, экстраординарный профессор кафедры энциклопедии и истории философии права юридического факультета, разработал теорию и историю федерализма) [12]. Коммуникативная версия синтетического правопонимания исследована на основных направлениях интегрирования современного правоведения на базисе дискурсивно-коммуникативной теории права, согласно которой деонтологическое содержание правовой принадлежности генерируется в контексте неоднородной системы межсубъектных взаимодействий и отношений; законодательной власти и рассматривается как самоорганизующийся конгломерат, в котором такие формы ее бытия, как: а) нормативный текст, б) индивидуальное правосознание, в) общественное правосознание, г) действительные правоотношения, уже не могут фигурировать отдельно друг от друга из-за их органической взаимозависимости. Соответствующим образом, методология этого типа правопонимания не может быть моноплановой.

В то же время отмечаем, что, несмотря на в целом положительную направленность коммуникативно-философских подходов к правопониманию, преодолеть классико-метафизическое противопоставление фактуальности бытия и нормативности должного проблематично, так как такие подходы обычно основываются на неоправданной «редукции» бытийности права к лингвистически-текстуальным формам его воплощения.

Воспринимая человекомерность права и попытки его интегрирования на антропологических началах, проанализировав ряд известнейших версий синтетического подхода к праву как обоснованного определенными общечеловеческими «сущностными критериями» (речь идет о концепциях В. Брюггера, А. Гелена, Х. Плеснера), закрепим, что стремление к «антропологической интегра-

ции» права сталкивается с существенными препятствиями, связанными с множественностью как бытийных проявлений «человеческой природы», так и с еще большей неоднозначностью их теоретического осмысления. Соответствующим образом аргументируется следующий тезис: основы такой интеграции не должны ограничиваться перечислением «фундаментальных потребностей и интересов», которые должны быть положены в основу декларации «минимума естественного права», на основании которого, в свою очередь, осуществлялась бы легитимация всех других правых сущностей. Недостаточность такого подхода обусловлена прежде всего, в значительной степени условностями границы между «фундаментальными» и «производными» интересами, а также их широкой вариативностью как в социально-историческом, так и в культурно-пространственном аспектах. К тому же, по-видимому, человеческая сущность состоит не в предопределенности бытия человека теми или иными «жесткими алгоритмами» его природы, а, наоборот, в свободе его многомерного личностного «самообразования». Поэтому степень содействия права реализации именно этой свободы целесообразно рассматривать как ее базовую интегрально-антропологическую характеристику.

Кроме этого, интегративный подход к изучению феномена права, основанный на синтезирующей идеи его «человекомерности», требует комплексной теоретической рефлексии самого «образа человека», в корреляции с которым в рамках правовой антропологии предполагается воспроизвести целостный «образ права». Таким образом, должно достигаться органическое сочетание природных и культурных компонентов получаемого при этом «типизированного образа», что, в свою очередь, будет открывать возможность определения «культурных границ» реализации человеком своей природной свободы. В конце концов, модель такого образа является достаточно эффективным средством систематизации нормативного закрепления прав человека.

Ознакамливаясь с правовой герменевтикой как теорией синтеза правотолкования и правотворения, осмысливая главные факторы актуализации проблем герменевтического плана, связанные с изучением механизмов осмысления правовой реальности человеческим субъектом, ее интерпретации на уровнях индивидуального и общественного правосознания, а также адекватного ее регулирования, заключим, что понимание и толкование права как при его создании, так и в процессе его применения всегда осуществляется сквозь призму многомерной системы бытийного опыта человека, воплощенного в его разноплановых знаниях, идеалах, умениях, навыках, ценностных ориентирах, чувствах, эмоциях. К тому же сами плоскости правотворения и правотолкования лишь условно различаются на уровне гносеологического анализа права, тогда как в их действительном функционировании они практически нераздельны.

В то же время, с целью уменьшения степени интерпретаторского субъективизма при разработках герменевтических подходов к интегративной реконструк-

ции права, целесообразно сочетать такие подходы с современными исследованиями в сфере правовой онтологии, что имеет своим предметом не только изучение форм материализации права, но и, прежде всего, анализ механизмов.

Обсуждая онтологическое направление обоснования права и системного единства его бытийных форм и анализируя обзор ряда предпринимаемых в современном правоведении попыток выявления онтологических основ синтеза права на всех его уровнях – от идейно-теоретических основ правопонимания как такового до конкретно-практических методов реализации правовой нормативности и утверждения правопорядка, зафиксируем, что такой синтез основывается на идее о том, что сам правопорядок является органической частью общей системы мироустройства и, соответственно, не может не зависеть и не определяться этой «внешней» объективной организацией бытия. В то же время бытийная целостность мира создает определенные ограничения свободы, таким образом, правопорядок становится источником упорядоченной целостности, интегрального характера права как формы общественной организации. Итак, на базе комплексной онтологии права предполагается возможность взаимодополнения и органического сочетания практически всех других подходов к его изучению (а) антропологического; б) психологического; в) социологического; г) коммуникативного; д) логико-гносеологического; е) деонтологически-ценностного). К тому же, кардинальной чертой современной дискурсивной онтологии вообще и онтологии права в частности является такой их интегральный характер, который предполагает рассмотрение ценностного пространства общественного сознания как неотъемлемого и органического компонента единой системы человеческого бытия. Ведь как природно-биологические склонности человека, так и коммуникативные механизмы его вхождения в область общественных отношений и ассимиляции им правовой нормативности социального бытия всегда опосредуются в своем функционировании определенными «аксиологическими матрицами», определяющими степень значимости каждой из таких склонностей для самого индивида.

Основные результаты проведенного исследования можно сформулировать в виде следующих выводов.

1. Внутренние противоречия классического правопонимания вызываются, с одной стороны, сущностной многомерностью самого феномена права, а с другой стороны – абсолютизацией любого из отдельных аспектов последнего: субъективного или объективного, индивидуального или социального. В результате такого редукционизма утрачивается возможность непротиворечивого определения критериальных мерил права.

2. Центральным звеном такой концептуализации правопонимания целесообразно признать идею, согласно которой природа права заключается не в его предзаданности в организации самой действительности или осмысляющего ее человеческого разума, а в постоянном его «самообразовании» в процессе интерактивности его субъектов в рамках реальной степени и синтетичной кар-

тины принципом «дискретного целого», обеспечивая тем самым бытийную основу координации и функционального взаимодополнения альтернативных теоретико-методологических подходов к познанию и применению права.

3. Наиболее глубинной гносеологической основой интегрирования современной юриспруденции является парадигмальный пересмотр философского и правового мировоззрения, направленный на преодоление традиционно-метафизической поляризации субъекта и объекта, так как любое знание о мире сущего или должного бытия является производным от культурно обусловленных способов общественного взаимодействия, а потому уместнее рассматривать его интерсубъективный характер, чем его «субъективность» или «объективность».

4. Первичным источником правовой нормативности является интегральное взаимодействие и взаимосбалансирование реализаций субъективной свободы, границы которой устанавливаются в соответствии с добровольными взаимными обязательствами как гарантами обеспечения согласованных прав каждой из сторон. На этой основе может идти речь о централизованной и обобщенной нормативности регламентации приобретения, охраны и защиты законных прав субъектов.

5. В условиях демократизации общества «человекомерность» права интерпретируется уже не как «подведение» под некоторую общую для всех «человеческую природу», а как предоставление надлежащей свободы собственного создания каждым индивидом своей «сущностной определенности» и способности быть не только исполнителем, но и настоящим субъектом права. Соответственно, обоснование прав человека не может быть сведено ни к природно-антропологическому их аспекту, ни к одним только экономическим, социокультурным, аксиологическим или юридико-догматическим аргументациям. Идеи таких прав кристаллизуются в многомерной бытийной среде межчеловеческих взаимоотношений, воплощаясь в ориентирах «правовой справедливости», которые всегда осмысливаются в контексте приоритетной для индивида или определенного их сообщества ценностной иерархии и приобретают статус общечеловеческих мер культурно-политического интегрирования человечества. При этом их нормативно-юридическое гарантирование существенно зависит от возможности согласования индивидуальных, общественно-групповых, государственных, межнациональных и глобальных интересов и ценностей.

6. Решение проблемы дуализма естественного и позитивного права путем обоснования путей их рационального синтеза является важнейшим направлением чистой юриспруденции. Для этого необходим комплексный и полиметодологический подход, обеспечивающий возможность исследования не только догматических принципов формулирования, систематизации и применения норм права, но и метаюридических источников становления, осознания и переосмысления человеком правовой принадлежности в соответствующих социокультурных условиях. Концептуальным же ядром такого подхода

должна быть система принципиальных устоев, представляющих механизмы образования ориентиров правосознания в самоорганизованной коммуникативной среде общественного бытия, а также порядок материализации смысловых мер этой системы в нормах закона.

Заключение. Главной целью публикации являлось определение оптимальных направлений разработки интегративного подхода к правовой реальности и формулирование теоретических основ системного единства современного правоведения.

Для достижения указанной цели решены следующие задачи: а) проанализированы основные теоретико-мировоззренческие противоречия классического правопонимания, актуализирующие потребность его переосмысления; б) выявлены методологические коллизии современной правовой науки, в результате которых создаются препятствия для реализации идеи целостности права; в) исследованы исторические истоки и ключевые направления попыток синтеза теоретического правоведения с целью определения их конструктивных и противоречивых моментов; г) учитывая выявленные теоретико-мировоззренческие и методологические коллизии и пробелы в классических подходах к познанию и реализации права, определены базовые философско-правовые основы, которые составляют концептуальный фундамент интегративной парадигмы правопонимания.

Научная новизна результатов заключается в том, что в статье систематизированы существующие научные положения и получены новые научно обоснованные результаты, которые в комплексе решают проблему становления и развития интегрального правоведения.

Список источников

1. Егоров А.А. Эволюция права в контексте естественно-позитивной теории права / А.А. Егоров // Гражданин. Выборы. Власть. – 2025. – № 1 (35). – С. 24–33.

2. Захарцев С.И. Компрехендная теория права заметно отличается от интегральной (интегративной) теории / С.И. Захарцев, В.П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 7. – С. 187–192.

3. Карнаушенко Л.В. К вопросу о соотношении теории естественного права и теории позитивного права как факторов законодательной деятельности / Л.В. Карнаушенко // Философия права. – 2020. – № 2 (93). – С. 12–16.

4. Крусс В.И. «Синтетическое напряжение» публичного и частного права в контексте конституционализации: уголовно-процессуальный аспект / В.И. Крусс // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 4. – С. 86–97.

5. Курносенко А.А. Интегральный подход к правопониманию деятельности российской полиции / А.А. Курносенко, А.В. Гришай // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 12-1. – С. 115–122.

6. Паршина А.А. Естественное право, как ценностная основа развития системы позитивного (действующего) права / А.А. Паршина // Юридическая гносеология. – 2024. – № 6. – С. 42–51.

7. Плотников В.В. Диалектическая взаимосвязь феноменов естественного и позитивного права / В.В. Плотников, В.В. Плотников // Общество и право. – 2022. – № 3 (81). – С. 63–67.

8. Гусарова М.А. Особенности синтетического подхода к пониманию права в творчестве Б.А. Кистяковского / М.А. Гусарова // Журнал юридических исследований. – 2021. – Т. 6, № 4. – С. 4–9.

9. Кацапова И.А. Современное восприятие идейного наследия П.И. Новгородцева / И.А. Кацапова // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 93-6. – С. 93–102.

10. Невважай И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической теории права / И.Д. Невважай // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 6 (335). – С. 68–86.

11. Бердникова А.Ю. Наследие В.С. Соловьева в архивах России: аналитический обзор / А.Ю. Бердникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 818–828.

12. Гараева Г.Ф. Особенности синтетического подхода А.С. Ященко к определению права / Г.Ф. Гараева, В.Н. Корнев // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 11. – С. 84–88.

References

1. Egorov A.A. Evolution of Law in the Context of the Natural-Positive Theory of Law. *Grazhdanin. Elections. Power*, 2025, no. 1 (35), pp. 24–33. (In Russian).

2. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Comprehend Theory of Law Is Markedly Different from Integral (Integrative) Theory. *Legal Science: History and the Presence*, 2021, no. 7, pp. 187–192. (In Russian).

3. Karnaushenko L.V. On the Question of Correlation of the Theory of Natural Law and the Theory of Positive Law as Factors in Legislative Activity. *Philosophy of Law*, 2020, no. 2 (93), pp. 12–16. (In Russian).

4. Kruss V.I. «Synthetic Tension» of Public and Private Law in the Context of Constitutionalization: Criminal Procedural Aspect. *Vestnik Tver State University. Series: Law*, 2018, no. 4, pp. 86–97. (In Russian).

5. Kurnosenko A.A., Grishai A.V. An Integral Approach to the Legal Understanding of the Activities of the Russian Police. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 2023, vol. 12, no. 12-1, pp. 115–122. (In Russian).

6. Parshina A.A. Natural Law as a Value Basis for the Development of the System of Positive (Current) Law. *Legal Gnosiology*, 2024, no. 6, pp. 42–51. (In Russian).

7. Plotnikov V.V., Plotnikov V.V. Dialectical Interrelation of the Phenomena of Natural and Positive Law. *Society and Law*, 2022, no. 3 (81), pp. 63–67. (In Russian).

8. Gusarova M.A. Features of the Synthetic Approach to Understanding Law in the Works of B.A. Kistyakovsky. *Journal of Legal Studies,* 2021, vol. 6, no. 4, pp. 4–9. (In Russian).

9. Katsapova I.A. Modern Perception of the Ideological Heritage of P.I. Novgorodtsev. *Trends in the Development of Science and Education*, 2023, no. 93-6, pp. 93–102. (In Russian).

10. Nevvazhai I.D. General Theory of Legal Rules in Light of L.I. Petrazytsky Ideas about the Synthetic Theory of Law. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2017, no. 6 (335), pp. 68–86. (In Russian).

11. Berdnikova A.Yu. The Archival Heritage of V.S. Solovyov in Russia: An Analytical Review. *RUDN Journal of Philosophy*, 2023, vol. 27, no. 3, pp. 818–828. (In Russian).

12. Garaeva G.F., Kornev V.N. Features of A.S. Yashchenko Synthetic Approach to Law. *Society: Politics, Economics, Law*, 2017, no. 11, pp. 84–88. (In Russian).

Информация об авторе

Беженцев Александр Анатольевич – *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права юридического факультета*

Information about the Author

Bezhentsev Alexander Anatolevich – *Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Criminal Law, Law Faculty*

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 05.09.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 05.09.2025.

Научная статья
УДК 340
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.2

Маликова Наталия Валерьевна
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
natali-malikova@yandex.ru

Ямалетдинова Наталья Владимировна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, fnv80-80@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования и правового оформления цивилизационной модели современного российского государства, основанной на социокультурной идентичности. Авторы определяют конституционные ценности, составляющие основу системы мировоззрения населения страны и играющие ключевую роль в укреплении государственной идентичности. Особое внимание уделено исследованию влияния государственной политики, направленной на поддержание идей независимости и самобытности государства, на законотворческий процесс. На основании проведенного анализа авторы приходят к выводу, что право выступает естественным отражением процессов формирования общероссийской гражданской идентичности, целью которых является создание сильного и независимого государства, способного противостоять вызовам современности. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных (анализ, синтез, сравнение, системно-структурный) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) способов познания.

Ключевые слова: российская государственная идентичность, конституционные ценности, общероссийская гражданская идентичность

Для цитирования: Маликова Н.В. Государственная идентичность и ее отражение в российском законодательстве / Н.В. Маликова, Н.В. Ямалетдинова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.2 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 28–36.

© Маликова Н.В., Ямалетдинова Н.В., 2025

Original article

Malikova Natalia Valerievna
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, natali-malikova@yandex.ru

Yamaletdinova Natalia Vladimirovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, fnv80-80@mail.ru

STATE IDENTITY AND ITS REFLECTION IN RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. The article examines the formation process and legal registration of the modern Russian state civilizational model, based on its socio-cultural identity. The authors identify the constitutional values that form the basis of the country's population's worldview system and play a key role in strengthening the state's identity. Special attention is paid to the influence of state policy aimed at maintaining the ideas of the state independence and identity, to the legislative process. Based on the analysis, the authors conclude that law is a natural reflection of the Russian civic identity processes formation, the purpose of which is to create a strong and independent state capable to resist the challenges of modernity. The methodological basis of the study is a complex of general scientific (analysis, synthesis, comparison, system-structural) and private scientific (formal-legal, comparative-legal) methods of cognition.

Keywords*:* Russian state identity, constitutional values, Russian civic identity

For citation: Malikova N.V., Yamaletdinova N.V. State Identity and Its Reflection in Russian Legislation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 28–36. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.2.

Введение. Актуальность поиска новых стратегий развития России, заключающихся в переосмыслении цивилизационной модели государства на основе самобытной социокультурной и конституционной идентичности, обусловлена вызовами современной эпохи – технологическими, политическими, экономическими, идеологическими и иными. Иерархическое соотношение международного (универсального) и национального (уникального) в праве эволюционно сменяется акцентуацией на государственной самоидентичности, причем этот процесс происходит во многих странах. Так, преамбула Конституции Армении созвучна мыслям о национальной идентичности: «Армянский народ, основываясь на фундаментальных принципах армянской государственности и общенациональных идеях …, принимает Конституцию Республики Армения»[1].

[1] Конституция Республики Армения (с учетом изменений 2005 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Армения. URL: https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения: 01.09.2025).

Ценностная формула Конституции Бахрейна, уважая «всемирное наследие как Запада, так и Востока», призывает адаптировать, исходя из исповедуемой в стране религии, культурных ценностей и традиций, только то, что называет «подходящим и совместимым» [1, с. 24]. Принятая в 2018 году седьмая поправка к Конституции Венгрии закрепила обязанность государственных органов сохранять идентичность венгерской нации. Подобная трансформация конституционных текстов однозначно является следствием неудачных итогов тотальной глобализации и осознания приоритетности национальных ценностей.

Являясь важным элементом мирового полицентрического правопорядка, в котором корректно сосуществуют традиционалистские ментальности, Россия в XXI столетии также движется по пути сохранения государственного суверенитета, базирующегося на национальных социокультурных ценностях. «Социальная организация западных сообществ» [2, с. 8], столкнувшись с коллективными чувствами и сознанием, показала слабую адаптируемость и возможность коренного преобразования гражданского общества. Либеральный конституционный концепт в странах Европы естественным образов оформлялся на протяжении нескольких столетий, в то время как Россия практически одномоментно совершила переход от социалистической коллективисткой идеологии к индивидуалистскому либеральному мировосприятию, что привело к вполне предсказуемому затруднению в восприятии ранее отрицаемых и порицаемых нравственных ориентиров. В ходе конституционной реформы 2020 года существенным образом была модифицирована система ценностей, лежащая в основе российской конституционной идентичности.

Правовые формы проявления государственной идентичности. Первая попытка сформулировать признаки понятия «конституционная идентичность» была предпринята еще в 2015 году, когда Конституционный Суд РФ в известном Постановлении от 14.07.2015 № 21-П, принятом относительно исполнения решения Европейского суда по правам человека в связи с запросом депутатов Государственной Думы, определил в качестве ее базовых элементов внутригосударственные нормы о фундаментальных правах и основах конституционного строя[2]. В этом же документе впервые упоминается понятие «конституционных ценностей», образованных в результате органичного слияния морально-

[2] По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

нравственных ориентиров универсального характера с традициями и идеалами, формирующими общероссийскую идентичность.

Первая попытка нормативного закрепления категории «общероссийская гражданская идентичность» была предпринята в 2012 году в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, дополненной в 2018 году положениями, характеризующими идентичность (гражданское самосознание) как «единый культурный (цивилизационный) код, интегрировавший историческое и культурное наследие всех народов России на основе общечеловеческих принципов взаимного уважения в целях сохранения и развития русской культуры»[3].

Отметим важную и неразрывную связь конституционной идентичности государства и общероссийской гражданской идентичности, во многом совпадающих по ценностным ориентирам, лежащим в их фундаменте. Но если конституционная идентичность, по справедливому утверждению В.Д. Зорькина, «есть отражаемая в основах конституционного строя, в принципах и нормах Конституции духовная суть нации-государства» [3, с. 10] и является результатом общественного согласия государства и его граждан по вопросам понимания прав человека, то общероссийская гражданская идентичность тесно связана не только с государством, обладающим генеральной правотворческой компетенцией, но и с носителем этой самой идентичности – личностью, этносом, народом. Успешное функционирование российского государства зависит от сбалансированности систем конституционной и гражданской идентичности, в результате чего у общества, народа, граждан формируется осознание принадлежности к верховному политическому институту (государству), то есть формируется общероссийская государственная идентичность.

Однако ценности, составляющие ядро российской государственной идентичности, в настоящее время в законодательстве не определены. Дуализм их смыслового наполнения кроется в необходимости гармоничного сочетания их межцивилизационной универсальности и российской национальной самобытности. Конституционные преобразования 2020 г. во многом закрепили конституционные ценности, выработанные Конституционным Судом РФ в процессе правоинтерпретационной деятельности и послужившими толчком к осмыслению и правовому закреплению концепции национальной конституционной идентичности [4, с. 406].

Важнейшее значение имеет тот факт, что единственной непосредственно обозначаемой Конституцией РФ высшей ценностью, являются человек, его права и свободы (статья 2). Все прочие значимые ценности мы можем определить в процессе комплексного толкования текста преамбулы и положений основного за-

[3] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

кона. Конституция РФ в редакции 1993 года, закрепляя основы конституционного строя, правового статуса личности, политико-правового устройства государства, оставляет недостаточно четко урегулированными вопросы укрепления суверенитета, государственности и гражданского самосознания, а также формы и характер правовой интеграции России в международное пространство.

Изменения Конституции 2020 г. значительно преобразовали ее текст и смысл, расширили ее ценностное содержание, поскольку направлены на укрепление суверенитета и формируют единую общероссийскую государственную идентичность, обеспечивая тем самым стабильность развития российского общества в условиях современных глобальных вызовов. Конституционные ценности играют ключевую роль в формировании государственной идентичности, именно они определяют мировоззренческую систему населения страны, способствуя укреплению единства многонационального российского общества. Наиболее значимые конституционные ценности, определяющие развитие современной России, включают:

– духовные и культурно-нравственные ценности как основа формирования национальной идентичности и самоопределения многонационального союза равноправных народов, соединенных общей исторической судьбой;

– государственно-управленческие ценности, обеспечивающие устойчивость конституционной идентичности, правопреемства и единства публичной власти;

– гражданско-политические ценности, сосредоточенные на обеспечении внутренней гармонии и стабильности общества, поддержании гражданского мира и социального спокойствия, укреплении и развитии институтов гражданского общества.

Таким образом, конституционные ценности и государственная идентичность образуют единый комплекс факторов, обеспечивающих безопасность и устойчивое развитие государства.

Действительно, обновленный текст Конституции РФ зафиксировал важные социальные ориентиры и институты, ставшие конституционными ценностями в ключевых сферах общественной жизни. Лингвистический анализ Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» позволил выявить интересные тенденции в употреблении слов и словосочетаний, связанных с общероссийской идентичностью, как с позиции увеличения частоты их употребления, так и первого появления в тексте [5, с. 181].

В первую группу (увеличение потребления) вошли такие категории, как «семья» (пять раз в тексте 1993 года против девяти упоминаний с учетом поправок 2020 года); «культура» (в первоначальной редакции упоминается двенадцать раз, в 2020 году – уже девятнадцать, причем в пяти случаях это связано с культурной самобытностью и этническим многообразием); исто-

рия/исторических (пять и восемь раз, причем все три «новых» употребления связаны с особенностями становления и развития российской государственности); «суверенитет» (четыре и шесть раз); «независимость» (два упоминания в первоначальной редакции и три – после внесения поправок); «Отечество» (два и пять упоминаний соответственно, увеличение коснулось положений, связанных с памятью и подвигом защитников Отечества), «память» (один раз против трех повторений); «наследие» (одно упоминание в 1993 году и два – в 2020 году); «гражданский мир и согласие» (одно и три упоминания).

В свете существенной трансформации Конституции РФ в ее тексте появились новые термины, закрепляющие изменения ценностного вектора развития российского государства. Среди них отметим следующие: «общероссийская культурная идентичность» (применимо к поддержке соотечественников, проживающих за рубежом); «патриотизм» и «гражданственность» (в контексте всестороннего воспитания детей); «государствообразующего» (в отношении русского языка как языка, объединяющего многонациональное население России); «самобытность» (культурная самобытность всех этнических групп); «Бог» (как символ веры); «солидарность» (как принцип, объединяющий поколения); «социальное партнерство» (условие устойчивого экономического роста и повышения благосостояния); «правопреемство» (как легитимная и легальная форма трансформации государства); «историческая правда» и «подвиг» (в контексте недопустимости фальсификации истории).

Значительное внимание исследователей в сфере социологии, политологии, истории к проблеме общероссийской государственной идентичности отмечается не один десяток лет, тогда как в рамках юридической науки подобные вопросы стали предметом активного изучения лишь относительно недавно. Использование термина «общероссийская идентичность» (культурологический аспект) в самой Конституции РФ имеет программный характер и отражает необходимость дальнейшего правового развития в иных нормативных правовых актах. Общероссийская идентичность важна не столько сама по себе – она вплетается в государственную политику и правотворческую деятельность в качестве инструмента укрепления государственного суверенитета [5, с. 181]. В результате этой системной работы, направленной на формирование прочной правовой базы, соответствующей современным реалиям и вызовам глобализации, российское законодательство пополнилось новым нормами, юридическими терминами и конструкциями.

Одним из ярких примеров дефинитивных новелл можно назвать изменения, внесенные в 2012 г. в Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», в соответствии с которыми некоммерческая организация, участвующая в политической деятельности в России и получающая финансирование от иностранных организаций и граждан, признается иностранным агентом. В последующем в целях «повышения эффективности регулирования института иностранных агентов с учетом текущих вызовов безопас-

ности и суверенитету Российской Федерации»[4] был принят Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», также содержащий новые юридические термины – «иностранное влияние» (статья 2) и «иностранные источники» (статья 3). В связи с этим в административном законодательстве появилась новая юридическая конструкция – конструкция состава правонарушения, предусматривающая привлечение к юридической ответственности за нарушение порядка деятельности иностранного агента (статья 19.34 КоАП РФ).

Уголовное законодательство также обогатилось рядом новых статей, отражающих изменения общественных и защиту важнейших государственных ценностей. Например, в 2020 году была введена в действие статья 234.4 УК РФ, предусматривающая ответственность за уничтожение или повреждение воинских захоронений, а также памятников и иных мемориалов, увековечивающих память погибших защитников Отечества. Спустя два года, в 2022 году, появилась новая норма – статья 275.1 УК РФ, устанавливающая наказание за сотрудничество с иностранным государством, международной либо иностранной организацией на конфиденциальной основе.

Несмотря на очевидные различия в объектах уголовно-правовой защиты (в первом случае – общественная нравственность и уважение памяти павших героев, во втором – основы конституционного строя и безопасности), мы можем выделить общий мотив криминализации этих деяний. Как правило, введение уголовной ответственности связано с ростом числа правонарушений, привлекающим значительное внимание общественности и формирующим негативный социальный резонанс, вследствие которого законодатель должным образом реагирует и признает деяние преступным. Однако в ситуации с рассматриваемыми деяниями логика развития права пошла «от обратного»: осознавая важность исторического наследия и укрепления национальной безопасности, законодатель принимает меры заранее, вводя охранительные нормы не столько в ответ на распространенность конкретных нарушений, а в качестве превентивной меры, призванной защитить фундаментальные конституционные принципы на пути формирования общероссийской государственной идентичности.

Заключение. Поиск новых путей развития России, в том числе выраженный в переосмыслении цивилизационной модели, акцентирует внимание государства на социокультурную идентичность российского народа и конституционные ценности, ее поддерживающие. Вызовы современного мира требуют глубокого осознания собственной специфики и уникальности российского пути

[4] О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием : пояснительная записка к проекту федерального закона [Электронный ресурс] // Сайт автоматизированной системы обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/113045-8 (дата обращения: 10.09.2025).

развития государственной идентичности, базирующейся на исторических традициях, культурных ценностях и принципах, закрепленных в Конституции.

Итогом системной работы, направленной на укрепление российской правовой системы, противостоящей вызовам глобализации, является обогащение отечественного законодательства новыми нормами, терминами и правовыми институтами. Данные нововведения позволяют российскому праву оперативно реагировать на возникающие изменения в правовом пространстве, обеспечивая надежную основу дальнейшего успешного развития государства.

Список источников

1. Конституции государств Азии = Constitutions of the States of Asia : в 3 т. Т. 1. Западная Азия / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – Москва : Норма, 2010. – 541 с.

2. Синха Пракаш С. Юриспруденция: философия права: краткий курс : учебное пособие : пер. с англ. / Сурия Пракаш Синха. – Москва : Академия ; Будапешт : COLPI, 1996. – 301 с.

3. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл / В.Д. Зорькин. – Санкт-Петербург : Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. – 155 с.

4. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т.Я. Хабриева // Вестник РАН. – 2020. – Т. 90, № 5. – С. 403–414.

5. Руденко В.В. Общероссийская гражданская идентичность как конституционно-правовая категория в России / В.В. Руденко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Том 8, № 1 (29). – С. 173–188.

References

1. Khabrieva T. Ya. (ed.). Constitutions of the States of Asia: in 3 vols. Vol 1. Western Asia. Moscow, Norma, 2010. 541p. (In Russian).

2. Sinha Prakash S. Jurisprudence: Philosophy of Law: A Brief Course: A Textbook: Translated from English. Moscow, Academy; Budapest, COLPI, 1996. 301 p. (In Russian).

3. Zorkin V.D. Constitutional Justice: Procedure and Meaning. St. Petersburg, Constitutional Court of the Russian Federation, 2021. 155 p. (In Russian).

4. Khabrieva T. Ya. Constitutional Reform in Russia: In Search of National Identity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 5, pp. 403–414. (In Russian).

5. Rudenko V.V. All-Russian civil identity as a Constitutional and Legal Category in Russia. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research,* 2022, vol. 8, no. 1 (29), pp. 173–188. (In Russian).

Информация об авторах

Маликова Наталия Валерьевна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса*;

Ямалетдинова Наталья Владимировна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права*

Information about the Authors

Malikova Natalia Valerievna *–Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure;*

Yamaletdinova Natalia Vladimirovna *– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
PUBLIC LAW

Научная статья
УДК 342.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.3

Муллахметов Альмир Альбертович
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
almir.mullakhmetov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-4720-5695

ЦИФРОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ С ГРАЖДАНАМИ И ИХ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ЛЕГИТИМНОСТИ ПРИНИМАЕМЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. В данной научной статье проводится исследование особенностей взаимодействия Государственной Думы с гражданами через веб-сайт Государственной Думы и социальные сети, работы с индивидуальными обращениями граждан через подразделения по работе с жалобами и обращениями, а также непосредственного общения депутатов с избирателями. Кроме того, проводится оценка эффективности использования онлайн-приёмных, онлайн-опросов и видеотрансляций, осуществления мониторинга социальных сетей, разработки и совершенствования личного кабинета на информационном портале «Приёмная Государственной Думы». Цель: теоретико-методологический анализ особенностей реализации цифровых механизмов взаимодействия Государственной Думы с гражданами Российской Федерации, а также определение и исследование роли данных механизмов в процессе обеспечения законности и легитимности принимаемых решений государственного значения. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить необходимость в определении критериев эффективности взаимодействия, в установлении влияния цифровизации, в определении роли цифровых технологий и в выявлении рисков и угроз, связанных с использованием цифровых технологий

Ключевые слова: цифровизация, информация, модернизация государства, механизм взаимодействия, государственный орган, законодательная ветвь власти, Государственная Дума, граждане, Российская Федерация, гарантия прав и свобод, обеспечение, законность, правомерность, легитимность, решение, нормативно-правовой акт

© Муллахметов А.А., 2025

Для цитирования: Муллахметов А.А. Цифровые механизмы взаимодействия Государственной Думы с гражданами и их роль в обеспечении законности и легитимности принимаемых решений / А.А. Муллахметов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 37–45.

Original article

Mullakhmetov Almir Albertovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
almir.mullakhmetov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-4720-5695

DIGITAL MECHANISMS OF THE STATE DUMA AND CITIZENS INTERACTION AND THEIR ROLE IN ENSURING THE LEGITIMACY OF DECISIONS TAKEN

Abstract. The scientific research examines the interaction specifics of the State Duma and citizens with the help of website and social media platforms, working with individual appeals from citizens through the departments for complaints and appeals handling and through the direct communication between deputies and voters. The article also evaluates the effectiveness of using online reception rooms, online surveys and video broadcasts, monitoring social networks, developing and improving a personal account on information portal “the State Duma Reception”. Purpose: a theoretical and methodological analysis of the digital mechanisms’ implementation of interaction between the State Duma and citizens in the Russian Federation, as well as the definition and the study the role of these mechanisms in the process of ensuring the legitimacy of the decisions taken by the state. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: legal and dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study revealed the need to define criteria for the effective interaction, to establish the impact of digitalisation, to determine the role of digital technologies and to identify risks and threats associated with the use of digital technologies

Keywords: digitalisation, information, modernisation of the state, mechanism of interaction, state body, legislative branch of government, State Duma, citizens, Russian Federation, rights and freedoms guarantee, provision, legality, legitimacy, decision, normative legal act

For citation: Mullakhmetov A. A. Digital Mechanisms of the State Duma and Citizens Interaction and Their Role in Ensuring the Legitimacy of Decisions Taken. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 37–45. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.3

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения теоретико-методологического анализа процесса активного внедрения цифровых технологий в сферу правового регулирования и государственного управления. Это связано с тем, что данные технологии в современном обществе направлены на оптимизацию цифровых процессов в государстве, повышение общего уровня эффективности и оперативности принятия важных решений государственного значения, на обеспечение активного участия граждан Российской Федерации в управление государством.

В процессе нашего исследования мы рассмотрим следующие важные аспекты.

– Цифровые решения, которые активно принимаются и применяются в правовом регулировании и государственном управлении. К данным решениям можно отнести: различные безопасные цифровые онлайн-платформы, искусственный интеллект, облачные сервисы хранения информации, современные блокчейн-технологии и т.д.

– Электронное правительство Российской Федерации. Данный аспект признается важнейшим средством взаимодействия государства и граждан. Электронное правительство направлено на общее расширение цифрового участия, повышение качества предоставляемых услуг, оперативности и прозрачности взаимодействия с обществом в процессе оказания правовой и иной помощи.

– Каналы прямой и обратной связи, которые имеются между государственными органами и обществом. Они направлены на информирование граждан о сути принимаемых государственных решений и извещение публичных органов власти о позиции населения по важнейшим вопросам социального значения.

– Роль цифровых технологий в процессе обеспечения участия населения в управлении делами государства, а также в повышении достоверности и точности учёта сведений, связанных с правами и со свободами граждан Российской Федерации.

Также в данной научной работе мы подробно рассмотрим примеры применения цифровых технологий в процессе осуществления государственного управления. Так, например, подобные технологии активно используются в процессе проведения электронного голосования, управления персональными данными граждан и идентификации с применением цифровых технологий.

Теоретико-методологический анализ особенностей реализации цифровых механизмов взаимодействия Государственной Думы с гражданами Российской Федерации и их роли в процессе обеспечения законности и легитимности принимаемых решений государственного значения. Теория государства и права на сегодняшний день в качестве основной своей цели ставит исследование развития социума и общественных отношений в современных условиях цифровизации, которая охватывает все сферы общественной жизни. В достижении данной цели и в распространении электронных средств в государстве важную роль играют органы публичной власти. В качестве основной ветви вла-

сти, которая занимается разработкой и формированием законодательной базы, выступает Государственная Дума Российской Федерации. В нынешних реалиях совершенствования цифровых технологий наблюдается возникновение новых особенностей реализации цифровых механизмов взаимодействия Государственной Думы с гражданами. Наше исследование будет основано на анализе концепции «Умный парламент Российской Федерации» (Smart-парламент), который является одной из самых ведущих и значимых цифровых механизмов взаимосвязи Государственной думы с гражданами Российской Федерации.

Начнём теоретико-методологический анализ с определения цифровых механизмов Государственной Думы Российской Федерации (далее – Госдумы РФ). Так, под цифровыми механизмами Госдумы РФ понимаются современные информационные системы и процессы, которые автоматизированы посредством цифровых технологий, обеспечивающих информационное обеспечение нормотворческой инициативы палаты. Данные механизмы включают применение электронных систем, мониторинг правотворческого процесса и иные инструменты, а также правовое регулирование их реализации законодательной базой.

О.Л. Даник и Н.В. Куриная пишут: «В современном обществе, где информационные технологии и цифровизация играют ключевую роль, важность продвижения культуры клиентоцентричности в процессе формирования новых положений взаимодействия граждан и государства становится очевидной, поскольку граждане ожидают от государственных услуг высокого уровня качества и оперативности, а также индивидуального подхода, учитывающего их потребности и предпочтения» [1, с. 169]. Автор абсолютно верно подчёркивает индивидуализм и профессионализм деятельности государственных органов в процессе предоставления услуг гражданам, так как данные признаки приобретают наибольшую значимость именно в нынешнее прогрессивное цифровое время, когда взаимодействие общества и государства постепенно выходит на новый уровень.

Триаду цифровых механизмов составляют: информационные системы, процессы и законодательство. Проведём исследование каждого аспекта цифровых механизмов по отдельности.

К основным информационным системами, которые применяются в Госдуме РФ для реализации цифровых механизмов относятся:

– Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД). Данная система направлена на обеспечение осуществления поиска и применения информации об этапах движения законодательного проекта – от этапа его внесения в Госдуму до момента официального принятия и подписания Президентом Российской Федерации. Специфика этой системы заключается в том, что в ней хранятся законодательные проекты в их оригинальном и полном текстовом формате, существенные основания отклонения и критические замечания по содержанию или по смыслу.

– Система электронного документооборота. Данная система применяется для обеспечения автоматизированной и электронной обработки официальных документов в цифровом варианте от момента их формирования, внесения поправок и до окончательного принятия. Кроме того, система электронного документооборота предоставляет пользователям возможность искать, формировать, хранить, обрабатывать и распространять данные официальные документы в бумажном или электронном формате, а ещё осуществлять контроль исполнения различных поручений со стороны руководства.

– Справочная информационно-поисковая система «Закон». Как правило, эта система в основном применяется как ключевой источник поиска законодательных актов в Госдуме РФ.

– Компьютерный мониторинг законодательного процесса. Подобный мониторинг направлен на получение в быстром режиме информации о стадии и этапах рассмотрения и движения законодательных проектов, о соблюдении определённых сроков реализации конкретных действий.

В современный период эффективность и высокий уровень автоматизации цифровых механизмов во многом обеспечивается благодаря:

– разработке, подготовке и формированию официальных текстов законодательных проектов;

– автоматизированному осуществлению контроля за соблюдением условий для дальнейшего прохождения нормативного документа;

– информационному обеспечению процесса обсуждения законодательного проекта до момента его официального рассмотрения на пленарном заседании Госдумы;

– распространению официальных текстов правовой и иной информации среди депутатов Госдумы;

– информационно-технологическому обеспечению деятельности пленарного заседания Госдумы, включая в том числе электронное голосование депутатов.

Процесс применения цифровых механизмов осуществляется и регулируется Регламентом Государственной Думы[1] и Указом Президента РФ от 21 июля 2021 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[2]. Регламент Государственной Думы в главе 11 «Контроль за использованием электронной системы» предусматривает основные правила использования электронных систем для различных государственных и социальных задач. Так, например, итоги регистрации и итоги голосования депутатов в

[1] О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : утв. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД [Электронный ресурс] // Интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.09.2025).

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 21.07.2021 № 474 [Электронный ресурс] // Интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.09.2025).

формате цифровых сведений добавляются в стенографический отчёт заседания Госдумы. Однако исключение составляют сведения о закрытых заседаниях Госдумы. В свою очередь, Указ Президента РФ от 21 июля 2021 г. № 474 определяет основную национальную цель «Цифровая трансформация». Она включает в себя возможность формирования и применения цифровых технологий в процессы управления государства, в том числе в деятельность Государственной Думы РФ.

На сегодняшний день в условиях постоянного совершенствования общества и формирования общемировых тенденций развития цифровизации абсолютно всех сфер общественной жизни на территории Российской Федерации тщательно разрабатываются и эффективно реализуются системы обеспечения открытости и доступности информации о деятельности Госдумы. Эта проблема очень актуальна и в современных условиях формирования и совершенствования цифрового общества в нашей стране. В нынешний период информационная прозрачность государственных органов власти признаётся самой важной характеристикой эффективной и прогрессивной политики государственного и муниципального управления.

В связи с этим главным вектором развития и повышения прозрачности государственных органов власти представляется разработка таких механизмов и подходов управления, которые будут эффективно обеспечивать удовлетворение всех потребностей и интересов российского общества, посредством системного распространения целей, задач, хода реализации и итогов осуществления деятельности органов публичной власти на всех уровнях государства. Кроме того, немаловажным и перспективным направлением развития является взаимодействие публичной власти с обществом при принятии важных решений государственного значения, в том числе путём применения онлайн-сервисов в информационно-телекоммуникационной сети и всемирной платформой «Интернет».

Специфика цифровых механизмов взаимодействия Государственной Думы с гражданами заключается в возможности применения законодательных мер, информационных онлайн-платформ и электронных технологий, которые направлены на повышение прозрачности функционирования парламента и вовлечения общества в нормотворческий процесс. При этом основными задачами цифровых механизмов являются: обеспечение открытости, доступности и оперативности осуществления процессов государственного управления; и обеспечение взаимодействия с населением при принятии важных административных и политических решений.

П.А. Ларцев считает: «В условиях цифровой трансформации и становления информационного общества в России особую важность приобретает процесс перехода диалога власти и граждан в онлайн плоскость, призванного решить проблему низкого уровня коммуникации органов власти для людей, что для нашей страны на протяжении всей истории было острой проблемой» [2. с. 174].

Исследователь абсолютно точно и верно подчёркивает важность и актуальность данной проблемы, так как для населения крайне важно быть осведомленным о принятии значимых решений публичными органами власти. В свою очередь, цифровые механизмы посредством совершенствования онлайн-платформ направлены на обеспечение гласности и открытости предоставления информации. Исключение составляет информация, которая содержит государственную тайну, так как по закону никакими средствами (даже цифровыми) не допускается разглашение данных сведений, что направлено на сохранение национальной безопасности и защиту целостности государства в прогрессивном киберпространстве.

С.Н. Косарецкий в своей научной работе определяет информационную прозрачность государственных органов власти следующим образом: «Возможность получения сведений о деятельности органов государственной власти посредством гарантированного доступа к носителям информации (документам, а также другим аудиальным и визуальным носителям), на которых фиксируются решения, затрагивающие общественно значимые вопросы» [3, с. 57].

Вся государственная система в рамках исследуемой нами темы направлена на совершенствование концепции «Умный парламент Российской Федерации» (Smart-парламент), которая включает в себя все ранее упомянутые цифровые механизмы. Другими словами, основным результатом цифровизации взаимодействия Государственной Думы с гражданами РФ является именно разработка данной концепции.

В.Н. Южаков, А.Н. Покида, Н.В. Зыбукновская и А.Н. Старостина в коллективной научной статье пишут: «Процессы цифровизации охватывают разные стороны жизни российского общества. Они особенно активизировались в связи с пандемией COVID-19, показавшей значимость цифровых технологий для получения различных услуг дистанционно и при взаимодействии граждан с государством. Вместе с тем новые технологии могут нести существенные риски, которые будут осложнять их внедрение. Интерес представляет отношение к таким инновациям в обществе, восприятие гражданами возможностей и проблем цифровизации, фактическое участие и желание участвовать в этом процессе» [4, с. 40].

На сегодняшний день цифровые механизмы играют важную роль в процессе обеспечения легитимности и законности принимаемых решений, в частности в правовой сфере. Приведём основные аспекты данного взаимодействия:

– общее упрощение цифрового освоения и осмысления населением законодательных положений. Современные информационные технологии направлены на накопление электронных сведений о легитимных положениях и на обеспечение компьютерных механизмов поиска и систематизации поступаемых сведений;

– упрощение системы и последовательности совершения значимых правовых действий посредством применения цифровых технологий. Так, например, согласование основных условий и заключение соглашения посредством

системы составления договоров либо разработка заявлений и обращений через специальные механизмы на основе управленческих правил.

Следовательно, современные цифровые механизмы взаимодействия Государственной Думы с гражданами позволяют оптимизировать правореализационные и правоприменительные управленческие аспекты, что в целом напрямую улучшает качество правовой деятельности на территории Российской Федерации.

Заключение. Наше исследование позволило выявить необходимость в определении критериев эффективности взаимодействия:

1) в установлении влияния цифровизации;

2) в определении роли цифровых технологий;

3) в выявлении рисков и угроз, связанных с использованием цифровых технологий.

Посредством применения цифровых технологий органы публичной власти получают оперативную обратную связь с населением, возможность проведения мониторинга отношения общества к принимаемым решениям. В свою очередь, это может оказать существенное воздействие на положительный итог функционирования как Государственной Думы, так и иных органов государственной власти.

Таким образом, на основании проведённого нами исследования, мы можем прийти к выводу о том, что современные и активно применяемые цифровые механизмы оказывают положительное и эффективное воздействие на повышение общего уровня взаимопонимания между субъектами общества и государства, на корпоративный поиск взаимодополняющих и важных управленческих решений государственного значения.

Список источников

1. Даник О.Л. Цифровая трансформация взаимодействия государства и граждан: от традиционных сервисов к клиентоцентричной модели / О.Л. Даник, Н.В. Куриная // Молодой ученый. – 2025. – № 37 (588). – С. 169–175.

2. Ларцев П.А. Цифровизация государственного и муниципального управления как процесс повышения открытости органов власти / П.А. Ларцев // Молодой ученый. – 2023. – № 24 (471). – С. 173–174.

3. Косарецкий С.Н. Информационная открытость сайтов законодательных органов государственной власти субъектов РФ / С.Н. Косарецкий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 2 (15). – С. 57–61.

4. Южаков В.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив / В.Н. Южаков, А.Н. Покида, Н.В. Зыбукновская, А.Н. Старостина // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 2. – С. 33–73.

References

1. Danik O. L., Kurinaya N. V. Digital Transformation of Interaction between the State and Citizens: from Traditional Services to a Client–Oriented Model. *Young Scientist*, 2025, no. 37 (588), pp. 169–175. (In Russian).

2. Lartsev P. A. Digitalisation of State and Municipal Administration as a Process of Increasing the Openness of Government Authorities. *Young Scientist*. 2023, no. 24 (471), pp. 173–174. (In Russian).

3. Kosaretsky S. N. Information Transparency of Websites of State Power Legislative Bodies of the Entities of the Russian Federation. *Central Russian Journal of Social Sciences,* 2010, no. 2 (15), pp. 57–61. (In Russian).

4. Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybuknovskaya N.V., Starostina A.N. Digitalisation of Interaction between Citizens and State: Citizens' Assessment of Effects, Risks and Prospects. *Public Administration Issues,* 2023, no. 2, pp. 33–73. (In Russian).

Информация об авторе

Муллахметов Альмир Альбертович *– ассистент кафедры теории государства и права, аспирант 2 года обучения Института права*

Information about the Author

Mullakhmetov Almir Albertovich *– Teaching Assistant of the Chair of Theory of State and Law, 2nd Year Postgraduate Student, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

LABOR LAW; SOCIAL SECURITY LAW

Научная статья
УДК 349.2
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.4

Сосновщенко Алла Владимировна
Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия, al.sosnovshchenko@yandex.ru

ТРУДОУСТРОЙСТВО БЕРЕМЕННОЙ РАБОТНИЦЫ: ОБЗОР СУДЕБНЫХ СПОРОВ С СОЦИАЛЬНЫМ ФОНДОМ РОССИИ И КРИТЕРИИ ФИКТИВНОСТИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Тема фиктивного трудоустройства уже многие годы остаётся актуальной в правовой науке во многом ввиду отсутствия нормативно закреплённого понятия и критериев фиктивности. Наиболее значимым в рамках изучаемой тематики для нас представляется определение критериев фиктивности трудовых правоотношений при трудоустройстве беременной работницы, так как формирование конкретных признаков фиктивности позволит добросовестным работодателям лучше ориентироваться в ситуации и не считать трудоустройство данной категории работниц риском для себя. Цель: анализ теоретических положений, раскрывающих сущность и характер фиктивного трудоустройства, изучение судебной практики в контексте споров работодателей и Социального фонда России (СФР) по вопросу признания фиктивным трудоустройства беременной работницы, формулирование применимых к данным ситуациям критериев фиктивности трудовых правоотношений. Методы: для достижения поставленных целей исследования были задействованы следующие методы познания: эмпирические методы описания, сравнения и систематизации; теоретические методы анализа, синтеза, индукции; также формально-юридический метод применялся при описании норм права, регулирующих рассматриваемые правоотношения. Результаты: на основе изученных теоретических положений и примеров правоприменения выявлен набор базовых критериев, свидетельствующих о фиктивности трудоустройства беременной работницы: отсутствие кадровой и экономической целесообразности приёма на работу; наличие у руководства организации-работодателя родственных связей с работницей; приём на работу без учёта деловых качеств соискательницы; ненадлежащим образом оформленная кадровая документация.

© Сосновщенко А.В., 2025

Ключевые слова: фиктивное трудоустройство, беременная работница, трудовой договор, злоупотребление правом, критерии

Для цитирования: Сосновщенко А.В. Трудоустройство беременной работницы: обзор судебных споров с Социальным фондом России и критерии фиктивности трудовых отношений / А.В. Сосновщенко. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.4 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 46–58.

Original article

Sosnovshchenko Alla Vladimirovna
Volgo-Vyatka Institute (Branch) of the O.E. Kutafin University (MSAL), Kirov, Russia,
al.sosnovshchenko@yandex.ru

A PREGNANT WORKER EMPLOYMENT : REVIEW OF LITIGATION AGAINST THE SOCIAL FUND OF RUSSIA AND CRITERIA FOR LABOUR RELATIONS' FICTITIOUSNESS

Abstract. The topic of ghost employee schemes has been relevant in legal science for many years, largely due to the lack of a normative concept and criteria of fictitiousness. The most important within the studied subject for us is the definition of the criteria for the fictitiousness of labour relations in the employment of a pregnant worker, because the formation of specific signs of fictitiousness will allow fair employers to better orient in the situation and not consider employment of this category of workers as a risk for themselves. Purpose: to analyse the theoretical provisions that reveal the essence and nature of ghost employee schemes, to study the judicial practice in the context of disputes between employers and the SFR on the recognition the employment of a pregnant employee as fictitious, to formulate the criteria for the fictitiousness of labour relations applicable to these situations. Methods: to achieve the goals of the study, the following methods of cognition were used: empirical methods of description, comparison and systematisation; theoretical methods of analysis, synthesis, induction; also, the formal legal method was used to describe the legal norms governing the legal relations under consideration. Results: based on the theoretical provisions and the examples of law enforcement, we identify a set of basic criteria that indicate the ghost employee schemes of a pregnant worker: the lack of stuff and economic viability of hiring; the presence of family ties between the management of the employer organisation and the employee; hiring without taking into account the business qualities of the applicant; improperly executed personnel documentation.

Keywords: ghost employee schemes, pregnant employee, employment contract, abuse of rights, criteria

For citation: Sosnovshchenko A.V. A Pregnant Worker Employment: Review of Litigation against the Social Fund of Russia and Criteria for Labour Relations' Fictitiousness. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 46–58. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.4.

Введение. Одна из наиболее социально значимых функций трудовых правоотношений связана с возникновением у работника ряда гарантий после трудоустройства – в первую очередь возможности получения страхового обеспечения при наступлении определённых обстоятельств. Однако в некоторых случаях стороны трудовых правоотношений злоупотребляют своим правом, заключая трудовые договоры формально, без намерения фактически выполнять работу.

Нередко такие фиктивные трудовые договоры заключаются в целях получения средств фонда социального страхования в части страхового обеспечения по обязательному страхованию на случай временной нетрудоспособности в связи с материнством.

Однако злоупотребления некоторых работодателей и наличие определённых рисков признания трудовых отношений фиктивными не может являться обоснованием, к примеру, для законодательно запрещённого отказа в приёме на работу беременной женщины. Соответственно, добросовестным работодателям, по нашему мнению, целесообразно знать и учитывать возможные риски, чтобы оформлять трудовые отношения корректно и не вызывать у контролирующих органов вопросы относительно реальности трудоустройства.

Значимые условия, которые определяют действительность или фиктивность трудового договора, являются предметом изучения как в рамках правовых исследований, так и в практике споров работодателей и СФР в контексте возмещения из фонда средств на выплату пособия по беременности и родам. Следует отметить, что в теоретических работах не представляется возможным выявить и сформулировать конкретные требования к работодателю, при выполнении которых действительность трудовых отношений не может быть оспорена. Также и на практике – в судебных решениях схожие обстоятельства могут быть оценены по-разному из-за индивидуальных различий рассматриваемых дел.

Тем не менее, в рамках обобщающего исследования возможно сформулировать некоторые фундаментальные риски, которые в большинстве случаев будут указывать на фиктивность трудового договора, заключенного с работницей незадолго до её отпуска по беременности и родам.

Признание фиктивным трудоустройства незадолго до отпуска по беременности и родам – в теории и на практике. Согласно статье 56 Трудового кодекса, трудовой договор – это соглашение работника и работодателя, в соответствии с которым работодатель обязан предоставить работнику работу (в порядке и на условиях, определенных законом), а также своевременно и в пол-

ном размере выплачивать заработную плату, работник, в свою очередь, обязан лично выполнять свою трудовую функцию, соблюдая правила, действующие у работодателя[1].

Понятие фиктивного заключения трудового договора не закреплено нормативно, однако часто встречается как комплексное понятие в правоприменительной и судебной практике, разъяснениях контролирующих органов. К примеру, в Определении Конституционного Суда РФ от 06.04.2023 № 747-О есть указание на фиктивное трудоустройство, которое устанавливается исходя из фактического неосуществления работы по трудовому договору и, в свою очередь, не порождает право на получение страхового обеспечения в виде пособия по беременности и родам[2].

Также, как отмечает в своём исследовании Т.Н. Бойкова, вместо термина «фиктивное трудоустройство» в судебных актах встречаются такие понятия, как «искусственная ситуация вне реальной трудовой деятельности», «искусственная ситуация трудоустройства», «искусственная ситуация (прием на работу) для необоснованного получения денежных средств», «искусственно созданные формальные условия» и тому подобное [1, с. 13].

Анализируя тему формальных трудовых отношений, С.А. Осетров подчеркивает, что в наиболее общем виде фиктивность трудового договора сопоставима с институтом ничтожности сделки в гражданском праве, однако, в отличие от ничтожности сделки, в отношении фиктивности трудового договора не существует механизма признания трудового договора ничтожным и применения последствий недействительности сделки – «заинтересованным лицам, права которых нарушены в результате фиктивного трудоустройства, приходится искать самостоятельные формы защиты права в рамках смежных правоотношений» [2, с. 33].

Как уже отмечалось ранее, понятие фиктивности трудового договора не закреплено нормативно, с чем связано также отсутствие конкретных, указанных в трудовом законодательстве признаков фиктивных трудовых отношений. Безусловно, исходя из самой сути данных правоотношений, возможно теоретически обозначить, что реальность трудовых отношений связана с наличием трудового договора, фактическим выполнением работником трудовых функций, выплатой заработной платы, а также с соответствующим намерением сторон и с их добросовестностью. Как указывает Государственная инспекция труда, трудовой договор

---

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации : текст с изменениями, вступившими в силу с 07.04.2025 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 06.04.2023 № 747-О // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

может считаться фиктивным, если стороны при его заключении «не планировали фактического возникновения трудовых отношений»[3].

На основании рассмотренных нами судебных решений, теоретическое понимание фиктивности возможно расширить и сформулировать следующие критерии, указывающие на нереальность трудовых отношений применительно к приёму на работу беременной женщины непосредственно перед наступлением страхового случая.

1. Отсутствие кадровой и экономической целесообразности трудоустройства.

Относительно целесообразности трудоустройства в рассмотренной нами судебной практике можно отметить некоторую двойственность: с одной стороны, ряд решений указывает на наличие у работодателя права решать вопросы экономической и практической необходимости трудоустройства по своему усмотрению, с другой – в иных решениях производственная необоснованность трудоустройства является одним из доказательств его фиктивности.

Так, в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 суд указывает, что вопросы наличия целесообразности найма тех или иных работников не отнесены к компетенции СФР[4].

Такую же позицию высказывает суд в Решении Арбитражного суда Кемеровской области от 19.12.2024, отмечая, что принятие новых работников и распределение обязанностей между работниками «является прерогативой работодателя и не входит в компетенцию Фонда»[5].

В Решении Арбитражного суда Кемеровской области от 24.12.2024 также указано на отсутствие у страхователя обязанности обосновывать производственную необходимость приема на работу беременной работницы (кроме того, в данном случае в пользу работодателя учитывался факт выхода сотрудницы на работу после 6 месяцев нахождения в отпуске по уходу за ребенком и продолжение работы по настоящее время)[6].

---

[3] Консультация эксперта, Гострудинспекция в Орловской области. «По каким признакам трудовой договор может быть признан фиктивным? Какая за это предусмотрена ответственность?». Материал от 28.12.2024 года // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 № 18АП-8468/2024 по делу № А34-12713/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 19.12.2024 по делу № А27-20131/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[6] Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 24.12.2024 по делу № А27-15397/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

Вместе с тем в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2024 необоснованность приёма на работу была учтена при определении фиктивности трудоустройства, так как: на момент трудоустройства работница находилась на значительном сроке беременности (через 26 рабочих дней ушла в отпуск по беременности и родам), не имела опыта работы по занимаемой должности и долгое время не работала до трудоустройства. После ухода работницы в отпуск её должность «офисный служащий общего профиля» вакантна (исполнение обязанностей по должности возложено на директора, которая является свекровью работницы)[7].

В Постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.11.2024 отмечается, что работодатель не представил письменных доказательств обусловленности приёма на работу (в должности маляра) «значительным увеличением объема работы с долгосрочной перспективой исполнения (например, заключенные договоры с контрагентами), денежными поступлениями от партнеров за оказанные услуги (например, банковские выписки) …»[8].

В Решении Арбитражного суда Красноярского края от 29.01.2025 суд приходит к выводу о фиктивности трудоустройства беременной работницы на должность сторожа, указывая на отсутствие документальных доказательств кадровой и экономической необходимости приёма на работу, а также на то, что сотрудница сможет выполнять свои должностные обязанности «в значительной мере только после окончания отпуска по уходу за ребенком, и фактически потребность (при наличии) общества в работнике остается актуальной»[9].

Также, согласно Решению Арбитражного суда Удмуртской Республики от 30.01.2025, «принятие работника в штат незадолго до ухода в отпуск по беременности и родам само по себе может и не свидетельствовать о фиктивности отношений работодателя и работника… однако возмещение расходов на выплату страхового обеспечения не может ставиться в зависимость только от наличия у работодателя полномочий в сфере гражданско-правовых отношений»[10]. Суд также отмечает, что у работодателей нет обязанности принимать на работу «всех обратившихся к нему беременных женщин, без наличия у него производственной необходимости и экономической целесообразности, дело-

---

[7] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2024 № Ф08-1146/2024 по делу № А32-29812/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.11.2024 по делу № А33-12176/2024 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 29.01.2025 по делу № А33-7098/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[10] Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 30.01.2025 по делу № А71-14456/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

вых качеств соискателя и наличия свободной штатной единицы», в связи с этим, в трудоустройстве должна прослеживаться реальная деловая цель. Трудоустройство работницы в данном деле признано фиктивным, так как было оформлено в период, когда уже наступил страховой случай.

2. Трудоустройство беременной родственницы (в первую очередь, родственницы руководителей организации) непосредственно перед наступлением страхового случая.

В проанализированных нами судебных решениях отмечается, что, формально, родственный фактор не свидетельствует о фиктивности трудоустройства. Вместе с тем, в совокупности с другими обстоятельствами, указывающими на искусственность ситуации, данный критерий тоже будет учтён не в пользу работодателя.

Так, в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 суд, не признавая создание работодателем искусственной ситуации в целях необоснованного получения государственных денежных средств СФР, исходит, в частности, из того, что «законодательство не устанавливает запрета на оформление трудовых отношений с лицами, состоящими в родственных связях»[11].

Также факт аффилированности работодателя и работника в отсутствие иных доказательств не признаётся основанием для признания фиктивности трудоустройства в Решении Арбитражного суда Кемеровской области от 19.12.2024[12].

Однако, в Постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.11.2024 отмечается: «…доводы заявителя об отсутствии законодательного запрета в приеме на работу лиц, состоящих в родственных отношениях, с учетом установленных обстоятельств не имеют принципиального значения»[13].

В Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.10.2024 факт того, что работодатель является отцом застрахованного лица, наряду с другими доказательствами (нахождение работницы на момент трудоустройства на позднем сроке беременности, значительный перерыв в работе с момента последнего трудоустройства, отсутствие документов, подтверждаю-

---

[11] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 № 18АП-8468/2024 по делу № А34-12713/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 19.12.2024 по делу № А27-20131/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[13] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.11.2024 по делу № А33-12176/2024 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

щих фактическое выполнение трудовых обязанностей) был принят во внимание при признании трудоустройства фиктивным[14].

Наличие семейных отношений между директором организации-работодателя (свекровь) и работницей (невестка), принятой на работу незадолго до ухода в отпуск по беременности и родам, также было учтено не в пользу работодателя в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2024[15].

В деле, рассмотренном в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 05.02.2020, фиктивность трудоустройства, в частности, доказывал тот факт, что индивидуальный предприниматель устроил на должность заместителя свою жену за 3 недели до начала отпуска по беременности и родам (до трудоустройства и после выхода работницы в отпуск возложенные на нее обязанности индивидуальный предприниматель выполнял самостоятельно)[16].

3. Отсутствие учёта требований к стажу, квалификации и необходимым навыкам при приёме на работу.

Из представленной судебной практики следует, что в рамках разрешения дел о фиктивном трудоустройстве квалификация работницы, как правило, является предметом рассмотрения. Возможно также предположить, что отсутствие у сотрудницы необходимых навыков и стажа не становится безусловным основанием для признания трудовых правоотношений фиктивными, однако выступает существенным признаком злоупотребления правом.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.05.2024 отмечается, что реальность трудовых правоотношений доказывает, в частности, наличие у работницы (трудоустроенной незадолго до по беременности и родам) свидетельства об освоении дополнительных предпрофессиональных общеобразовательных программ в области искусств[17].

Формальность трудовых отношений, согласно Постановлению Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.10.2024, следует, в частности, из

---

[14] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.10.2024 № Ф02-4589/2024 по делу N А33-30752/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2024 № Ф08-1146/2024 по делу № А32-29812/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 05.02.2020 № 10АП-25365/2019 по делу № А41-67600/2019 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.05.2024 № Ф04-380/2024 по делу № А27-12076/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

наличия значительного перерыва в работе застрахованного лица с момента последнего его трудоустройства[18].

В Решении Арбитражного суда Удмуртской Республики от 30.01.2025 указывается, что реальность трудовых правоотношений взаимосвязана с учётом деловых качества соискателя при приёме на работу[19].

При этом в данном контексте необязателен опыт работы по текущей должности, в пользу работодателя может быть принято и наличие у работника опыта по смежной специальности.

К примеру, в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 судом принят довод страхователя о том, что у работницы был опыт работы в качестве директора магазина, в связи с чем она была принята на работу для ведения кадровой деятельности предприятия (в свою очередь, доводы СФР об отсутствии соответствующего образования и опыта работы «сами по себе ее фактического трудоустройства не опровергают»)[20].

4. Ошибки, противоречия в кадровой документации или её отсутствие.

Корректно оформленная кадровая документация относится к числу наиболее существенных доказательств, подтверждающих реальное выполнение работницей трудовых обязанностей.

К примеру, в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.02.2024 суд счёл, что факт реального осуществления трудовой деятельности подтверждают, в числе прочего, трудовой договор, приказ о приёме на работу, табели учёта рабочего времени с указанием отработанных часов, сведения о застрахованном лице по форме СЗВ-М и иные документы[21].

В свою очередь, отсутствие необходимой кадровой документации, ошибки или противоречия в документах свидетельствуют об обратном, доказывая фиктивность трудоустройства.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.10.2024 отмечается, что отсутствие документов, подтверждающих фактическое выполнение застрахованным лицом своих трудовых обязанностей, явля-

---

[18] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.10.2024 № Ф02-4589/2024 по делу № А33-30752/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 30.01.2025 по делу № А71-14456/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[20] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 № 18АП-8468/2024 по делу № А34-12713/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[21] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.02.2024 № Ф01-9378/2023 по делу № А43-17141/2022 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ется одним из факторов, указывающих на создание работодателем искусственной ситуации в целях получения средств СФР[22].

В Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2024 ряд документов был отклонен судом в качестве доказательств правомерности действий работодателя, так как они отражают факты хозяйственной жизни организации за 2023 год, в то время как трудоустройство (признанное фиктивным) и исполнение работницей должностных обязанностей происходили в 2022 году[23].

В соответствии с Решением Арбитражного суда Удмуртской Республики от 30.01.2025, противоречия в оформлении кадровой документации во взаимосвязи с другими обстоятельствами свидетельствует о наличии в действиях работодателя признаков фиктивного трудоустройства. Согласно обстоятельствам дела, трудоустройство работницы (20.03.2024) было оформлено уже после наступления страхового случая, поскольку страховой случай наступил еще 07.03.2024. Работодатель ссылается на то, что не знал и не мог знать о факте открытия больничного листа с 7 марта (сведения поступили ему только 25 марта). Однако к своему заявлению о предоставлении отпуска по беременности и родам от 20 марта работница приложила листок нетрудоспособности (который открыт с 7 марта по 24 марта по причине беременности и родов). Также непосредственно в день трудоустройства, 20 марта, этой же датой был оформлен приказ о предоставлении отпуска по беременности и родам, что свидетельствует о том, что фактически в момент наступления страхового случая сотрудница не работала[24].

Вместе с тем ошибки в кадровой документации не выступают как безусловное доказательство фиктивности трудовых отношений.

Так, в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 относительно доводов о несоответствии положений должностной инструкции фактически выполняемым работницей функциям и обязанностям суд отметил, что «…указанные доводы могут свидетельствовать лишь о наличии формальных и устранимых несоответствий относящихся к оформлению трудовых отношений, но сами по себе не подтверждают создание

---

[22] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.10.2024 № Ф02-4589/2024 по делу № А33-30752/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[23] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2024 № Ф08-1146/2024 по делу № А32-29812/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[24] Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 30.01.2025 по делу № А71-14456/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

ответчиком и третьим лицом искусственной ситуации с целью получения соответствующего пособия»[25].

За рамками вышеперечисленных признаков, важно также проанализировать в контексте фиктивного трудоустройства практическое исчисление срока от приёма на работу беременной работницы до наступления страхового случая, который может вызвать вопросы у контролирующих органов. Выявить конкретный промежуток времени, который может рассматриваться как критерий фиктивности трудоустройства, не представляется возможным – каждый случай рассматривается индивидуально и непосредственно срок не является фундаментальным фактором, указывающим на злоупотребление правом. Однако на основании изученных нами решений можно отметить, что определённые кадровые риски присутствуют при трудоустройстве от нескольких месяцев до нескольких дней до наступления страхового случая. Так, в судебной практике отмечается, в частности, следующее:

1. Совокупность обстоятельств дела указывает на отсутствие целесообразности оформления трудовых отношений с сотрудницей за 13 дней до наступления отпуска по беременности и родам (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31.08.2021)[26];

2. Фиктивным было признано трудоустройство за 26 рабочих дней до отпуска по беременности и родам (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2024)[27];

3. Трудоустройство на должность сторожа за 3,5 месяца до наступления отпуска по беременности и родам свидетельствует о направленности действий страхователя на создание искусственной ситуации для неправомерного получения денежных средств за счет Фонда (Решение Арбитражного суда Красноярского края от 29.01.2025)[28];

---

[25] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 № 18АП-8468/2024 по делу № А34-12713/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[26] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31.08.2021 № Ф10-3602/2021 по делу № А48-9176/2020 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[27] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2024 № Ф08-1146/2024 по делу № А32-29812/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[28] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 29.01.2025 по делу № А33-7098/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

4. Трудоустройство, оформленное в период, когда уже наступил страховой случай, является фиктивным (Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 30.01.2025)[29].

Однако даже самый минимальный срок от трудоустройства до наступления страхового случая не будет учитываться как доказательство фиктивности приёма на работу, если он обусловлен иными обстоятельствами, указывающими на отсутствие у работодателя и работника умысла на создание искусственной ситуации для неправомерного получения денежных средств за счет Фонда.

Так, в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 суд признал недоказанность фиктивности трудоустройства при приёме на работу за три месяца до наступления страхового случая, так как работодатель зарегистрировался и начал деятельность в качестве индивидуального предпринимателя только за 2 месяца до приема на работу сотрудницы[30].

Заключение. В рамках нашего исследования были рассмотрены основные теоретические и практические положения, характеризующие сущность фиктивного трудоустройства незадолго до отпуска по беременности и родам, и базовые критерии его установления.

Относительно теоретического осмысления термина «фиктивное трудоустройство» можно отметить, что, несмотря на отсутствие легального определения этого понятия, оно широко применяется в правовой науке и используется для описания нарушений в судебной практике и иных разъяснениях. Наиболее существенный элемент фиктивного трудоустройства сводится к отсутствию желания создать реальные трудовые правоотношения у сторон трудового договора. Мотивом для осуществления фиктивного трудоустройства может послужить целый спектр возможных злоупотреблений, однако, в контексте трудоустройства незадолго до отпуска по беременности и родам, на первый план выходит стремление сторон создать искусственную ситуацию трудоустройства для получения пособия.

Критерии определения фиктивности при создании трудовых правоотношений нормативно также не определены – в практике контролирующих органов и в судебной практике каждый случай оценивается индивидуально, исходя из совокупности факторов, свидетельствующих о направленности воли сторон на создание реальных трудовых отношений, или об отсутствии такой воли.

На основании проанализированных нами судебных решений, нам удалось выявить наиболее существенные риски при трудоустройстве беременной работницы, создающие возможность для признания трудовых отношений фиктивными:

1. Отсутствие кадровой и экономической целесообразности приёма на работу, которое выражается в трудоустройстве без необходимости для ра-

---

[29] Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 30.01.2025 по делу № А71-14456/2024 [Электронный ресурс] // Сервис «Электронное правосудие» : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[30] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 № 18АП-8468/2024 по делу № А34-12713/2023 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ботодателя, создании новой ставки при укомплектованности штата, невозможности предоставить доказательства увеличения объема работ или изменения характера работ, послуживших причиной поиска ещё одного сотрудника;

2. Наличие родственных связей с работницей (в первую очередь, у руководства организации-работодателя), которое в отрыве от ситуации не запрещено, однако вместе с иными обстоятельствами может свидетельствовать о злоупотреблении правом сторонами трудового договора;

3. Приём на работу без учёта деловых качеств соискательницы – отсутствие необходимого опыта или образования для рассматриваемой должности указывают на искусственность трудоустройства;

4. Ненадлежащим образом оформленная кадровая документация, с одной стороны, лишает работодателя важных доказательств реальности трудовых отношений, с другой – свидетельствует о формальности трудоустройства и выполнения должностных обязанностей.

Список источников

1. Бойкова Т.Н. Фиктивное трудоустройство – анализ споров / Т.Н. Бойкова // Трудовое право. – 2023. – № 7 (276). – С. 13–22.

2. Осетров С.А. Фиктивность и недействительность трудового договора: практика – есть, закона – нет / С.А. Осетров // Юридический аналитический журнал. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 32–38.

References

1. Boykova T.N. Ghost Employee Schemes: Dispute Analysis. Moscow, *Labour Law*, 2023, no. 7 (276), pp.13–22. (In Russian).

2. Osetrov S.A. Fictitiousness and Invalidity of an Employment Contract: There Is a Judicial Practice, There Is No Law. *Juridical Analytical Journal*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 32–38. (In Russian).

Информация об авторе

Сосновщенко Алла Владимировна *– старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права*

Information about the Author

Sosnovshchenko Alla Vladimirovna *– Senior Lecturer of the Chair of Labour and Entrepreneurial Law*

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 16.09.2025.
The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 16.09.2025.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Научная статья
УДК 342.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.5

Галин Ильсур Мансурович
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
galin.ilsur_98@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-2939-5771

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье анализируются правовые особенности взаимодействия государства с субъектами малого предпринимательства, уделяется особое внимание формам государственной поддержки и особенностям административной ответственности в условиях экономического кризиса. Систематизированы ключевые факторы, влияющие на формирование благоприятной правовой среды, предложены подходы к дифференцированному применению карательных мер. Обозначены правовые пробелы и практические сложности, возникающие при реализации мер государственной поддержки в периоды рецессии. Цель: исследование актуальных проблем и разработка мер по повышению эффективности механизма государственного регулирования и поддержки малого предпринимательства в современных условиях. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретация; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить необходимость применения комплексного подхода: сочетания государственных преференций и чёткого регламентирования административной ответственности. Предлагаемая нами в данном теоретико-методологическом анализе дифференциация наказаний, учёт малозначительности правонарушений и своевременная актуализация нормативно-правовой базы позволяют избежать чрезмерного давления на малые предприятия и способствуют их устойчивому развитию. Дополнительно обнаружена высокая значимость региональных про-

© Галин И.М., 2025

грамм и антикризисных мер, призванных поддержать предпринимательскую активность и сохранить экономическую стабильность страны.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государственная поддержка, административная ответственность, льготное налогообложение, организационные меры, финансирование, малозначительность, кризис, инвестиции, административно-правовое регулирование

Для цитирования: Галин И.М. Административно-правовые аспекты государственной поддержки малого предпринимательства в условиях экономической нестабильности / И.М. Галин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 59–69.

Original article

Galin Ilsur Mansurovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
galin.ilsur_98@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-2939-5771

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS FOR SMALL BUSINESSES' STATE SUPPORT IN CONDITIONS OF ECONOMIC INSTABILITY

Abstract. This article analyses the legal features of the state's interaction in small business entities, focusing on the state support forms and the specifics of administrative liability in the context of an economic crisis. The article systematises the key factors that influence on the formation of a favorable regulatory environment and proposes approaches to the differentiated application of penal measures. It also identifies legal gaps and practical challenges that arise during the implementation of state support measures in the recession periods. Purpose: to study current issues and to develop measures to improve the effectiveness of the state regulation and support mechanism for small businesses in present-day conditions. Methods: empirical methods of comparison, description, and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; and private scientific methods of legal-dogmatic analysis and interpretation of legal norms. Results: the study made it possible to highlight the need for a comprehensive approach that combines the government preferences with clear regulations on administrative liability. The differentiation of punishments proposed by us in this theoretical and methodological analysis, taking into account the insignificance of offenses and the updating regulatory framework make it possible to avoid excessive pressure on small businesses and contribute to their sustainable development. Additionally, the high importance of regional programs and anti-

crisis measures served to support entrepreneurial activity and preserve the economic stability of the country was found.

Keywords: small business, state support, administrative liability, preferential taxation, organisational measures, financing, offense insignificance, crisis, investment, administrative and legal regulation

For citation: Galin I.M. Administrative and Legal Aspects for Small Businesses' State Support in Conditions of Economic Instabilit. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 59–69. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.5.

Введение. Современное развитие малого предпринимательства в России сопровождается как позитивными структурными сдвигами, так и системными вызовами, особенно в периоды экономических кризисов. Малые предприятия, являясь важнейшими элементами национальной экономики, оказываются наиболее уязвимыми перед лицом административных, финансовых и правовых барьеров. В условиях рецессии и усиления фискальной нагрузки государственная поддержка становится ключевым фактором устойчивости и выживания субъектов малого бизнеса.

Одновременно с этим возрастает значение административно-правового регулирования, направленного как на стимулирование предпринимательской активности, так и на соблюдение установленного правопорядка. Особую значимость приобретает дифференциация правоприменительного подхода в части административной ответственности субъектов малого предпринимательства, необходимость учета их специфики, материальных возможностей и характера нарушений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки сбалансированной модели регулирования, позволяющей сочетать действенные меры государственной поддержки с механизмами профилактики и пресечения правонарушений без избыточного давления на бизнес. Важной задачей становится анализ как федерального законодательства (в частности, положений КоАП РФ), так и региональной практики реализации программ содействия малому предпринимательству в контексте обеспечения его устойчивого развития.

Теоретико-методологический анализ административно-правовых аспектов государственной поддержки малого предпринимательства в условиях экономической нестабильности. В периоды экономической рецессии, когда происходит замедление деловой активности и рост финансовых рисков, субъекты малого предпринимательства особенно нуждаются в поддержке со стороны государства. Эти сравнительно небольшие хозяйственные единицы зачастую менее защищены в сравнении с крупными компаниями, поскольку не обладают столь же значительными материальными и организационными ресурсами. В качестве приоритетной меры поддержки можно рассматривать деятельное участие публичной власти в создании благоприятной правовой среды, а также в

предоставлении целого ряда льгот и преимуществ, призванных укрепить устойчивость и конкурентоспособность субъектов малого бизнеса.

О.А. Сагина пишет: «Под «государственной поддержкой» в юридической науке понимают систематическую деятельность компетентных органов, ориентированную на развитие малых предприятий в форме оказания им разнообразных льгот, преференций и преимуществ, а также предоставления организационных и финансовых инструментов для их расширения и роста» [1, с. 18]. Органы власти формируют специальные программы, где определяют основные направления помощи и порядок её реализации, включая совокупность стимулирующих мер: упрощение доступа к ресурсам, установление льготных налоговых режимов, субсидирование процентных ставок по кредитам и привлечение внешних инвестиций. Существенное внимание уделяется механизмам, позволяющим субъектам малого предпринимательства снизить нагрузку по обязательным платежам и более свободно использовать доходы для развития. В частности, в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» прямо отражено, какие именно предприятия могут пользоваться господдержкой и какие категории организаций из неё исключаются[1].

Важной составной частью поддержки выступают различные формы льготного налогообложения, позволяющие уменьшить финансовую нагрузку на малые фирмы и индивидуальных предпринимателей. К таковым можно отнести пониженные налоговые ставки и освобождение от ряда платежей, которые обычно выплачивают более крупные предприятия. Такой подход служит своеобразным компромиссом между экономическими интересами хозяйствующих субъектов и задачами фискальной системы государства. Наряду с налоговыми послаблениями, нередко предлагаются механизмы, предусматривающие компенсацию части процентных ставок по банковским кредитам, а также предоставление субсидий, субвенций, бюджетных займов и микрофинансовых продуктов, доступных на льготных условиях. Однако реализуемость данных мер во многом определяется объёмом выделяемых средств: если соответствующие ассигнования оказываются недостаточными, значительная часть малых компаний попросту не сможет получить ожидаемой помощи [2, с. 76].

В 2015 году, следуя указу Президента Российской Федерации «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства»[2], была образована Федеральная корпорация, нацеленная на координацию и развитие малого сектора и обеспечивающая предприятиям наиболее востребованные формы государственной поддержки. К функциям данной структуры относятся финансово-гарантийная помощь, а также методологические рекомендации по

---

[1] О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ // Российская газета. 2007. 31 июля.

[2] О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства : Указ Президента РФ от 05.06.2015 № 287 // Российская газета. 2015. 9 июня.

совершенствованию управленческих процедур. Вместе с тем, в сфере развития малого бизнеса играет роль и региональный аспект: субъекты Российской Федерации и муниципалитеты получают трансферты и иные финансовые вливания из федерального бюджета, призванные стимулировать локальные программы поддержки. В каждом конкретном регионе способы применения выделенных средств могут отличаться, поскольку учитываются экономические особенности, инфраструктура и уровень предпринимательской активности.

Особое значение государственная поддержка малого бизнеса приобрела в период кризисной ситуации 2020 года, когда мировой рынок претерпел существенные ограничения, вызванные эпидемиологическими факторами. Руководствуясь принципом сохранения экономической стабильности, государственные органы РФ приняли ряд нормативных актов, позволявших снизить долговое бремя субъектов малого предпринимательства на время наиболее острого кризиса[3]. В частности, представители наиболее пострадавших отраслей получили возможность временно приостановить выплату процентов по кредитам и отсрочить исполнение ряда денежных обязательств[4]. Дополнительно вводился мораторий на возбуждение дел о банкротстве в отношении предприятий, деятельность которых попадала в определённый Правительством перечень[5]. Продлевались сроки подачи налоговой отчётности, переносились отдельные платёжные даты, а многие проверки контролирующих органов были временно приостановлены. Аналогичные послабления коснулись исполнения государственных контрактов: если пандемийные ограничения не позволяли своевременно выполнить обязательства, допускалось официальное продление сроков или изменение цены соглашения.

С точки зрения долгосрочной экономической перспективы, подобные меры играют важную роль в предотвращении массового ухода малых предприятий с рынка. Тем более что в официальных стратегиях, изложенных в Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», акцент сделан на недопущении любых об-

---

[3] Перечень поручений по итогам обращения Президента РФ в связи с распространением коронавирусной инфекции на территории страны : утв. Президентом РФ 28.03.2020 № Пр-586 [Электронный ресурс] // Интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 25.03.2025).

[4] Банк России утвердил меры по поддержке граждан, экономики и финансового сектора в условиях пандемии коронавируса : Информационное сообщение Банка России от 20.03.2020 [Электронный ресурс] // Интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 25.03.2025).

[5] О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики : постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 409 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 13 апреля.

стоятельств, которые необоснованно осложняют или приостанавливают предпринимательскую деятельность[6]. При этом главными целями остаётся снижение бюрократических барьеров, унификация электронных сервисов и стимуляция инноваций. Позднее в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» была подчёркнута необходимость внедрять цифровые подходы и платформенные решения в сфере госуправления, что особенно важно для ускоренного оказания поддержки субъектам бизнеса[7].

Следует подчеркнуть, что позитивный эффект от госпрограмм полностью раскрывается только при корректном балансировании административных и финансовых мер. С одной стороны, упрощаются процедуры для легального ведения хозяйственной деятельности, стимулируются инвестиции и производится льготное кредитование. С другой стороны, сохраняется обязанность предпринимателей соблюдать установленные законом требования и правила. В частности, при нарушении публичных интересов наступает административная ответственность, регламентируемая Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ)[8]. Тем не менее российское законодательство предусматривает механизмы, позволяющие суду учитывать малозначительность правонарушений (ст. 2.9 КоАП РФ) и смягчать наказание либо вовсе освобождать правонарушителя от ответственности, если допущенное деяние не наносит существенного вреда охраняемым интересам. Как отмечает А.Б. Панов, сама концепция малозначительности подразумевает оценку фактических последствий, размера ущерба и роли виновного лица в происшедшем, что позволяет избежать избыточного давления на малых предпринимателей в случаях несущественных проступков [3, с. 15].

Правовое регулирование административной ответственности субъектов малого предпринимательства предполагает учёт особенностей данной категории хозяйствующих единиц, в том числе в части возможных смягчающих обстоятельств и специфики наказаний. В контексте этого стоит обратить внимание на некоторые положения КоАП РФ, которые могут позволять дифференцировать наказания и снижать степень карательного воздействия на предпринимателей, не имеющих больших экономических и организационных ресурсов.

В частности, ст. 4.1 КоАП РФ («Общие правила назначения административного наказания») закрепляет правило, что субъектам малого предпринимательства может быть назначен штраф в размере, который даже ниже мини-

---

[6] О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» : Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Российская газета. 2017. 15 мая

[7] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Российская газета. 2018. 9 мая.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

мальной планки, установленной соответствующей статьёй КоАП РФ. Практически это означает, что органы правоприменения вправе учесть специфику малых хозяйственных структур и снизить размеры штрафных санкций, если это послужит более справедливым ответом на выявленное правонарушение.

Аналогично действует ст. 4.1.1 КоАП РФ («Замена административного наказания в виде административного штрафа предупреждением»). Она прямо допускает замену денежных санкций предупреждением при условии, что речь идёт об административном проступке, при условии, что он совершён лицом, осуществляющим деятельность без образования юридического лица, либо субъектом малого бизнеса. Законодатель таким образом легализует возможность более мягкого подхода к тем случаям, когда правонарушение не несет значительной общественной опасности и не влечёт тяжёлых негативных последствий для окружающих.

Вместе с тем даже с учётом ряда положений, смягчающих или ограничивающих карательные меры в отношении малого предпринимательства, сохраняется множество рисков, в том числе связанных с административной ответственностью определённых сегментов экономики и возведением сложных бюрократических барьеров на пути развития малых фирм. Нормы КоАП РФ, устанавливающие серьёзные штрафные санкции и другие наказания, теоретически могут вести к негативным социальным последствиям (например, доводя предпринимателей до состояния, при котором обычное функционирование их дела становится невозможно), если правоприменение не учитывает всю совокупность смягчающих факторов.

При анализе административно-правовых норм необходимо иметь в виду, что законодательство не использует признак «общественной опасности», характерный для уголовного права, – вместо этого говорится о «противоправности» действий (бездействия). Однако сама идея возможного вреда интересам государства и общества лежит в основе административной деликтологии, отличаясь лишь степенью серьёзности последствий от уголовной сферы. В научной дискуссии присутствуют несколько подходов: одни авторы вовсе исключают «общественную опасность» из характеристики административных правонарушений, другие считают её аналогичным признаком, но меньшей интенсивности, а третьи выделяют «вредность» как самостоятельную юридическую категорию. Отдельные учёные подчёркивают важность общего методологического анализа административного права [4, с. 245].

Для субъектов малого предпринимательства такие теоретические аспекты приобретают прикладной характер: чем активнее используются понятия «вред» или «опасность» деяния, тем выше риск, что органы контроля могут приравнять конкретное нарушение к более тяжким правонарушениям. Поэтому крайне важно, чтобы правоприменитель различал формальные составы административных проступков от случаев, когда наступает реальный вред либо существуют опасные последствия. Стандартная логика КоАП РФ такова: наказуемым являет-

ся посягательство на охраняемые законом интересы, отражённое в диспозициях статей особенной части.

С точки зрения общей теории административных правонарушений, признание противоправного деяния административным деликтом требует четырёх элементов состава:

1. Объект (защищаемые общественные отношения).
2. Объективная сторона (действие или бездействие, нарушающие нормы права; иногда учитываются также время, место, способ и другие обстоятельства).
3. Субъект (конкретное лицо, в том числе индивидуальный предприниматель или юридическое лицо).
4. Субъективная сторона (форма вины: умысел или неосторожность).

Если какой-либо из названных элементов отсутствует, административная ответственность не наступает. Так, по КоАП РФ человек, не достигший 16-летнего возраста, не является субъектом ответственности. Аналогично, если в деянии отсутствует причинная связь с наступившим вредом, либо правонарушение формально не охватывается какой-либо статьёй КоАП РФ, предприниматель не может быть подвергнут административным санкциям.

В случае с малыми предприятиями особое значение приобретает вопрос о том, как распределяется ответственность между самим юридическим лицом и конкретным должностным лицом (например, руководителем). Принципиально важно, что, если юридическое лицо привлекли к ответственности, это ещё не освобождает непосредственного исполнителя или руководителя от возложения на него личных штрафных санкций. Закон исходит из презумпции самостоятельного характера правовой ответственности организации и физического лица, даже если последнее действует в рамках трудовых (служебных) обязанностей.

При наличии специальных статусов (например, должностные лица, чьи полномочия определены законом) административно-правовые меры могут отличаться. Для должностных лиц часто установлены более серьёзные штрафы или даже дополнительные последствия. С другой стороны, в отношении субъектов малого предпринимательства используются описанные смягчающие нормы ст. 4.1 и 4.1.1 КоАП РФ, позволяющие избежать неоправданно жёсткого воздействия при незначительных деликтах.

КоАП РФ напрямую не формирует перечень обстоятельств, исключающих административную ответственность, но в некоторых положениях (например, ст. 2.9) упоминается малозначительность деяния, что позволяет уполномоченному органу освободить нарушителя от наказания. Если правоприменитель установит, что общественные интересы нарушены в минимальной степени, а последствия деяния не представляют серьёзной угрозы, это может быть основанием для прекращения производства [5, с. 300].

В ст. 1.7 КоАП РФ отражён принцип, согласно которому, если действует новый закон, устраняющий или смягчающий ответственность, он имеет обрат-

ную силу и применяется к тем случаям, по которым постановление ещё не исполнено. На практике это может означать, что постановление о назначении штрафа в отношении субъекта малого предпринимательства подлежит отмене, если законодательство, применявшееся на момент совершения деяния, утратило силу или было изменено в сторону послаблений. Подобные выводы закреплены в разъяснениях высших судебных инстанций[9], а также подтверждены отдельными судебными актами при рассмотрении конкретных дел (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 10708/10 по делу № А13-12536/2009[10]).

Принцип действия закона во времени связан с конституционными положениями о недопустимости ухудшения положения лица тем нормативно-правовым актом, который был принят после совершения правонарушения. Нередко суды или административные органы сталкиваются с ситуациями, когда к моменту вынесения постановления часть норм уже утратила силу или была скорректирована. При рассмотрении подобных дел уполномоченные структуры обязаны оценивать, не отменён ли тот самый правовой акт, на основании которого предлагалось наказание. Если отмена или смягчение произошло, новое правило распространяется на «старое» правонарушение, что особенно актуально для небольших фирм, которые могут существовать «на грани» финансовой устойчивости. Суды нередко применяют логику смягчения, стремясь избежать чрезмерного давления на предпринимательство (Решение Арбитражного суда Пермского края от 19 августа 2011 г. по делу № А50-13037/2011)[11]. В этой связи играет роль и законодательство об официальном опубликовании нормативных правовых актов[12], а также отдельные законы, устраняющие прежние составы правонарушений[13].

---

[9] О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.01.2003 № 2 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных судов : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 25.03.2025).

[10] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 10708/10 по делу № А13-12536/2009 [Электронный ресурс] // Федеральные арбитражные суды : сайт. URL: https://arbitr.ru/materials/33981?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F&ysclid=mff1kccsyp74558519 (дата обращения: 25.03.2025).

[11] Решение Арбитражного суда Пермского края от 19 августа 2011 г. по делу № А50-13037/2011 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных судов : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 25.03.2025).

[12] О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания : Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ // Российская газета. 1994. 15 июня.

[13] О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ // Российская газета. 2010. 30 июля.

Ещё одним примером освобождения от ответственности выступает ситуация, когда правонарушение не успело пройти стадию назначения наказания, а в законодательство уже внесены изменения, устраняющие данную норму или смягчающие квалификацию. В подобных обстоятельствах субъекты малого бизнеса получают возможность избежать санкций, которые в новых условиях признаны избыточными. Суды при этом опираются на принципы гарантии прав и свобод человека и гражданина, а также на экономические интересы предпринимателей. Это особенно актуально в случаях, когда речь идёт о признании некоторых действий «манипулированием рынком», но соответствующие нормы уже утратили силу либо изменены.

Заключение. Административно-правовое регулирование малого предпринимательства предполагает сбалансированный подход. С одной стороны, законодатель и судебная практика стремятся не допустить уклонения от ответственности за действия, наносящие вред охраняемым законом интересам. С другой стороны, в КоАП РФ присутствуют определённые возможности для смягчения карательных мер или полного освобождения от ответственности, если характер нарушения не несет существенной угрозы или если вступили в силу новые, более либеральные нормы. Это особенно важно для субъектов малого предпринимательства, которые зачастую уязвимы перед внезапными экономическими, организационными и административными издержками. Подобная гибкость позволяет правоприменителю учитывать реальные обстоятельства и тем самым не препятствовать развитию данной категории предприятий, которая, как уже отмечалось ранее, играет стратегическую роль в экономике страны.

Таким образом, системный анализ правовых мер, применимых к субъектам малого предпринимательства, подтверждает необходимость комплексного подхода: сочетания государственных преференций и чёткого регламентирования административной ответственности. Предлагаемая дифференциация наказаний, учёт малозначительности правонарушений и своевременная актуализация нормативно-правовой базы позволяют избежать чрезмерного давления на малые предприятия и способствуют их устойчивому развитию. Дополнительно обнаружена высокая значимость региональных программ и антикризисных мер, призванных поддержать предпринимательскую активность и сохранить экономическую стабильность страны.

Список источников

1. Сагина О.А. Государственная поддержка и правовые основы реализации государственной финансовой поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации / О.А. Сагина // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 18–27.

2. Степин А.Б. К вопросу о государственной поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства / А.Б. Степин // Современное право. – 2019. – № 2. – С. 76–79.

3. Панов А.Б. О малозначительности административных правонарушений / А.Б. Панов // Государство и право. – 2014. – № 3. – С. 15–23.

4. Административное право : учебник для общеобразовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России / Алексеев А.П. и др. ; под общ. ред. А.И. Каплунова. – Москва : ДГСК МВД России, 2011. – 535 с.

5. Хмара А.М. К вопросу об обстоятельствах, исключающих административную ответственность / А.М. Хмара, В.Н. Шамрай // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 марта 2018 г. / под общей редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 300–308.

References

1. Sagina O.A. State Support and the Legal Basis for the Implementation of State Financial Support for Small Business in the Russian Federation. *The Eurasian Scientific Journal,* 2024, vol. 16, no. 3, pp. 18–27. (In Russian).

2. Stepin A.B. State Support for Small and Medium Business Entities Revisited. *Modern Law*, 2019, no. 2, pp. 76–79. (In Russian).

3. Panov A.B. To the Question of Insignificance of Administrative Offenses. *State and law*, 2014, no. 3, pp. 15–23. (In Russian).

4. Kaplunov A.I. (ed.) Administrative Law. Moscow, Civil Service Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. 535p. (In Russian).

5. Khmara A.M., Shamray V.N. On the Issue of Circumstances Excluding Administrative Responsibility. *Actual Problems of Administrative and Administrative–Procedural Law. Collection of Articles on the Materials of the Annual All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 23, 2018.* St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018, pp. 300–308. (In Russian).

Информация об авторе

Галин Ильсур Мансурович *– аспирант 2 года обучения кафедры теории государства и права Института права*

Information about the Author

Galin Ilsur Mansurovich *– 2nd Year Postgraduate Student of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 347.66
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.6

Карханина Людмила Владимировна
Самарский юридический институт ФСИН России; Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», Самара, Россия, ludakarhanina@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-1351-1241

ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ УНИФИКАЦИИ ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ НАСЛЕДНИКА НЕДОСТОЙНЫМ

Аннотация. Институт признания наследника недостойным как совокупность норм права регулирует общественные отношения, связанные с обеспечением правомерного порядка перехода наследства от наследодателя к наследникам. Несмотря на то, что рассматриваемый институт является подотраслью гражданского права, его законодательное наполнение, а также многообразие пограничных правовых ситуаций свидетельствуют о наличии признаков межотраслевого характера. В связи с этим возникает целесообразность более детального изучения института признания наследника недостойным, так как для него характерен более сложный механизм реализации и специфика проявления. Цель исследования заключается в правовом анализе межотраслевых проблемных вопросов института признания наследника недостойным. Основные методы, используемые в рамках данной статьи: анализ, сравнение, общенаучные методы исследования (диалектический, логический), а также специальные методы (юридико-технический и формально-юридический). По результатам проведенного исследования предлагается скорректировать содержание статьи 1117 ГК РФ, учитывая положения уголовного законодательства России; расширить круг общественно опасных деяний, за совершение которых наследника можно признать недостойным. Обосновывается мысль о том, что решение, полученное в ходе административного судопроизводства, также является основанием для отстранения лица от наследования.

Ключевые слова: наследование, недостойные наследники, умышленные противоправные деяния, отстранение от наследования, межотраслевой характер

Для цитирования: Карханина Л.В. Проблемы межотраслевой унификации института признания наследника недостойным / Л.В. Карханина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.6 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 70–79.

© Карханина Л.В., 2025

Original article

Karhanina Ludmila Vladimirovna
Samara Law Institute of the Federal Penal Enforcement Service of Russia; Samara University of Public Administration “International Market Institute”, Samara, Russia, ludakarhanina@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-1351-1241

THE INTERSECTORAL UNIFICATION PROBLEMS OF THE INSTITUTE RECOGNISING THE HEIR UNWORTHY

Abstract. The Institution of recognition the heir unworthy as a set of legal norms regulates public relations that ensure the lawful inheritance order from the antecessor to the lawful heirs. Despite the fact that the institution in question is a sub-branch of civil law, its legislative content, as well as the variety of borderline legal situations, indicates the signs of an intersectoral nature. In this regard, it is advisable to study the institution of recognition the heir unworthy, since it is characterised by a more complex mechanism of implementation and manifestation specificity. The purpose of the research is to analyse the intersectoral problems of the institution of recognition the heir unworthy. The main methods used in this article: analysis, comparison, general scientific research methods (dialectical, logical), as well as special methods (legal-technical and formal-legal). Based on the results of the research, it is proposed: to correct the content of Article 1117 of the Civil Code of the Russian Federation, taking into account the provisions of Russian criminal law; to expand the range of socially dangerous acts for which the heir may be considered unworthy. It is argued that the decision obtained in the course of administrative proceedings is also the basis to remove a person from inheritance.

Keywords: inheritance, unworthy heirs, intentional unlawful acts, exclusion from inheritance, intersectoral nature

For citation: Karhanina L.V. The Intersectoral Unification Problems of the Institute Recognising the Heir Unworthy. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 70–79. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.6.

Введение. Конституция Российской Федерации гарантирует не только право граждан на передачу своего имущества другим лицам в порядке наследования, но и обеспечивает право наследников на его получение. В совокупности двух обозначенных правомочий состоит конституционно-правовая природа института наследования.

Основой свободы наследования выступает как переход наследственной массы к наследникам согласно личной воле наследодателя, то есть по существу завещания или наследственного договора, так и полагаясь на законодательную регламентацию данной сферы общественных отношений, то есть по закону.

Следовательно, право наследования является неотъемлемой частью правового статуса каждого гражданина.

Вместе с тем абсолютная свобода права наследования не провозглашается Конституцией Российской Федерации. Ограничение рассматриваемого права может быть осуществлено только на основании федерального закона и в той мере, в которой это необходимо для конституционно значимых целей. Исполнение последней воли завещателя, а также охрана наследственных прав и законных интересов граждан неразрывно связаны с установлением как особого порядка приобретения правового статуса наследника, так и определением правовых средств ограничения и предупреждения незаконных действий, направленных на неправомерное приобретение такого статуса.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает норму, регламентирующую признание наследника недостойным. Фактически лицо может быть лишено права на получение наследства либо отстранено от наследования при наличии оснований, предусмотренных статьей 1117 ГК РФ.

Теоретическое осмысление обозначенного правового института [1, 2], а также анализ правоприменительной практики позволяет считать его основной задачей разрешение наследственной конкуренции, исходя из общих правил о наследовании и недопустимости извлечения преимуществ в связи с неправомерным, недобросовестным поведением наследников.

Согласно представленным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за последние несколько лет увеличилось количество дел, поступивших в суды первой инстанции для решения вопроса о признании наследника недостойным (2021 г. – 857 дел, 2022 г. – 2658, 2023 г. – 2321, первое полугодие 2024 г. – 330). Наряду с этим в первом полугодии 2024 г. судами было удовлетворено 35 % исковых требований о признании наследника недостойным, а в 2023 г. – 26,8 %[1].

Поскольку институт признания наследника недостойным существенно ограничивает право граждан на наследование, его нормативное регулирование не должно подлежать расширительному толкованию. Представляется, что в подобном случае законодательные положения должны трактоваться однозначно и буквально, что обусловлено серьезными правовыми последствиями, которые наступают для недостойного наследника. Кроме того, неопределенность в содержании правовой нормы, которая порождает ее неоднозначное толкование, ослабляет гарантии защиты конституционных прав граждан.

В настоящее время проблемные вопросы признания наследника недостойным связаны как с несовершенством юридической техники, так и с наличием спорных правовых ситуаций. Отсутствие четкого законодательного понима-

[1] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru (дата обращения: 25.12.2024).

ния обозначенной нормы порождает множество вопросов как в научных кругах, так и в сложившейся судебной практике.

Межотраслевой характер института признания наследника недостойным. Исходя из оснований, которые влекут за собой утрату лицом права на получение наследства, законодатель в статье 1117 ГК РФ выделяет следующие категории:

– лица, совершившие умышленные противоправные действия против наследодателя или наследников;

– родители наследодателя, которые в установленном порядке были лишены родительских прав;

– лица, злостно уклоняющиеся от обязанности по содержанию наследодателя.

Остановимся на более подробном рассмотрении первой обозначенной нами категории недостойных наследников – лиц, которые совершили умышленные противоправные действия. Стоит отметить, что данная категория граждан не может выступать наследниками ни по закону, ни по завещанию. Исключение составляют только граждане, которые после утраты права были указаны наследодателем в завещании.

По направленности различаются умышленные противоправные действия: против наследодателя или его наследников; против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании; способствующие призванию недостойного наследника или других лиц к наследованию; способствующие увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства.

Ввиду этого необходимо обратить внимание на возможность достаточно широкого толкования изложенных в законе оснований. В целом, указанные противоправные действия могут быть связаны с нарушением норм права как административного, так и гражданского или уголовного. При этом стоит подчеркнуть, что постановление Пленума Верховного Суда от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – Пленум Верховного Суда от 29.05.2012 № 9) дополнительных разъяснений по поводу привлечения лица к административной ответственности за совершение умышленных противоправных действий в отношении наследодателя (например, нанесение побоев, статья 6.1.1 КоАП РФ) не содержит.

Российский законодатель в статье 1117 ГК РФ не конкретизирует составы преступлений, в случае совершения которых наследник может быть признан недостойным, как это определено в некоторых постсоветских странах. Например, в статье 1126 Гражданского кодекса Кыргызской Республики[2] установлено, что недостойным признается наследник, который умышленно лишил жизни наследодателя, его возможных наследников или же совершил покушение на обозначенных лиц.

[2] Гражданский кодекс Кыргызской Республики, Часть II от 5 января 1998 года № 1 [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Кыргызской Республики : сайт. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-2/edition/10133/ru (дата обращения: 25.12.2024).

Однако обозначенная нами ранее норма гражданского законодательства России определяет, что действие должно быть совершено умышленно и направлено против наследодателя или его наследников, что позволяет считать его, в том числе, и общественно опасным. С одной стороны, подобная формулировка расширяет границы судейского усмотрения при разрешении подобного рода дел, так как в данном контексте целесообразно рассматривать все преступления против личности, которые определены разделом седьмым Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также иные составы преступлений. Мотив и цель[3] при этом правового значения не имеют.

С другой стороны, приведем пример решения Кузьминского районного суда г. Москвы от 27.10.2021 по делу № 02-5261/2021, в котором отмечается, что под умышленными противоправными действиями следует понимать преступления либо покушение на совершение преступлений против жизни наследодателя или наследников (глава 16 УК РФ). Соответственно, под умышленными действиями, направленными против осуществления последней воли наследодателя, следует понимать преступления либо покушения на совершение преступлений против здоровья наследодателя (глава 16 УК РФ), совершенные с корыстным мотивом, и преступления против собственности (глава 21 УК РФ)[4].

В результате подобной судебной трактовки нормы права остаются фактически неучтенными преступления, направленные против свободы, чести и достоинства личности, например, незаконное лишение человека свободы (статья 127 УК РФ); преступления против половой свободы, предусмотренные главой 18 УК РФ, и т.д.

Спорной представляется также ситуация, при которой возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого в соответствии со статьей 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В подобном случае смерть подозреваемого или обвиняемого рассматривается как нереабилитирующее основание, но вместе с тем государство должно обеспечивать соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий, включая презумпцию невиновности. Так, производство по уголовному делу может быть продолжено в интересах реабилитации умершего лица при нали-

---

[3] О судебной практике по делам о наследовании : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Решение Кузьминского районного суда г. Москвы от 27 октября 2021 по делу № 02-5261/2021 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/331224538/paragraph/1:0 (дата обращения: 25.12.2024).

чии согласия его близких родственников. В ином случае дальнейшее доказывание виновности прекращается, но подозрение или обвинение в совершении преступления с умершего не снимается[5].

В связи с этим остается открытым вопрос о признании лица недостойным наследником, во-первых, посмертно, во-вторых, на основании постановления о прекращении производства по уголовному делу.

В апелляционном определении Московского городского суда от 02.06.2016 № 33-21488/16 изложены доводы о том, что невозможно признать лицо недостойным наследником посмертно, так как правоспособность лица прекращается с его смертью[6]. Подобный вывод заслуживает внимания, так как если подозреваемый или обвиняемый умер и не был признан недостойным наследником, то в данном случае не может исключаться и правило о наследственной трансмиссии.

Рассматривая право наследования через призму принципа социальной справедливости, важно также отметить, что согласно части 3 статьи 1146 ГК РФ, потомки недостойного наследника не могут призываться к наследованию по праву представления. Иначе говоря, дети наследников, признанных недостойными, также лишаются права на получение наследственной массы, хотя фактически они не совершали противоправных действий, но тем не менее несут бремя ответственности за поведение своего родственника. Подобная ситуация порождает некоторое противоречие между фундаментальными положениями законодательства, в частности, с одной стороны, трудно говорить о реализации принципа справедливости, а с другой стороны, в случае если иных наследников нет и имущество становится выморочным, то ставятся под сомнение предполагаемые намерения наследодателя.

Далее, в случае если действия гражданина были противоправными, но неосторожными, этого представляется недостаточно для признания лица недостойным наследником. В качестве примера приведем Апелляционное определение СК по гражданским делам Вологодского областного суда от 02.10.2015 по делу № 33-5082/2015. Р.Л.И. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, за причинение смерти своему мужу ФИО по неосторожности. После смерти ФИО открылось наследство. С иском о признании

---

[5] По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».URL:https://internet.garant.ru/#/document/58202645/paragraph/29/doclist/24/1/0/0/постановление%20конституционного%20суда%20от%2014%20июля%202011%20№%2016-п:2 (дата обращения: 25.12.2024).

[6] Апелляционное определение Московского городского суда от 02.06.2016 № 33-21488/16 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/142538565/paragraph/42:0 (дата обращения: 25.12.2024).

Р.Л.И. недостойным наследником в суд обратились иные наследники ФИО, мотивируя это тем, что смерть ФИО наступила в результате травмы, причиненной ему Р.Л.И. Суд не поддержал указанный довод, мотивируя это тем, что действия должны быть не только противоправными, но и умышленными[7].

Очередным актуальным вопросом является правовая возможность признания недостойным наследником лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, но совершившее умышленное противоправное деяние против наследодателя. На первый взгляд, отсутствует обязательный элемент состава преступления – субъект, в связи с чем уголовное преследование в отношении лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, подлежит прекращению на основании УПК РФ. Однако статья 1117 ГК РФ содержит довольно размытое понятие, из которого возможно было бы заключить, что не только сам факт осуждения лица является основанием для признания наследника недостойным. Но в подобном случае мы вновь сталкиваемся с очередным противоречием – пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда от 29.05.2012 № 9 указывает на необходимость подтверждения рассматриваемых обстоятельств в судебном порядке.

Одним из правовых последствий для указанной категории лиц является их помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Подобный вопрос разрешается при рассмотрении административного искового заявления, но, как упоминалось ранее, дополнительных разъяснений о возможности признания наследника недостойным по данному основанию нет. Полагаем, что решения, выносимые в порядке административного судопроизводства, также должны учитываться при признании лица недостойным наследником.

В юридической литературе [3, 4, 5] неоднократно отмечалось, что формулировка ч. 1 ст. 1117 ГК РФ представляется не корректной, так как не только умышленные противоправные действия могут быть совершены недостойным наследником в отношении наследодателя или иных наследников. Объективная сторона ряда составов преступлений, предусмотренных УК РФ, выражается в форме бездействия. Например, заражение венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) и воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124.1 УК РФ) может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия; заведомое оставление потерпевшего в опасном для жизни или здоровья состоянии совершается в форме бездействия (ст. 125 УК РФ).

---

[7] Апелляционное определение СК по гражданским делам Вологодского областного суда от 02.10.2015 по делу № 33-5082/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/137747390/paragraph/1:0 (дата обращения: 25.12.2024).

В то же время в Апелляционном определении СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 18.04.2016 по делу № 33-5494/2016[8] констатируется, что, оставляя без удовлетворения заявленные исковые требования, суд первой инстанции руководствовался нормативными положениями о том, что умышленное противоправное поведение недостойных наследников может выражаться и в форме бездействия.

Таким образом, судебное толкование законодательных норм о признании наследника недостойным представляется неоднозначным. В одном случае оно помогает восполнить правовые пробелы и неточности формулировок, существующие в гражданском законодательстве России. Но вместе с тем раскрытие истинного смысла правовой нормы путем ее расширительного толкования может исказить реальный смысл обозначенной правовой нормы.

Заключение. Подводя итоги нашего исследования, отметим, что следует говорить о межотраслевом характере института признания наследника недостойным, так как он обладает рядом специфических признаков. Во-первых, несколько отраслей права способствуют реализации единого правового механизма признания наследника недостойным. Фактические обстоятельства, из-за которых появляется реальная правовая возможность признать наследника «недобросовестным», регулируются не только гражданским законодательством России. Во-вторых, наличие закономерных функциональных связей между различными отраслями права. При этом бесспорно прослеживается явное несоответствие норм гражданского и уголовного права при признании наследника недостойным. Полагаем, что рассматриваемый правовой институт должен не только учитывать, но и основываться на теоретических положениях уголовного права. Следовательно, межотраслевые связи должны быть устойчивыми и направлены на оптимизацию правового регулирования рассматриваемого направления деятельности.

Целесообразно скорректировать содержание статьи 1117 ГК РФ, учитывая при этом, что основной целью рассматриваемого института выступает правомерное наследование, то есть недопустимость извлечения имущественных и иных благ исходя из неправомерного поведения потенциального наследника. Дополнительной целью является прямо выраженная или предполагаемая воля наследодателя. В связи с этим:

– не только действия, но и бездействия могут быть противоправными, умышленными и направленными против наследодателя, что объединяется понятием – «деяние», предусмотренным уголовным законодательством России;

---

[8] Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 18.04.2016 по делу № 33-5494/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/141324384/paragraph/1:0 (дата обращения: 25.12.2024).

– не только судебное решение по уголовному или гражданскому делу является основанием для отстранения лица от наследования, но и решение, вынесенное в порядке административного судопроизводства;

– целесообразно расширить круг общественно опасных деяний, за совершение которых наследника возможно признать недостойным, в частности, рассматривать все преступления против личности, которые определены разделом седьмым УК РФ, а также иные составы преступлений;

– потомки недостойных наследников не должны ограничиваться в праве наследования, в случае их непричастности к совершению неправомерных деяний;

– нельзя посмертно признать лицо недостойным наследником, даже в случае привлечения его в качестве подозреваемого (обвиняемого) в совершении общественно опасного деяния в отношении наследодателя.

Список источников

1. Аблятипова Н.А. Анализ системности судебной практики в вопросах признания наследника недостойным из-за причинения им вреда жизни и здоровью наследодателя / Н.А. Аблятипова, И.Ю. Волкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 12–16.

2. Федчун А.В. Общественная опасность гражданских правонарушений в вопросе признания наследника недостойным / А.В. Федчун // Наследственное право. – 2021. – № 1. С. 27–30.

3. Аблятипова Н.А. Система оснований и последствий признания наследника недостойным / Н.А. Аблятипова, Д.С. Цыганова // Крымский научный вестник. – 2019. – № 4 (25). – С. 106–113.

4. Костина О.В. Конвергенция частного и публичного права при признании наследника недостойным / О.В. Костина // Современный юрист. – 2018. – № 2 (23). – С. 34–45.

5. Тиханова Н.Е. Основания и механизм признания наследника недостойным / Н.Е. Тиханова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2014. – № 4. – С. 105–109.

References

1. Ablyatipova N.A., Volkova I.Y. Analysis of the Consistency of Judicial Practice in Recognising an Heir as Unworthy due to Causing Harm to the Life and Health of the Testator*. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2023, no. 1, pp. 12–16. (In Russian).

2. Fedchun A.V. Public Danger of Civil Offenses in the Acknowledgment of an Heir Unworthy. *Inheritance Law*, 2021, no. 1, pp. 27–30. (In Russian).

3. Ablyatipova N.A., Tsyganova D.S. The System of Bases and Consequences of Recognition of an Heir Undecureble. *The Crimean Scientific Bulletin*, 2019, no. 4 (25), pp. 106–113. (In Russian).

4. Kostina O.V. Convergence of Private and Public Law in the Context of Recognition of Unworthy Heir. *The Modern Lawyer*, 2018, no. 2 (23), pp. 34–45. (In Russian).

5. Tikhonova N.E. Reasons and Mechanism for the Recognition Heir as an Unworthy. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2014, no. 4, pp. 105–109. (In Russian).

Информация об авторе

Карханина Людмила Владимировна *– кандидат юридических наук, ученый секретарь Ученого совета ФКОУ ВО СЮИ ФСИН России, доцент кафедры конституционного и административного права Самарского университета государственного управления «Международный институт рынка»*

Information about the Author

Karhanina Ludmila Vladimirovna *– Candidate of Sciences (Law), Scientific Secretary of the Scientific Council, Federal State Educational Institution of Higher Education "Samara Law Institute of the Federal Penal Enforcement Service"; Associate Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law, Samara University of Public Administration "International Market Institute"*

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.
The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Научная статья
УДК 347.949
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.7

Касаткин Дмитрий Михайлович
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия, kasatkin.1997@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СПОРАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЁННЫХ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ

Аннотация. Цель статьи – анализ процессуальных особенностей рассмотрения дел о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу. Методы исследования включают анализ норм Арбитражного процессуального кодекса РФ, федеральных законов, а также судебной практики. Использованы догматический и сравнительно-правовой методы для выявления специфики доказывания. Результаты исследования: установлено, что ключевыми доказательствами выступают корпоративные документы (устав, отчетность), договоры, акты инвентаризации, экспертные заключения, а опровержение вины возможно через подтверждение предпринимательского риска. Специфика доказывания зависит от категории спора (например, утрата деловой репутации требует установления ее наличия и причинной связи с убытками), а унификация перечня доказательств в законе нецелесообразна из-за разнообразия ситуаций.

Ключевые слова: доказывание, возмещение убытков, юридические лица, доказательства, процессуальное право

Для цитирования: Касаткин Д.М. Особенности доказывания по спорам о возмещении убытков, причинённых юридическому лицу / Д.М. Касаткин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 80–86.

Original article

Kasatkin Dmitry Mikhailovich
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia, kasatkin.1997@gmail.com

THE PROOF SPECIFICS IN DAMAGE COMPENSATION DISPUTES CAUSED TO A LEGAL ENTITY

Abstract. The purpose of the article is to analyse the procedural features of considering cases on damage compensation caused to a legal entity. The research

© Касаткин Д.М., 2025

methods include the analysis of norms of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, federal laws, and judicial practice. Dogmatic and comparative legal methods are used to identify the specifics of proof. Research results: it is concluded that the key evidence is expert opinion, corporate documents (charter, reporting), contracts, inventory reports and the refutation of guilt is possible through confirmation of entrepreneurial risk. The proof depends on the category of dispute (for example, loss of business reputation requires establishing its presence and causal relationship with losses), and unification of the list of evidence in the law is impractical due to the diversity of situations.

Keywords: proof, damage compensation, legal entities, evidence, procedural law

For citation: Kasatkin D.M. The Proof Specifics in Damage Compensation Disputes Caused to a Legal Entity**.** *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 80–86. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.7.

Разрешение судебных споров, связанных с возмещением убытков, причиненных юридическим лицам, осуществляется в соответствии с нормами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), в частности статьей 225.8. Данная статья устанавливает процессуальные особенности рассмотрения данной категории дел в арбитражных судах.

Право участников (учредителей) юридического лица на предъявление в арбитражный суд требования о возмещении причиненных организации убытков, предусмотренное ч. 1 ст. 225.8 АПК РФ[1], является производным от материально-правовых норм федерального законодательства. Законодательная конструкция данной процессуальной нормы напрямую корреспондирует с положениями ч. 1 ст. 53.1 ГК РФ, устанавливающей субстантивную обязанность уполномоченного лица возместить ущерб, причиненный юридическому лицу по его вине[2].

Следует отметить, что данные споры носят производный (косвенный) характер, поскольку участники юридического лица защищают не свои личные интересы, а интересы самого юридического лица, поэтому требование о возмещении может быть заявлено: самим юридическим лицом; его учредителями (участниками), действующими в интересах организации. Необходимо обратить внимание, что в последнем случае речь идет о так называемом производном иске (derivative suit), концепция которого была заимствована из англосаксонской правовой системы [1, с. 86].

Законодатель в ч. 5 ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» устанавливает исчерпывающий перечень участников корпоративного спора о возмещении убытков. Со стороны истца правом на обращение в суд наделены: потерпевшее

---

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

юридическое лицо (акционерное общество); акционеры (миноритарные), владеющие не менее 1% голосующих акций[3], реализующие тем самым механизм косвенного иска (производного требования) в защиту интересов общества.

Круг надлежащих ответчиков ограничен лицами, входящими в органы управления обществом или выполняющими их функции: члены совета директоров и коллегиального исполнительного органа; единоличный исполнительный орган; внешний управляющий или управляющая организация. Основанием для иска является доказанность виновных действий указанных лиц, которые привели к убыткам.

Схожий правовой механизм защиты корпоративных интересов регламентирован частью 5 статьи 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Данная норма наделяет правом на судебную защиту как само общество, так и его участника, предоставляя им возможность предъявить требование о возмещении убытков, причиненных действиями (бездействием) следующих лиц: члена совета директоров (наблюдательного совета); единоличного исполнительного органа (например, генерального директора); члена коллегиального исполнительного органа (например, правления); управляющего, действующего на основании договора[4].

Для хозяйственных партнерств аналогичное правило закреплено в части 5 статьи 22 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах». Партнерство или любой из его участников могут обратиться в суд с иском о возмещении ущерба, причиненного: единоличным исполнительным органом; членами органов управления партнерства[5].

Ключевые правовые позиции по делам о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, сформулированы в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 года № 62. Указанным разъяснением установлен судебный критерий для удовлетворения соответствующих исковых требований. Истец обязан предоставить доказательства, подтверждающие одновременное наличие двух условий в действиях (бездействии) ответчика: недобросовестность, то есть осознанное причинение вреда или умышленное нарушение интересов общества; неразумность, под которой понимается принятие решений или осуществление действий без учета известных фактов и общепринятых стандартов деловой практики[6].

---

[3] Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О хозяйственных партнерствах : Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица : постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Недобросовестность считается установленной, если подтверждено, что лицо: действовало в условиях конфликта интересов (если конфликт не был раскрыт и действия не получили одобрения в установленном порядке); скрывало информацию о сделке от участников юридического лица либо предоставляло недостоверные сведения; совершало сделку без требуемого одобрения уполномоченных органов (например, без решения общего собрания участников); уклонялось от передачи документов, связанных с обстоятельствами, повлекшими убытки (например, после увольнения директора); знало или должно было знать, что его действия наносят вред организации (например, заключение заведомо невыгодной сделки или взаимодействие с ненадежным контрагентом).

Неразумность действий считается доказанной, если: решение принято без учета существенной информации, которая была доступна или должна была быть запрошена; лицо не предприняло разумных мер для сбора необходимых данных перед принятием решения (например, не провело должной проверки контрагента); сделка совершена с нарушением внутренних процедур (например, без согласования с юридическим отделом или бухгалтерией).

Таким образом, законодательство РФ предоставляет участникам юридических лиц широкие возможности для защиты интересов организации от недобросовестных или некомпетентных действий управляющих лиц. Однако успешность таких исков во многом зависит от качества доказательств, подтверждающих вину ответчика.

К числу основных общих доказательств по данной категории дел можно отнести: выписку из ЕГРЮЛ, выписку из перечня акционеров, участников предприятия, устав или положение на предприятии, свидетельство о присвоении ИНН предприятию, свидетельство о присвоении ОГРН предприятию, внутреннее положение предприятия о проведении общего собрания участников, внутреннее положение предприятия о порядке распределения прибыли между участниками, список аффилированных лиц участников бизнеса и иные доказательства в зависимости от обстоятельств спора.

К числу специальных доказательств по данной категории дел можно отнести, например: гражданско-правовые договоры, акты инвентаризации, объяснения директора или иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, приказы, отчёты и другие доказательства.

Например, при рассмотрении дела о взыскании убытков акционером ЗАО с директора данного ЗАО судом при установлении того, что в случаях недобросовестного или неразумного осуществления обязанностей по выбору и контролю за действиями (бездействием) представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам, работников юридического лица, а также ненадлежащей организации системы управления юридическим лицом директор отвечает перед юридическим лицом за причиненные в результате этого убытки, были приняты следующие доказательства: отчеты о фактах, отмеченных при

проведении согласованных процедур, акт инвентаризации от 22.10.2016 г., составленном при участии ООО «Госаудит», договор купли-продажи техники (XCMG GR 215) от 17.12.2013 г., отчёт оценки № 03.09.018-8 от 24.09.2018 г. «Об определении рыночной стоимости объектов оценки: транспортных средств в количестве 21 единицы», выполненный ООО «Независимая экспертиза и оценка «Вега». Суд посчитал, что данных доказательств и приведённых истцом доводов достаточно для вынесения законного и обоснованного решения[7].

В другом случае Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа отказал в удовлетворении требования о возмещении убытков, т.к. истцом не доказано наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий бывшего руководителя общества, повлекших неблагоприятные последствия для общества. В данном случае ответчик смог опровергнуть доводы истца о том, что он не предоставлял услуг по подбору персонала для юридического лица. Ответчик представил договоры оказания услуг, акты приёма платежей и квитанции к приходно-кассовым ордерам, тем самым опровергнув доводы истца о том, что ответчик не осуществлял услуги для юридического лица[8].

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс доказывания по делам о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, является обязанностью как истца, так и ответчика.

Стоит отметить, что выделение видов доказательств по конкретной категории дел возможно только в научных и учебных целях. В самом процессуальном законодательстве перечень доказательств применительно к конкретной категории дел закрепить не представляется возможным и не имеет необходимости.

Например, в научной литературе отмечается, что поскольку процесс доказывания по делам о вреде деловой репутации не конкретизирован, предлагается, ввести перечень возможных допустимых доказательств [2, с. 30]. Применительно к процессуальному праву такое предложение будет некорректным, поскольку невозможно охватить все категории дел специальным регулированием. В связи с этим все процессуальные кодексы устанавливают только одно ограничение допустимости доказательств – нарушение федерального закона.

Более того, некоторые обстоятельства, например, при доказывании убытков в случае утраты конкурентоспособности при ущербе деловой репутации, требуют особых доказательств, поскольку необходимо сначала доказать наличие сложившейся деловой репутации, а уже затем её умаление и связь с убытками [3, с. 14]. Подобный пример подтверждает уникальность доказательств и процесса доказывания, особенно в сложных правовых ситуациях.

---

[7] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.04.2019 № 09АП-15874/2019 по делу № А40-46964/18 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22.04.2019 № Ф02-1116/2019 по делу № А10-1739/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Важным вопросом доказывания является отдельный вид споров по возмещению убытков юридическому лицу, а именно споры с исполнительными органами. При заключении договора хозяйственного общества с исполнительным директором возникают не обязательственные, а представительские отношения. Стоит отметить, что в таком случае бремя доказывания недобросовестного поведения лежит на юридическом лице, а не презюмируется за контролирующим органом, как было бы при наличии обязательственных отношений.

Но, например, директор корпорации может и самостоятельно избежать ответственности за возмещение убытков, если возьмёт на себя инициативу доказывания, что убытки возникли в связи с обычным предпринимательским риском [4, с. 194]. В то же время юридическое лицо докажет вину директора, если будет установлено, что он действовал на условиях, которые заведомо невыгодны для юридического лица (занижал цену, заключал договоры с непроверенными контрагентами). Также заведомо незаконные действия, произведённые якобы в интересах юридического лица, не будут считаться добросовестными, например, довод о том, что отчуждение имущества юридического лица аффилированным лицам является способом премирования сотрудников [5, с. 164].

Таким образом, можно сделать вывод, что при спорах о возмещении вреда юридическим лицам уникальны не только доказательства, но и элементы доказывания.

Институт возмещения убытков продолжает развиваться, реагируя на потребности бизнес-практики. Для эффективной защиты интересов рекомендуется прежде всего документировать внутреннюю деятельность юридических лиц, обеспечивая наличие потенциальных доказательств ещё до возникновения споров: разрабатывать и соблюдать корпоративные процедуры; вести прозрачную документацию; использовать механизмы страхования ответственности; обеспечивать независимый контроль за деятельностью органов управления.

Список источников

1. Ерчак С.В. Иски корпорации, предъявляемые ее участниками / С.В. Ерчак // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 6 (163). – С. 86–101.

2. Игбаева Г.Р. Компенсация неимущественного (репутационного) вреда, причиненного вследствие умаления деловой репутации юридического лица: условия и механизм доказывания / Г.Р. Игбаева, Э.Х. Рахимов, Н.С. Бабенко // Правда и закон. – 2022. – № 3 (21). – С. 24–33.

3. Двенадцатова Т.И. Защита деловой репутации набирает обороты / Т.И. Двенадцатова // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 12. – С. 14.

4. Андреев В.К. Корпоративное право современной России : монография / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2023. – 432 с.

5. Томтосов А.А. Цена гражданско-правового договора : монография / А.А. Томтосов. – Москва : Юстицинформ, 2023. – 208 с.

References

1. Erchak S.V. Corporate Suits Brought by Corporate Members. *Actual Problems of Russian Law*, 2024, vol. 19, no. 6 (163), pp. 86–101. (In Russian).

2. Igbaeva G.R., Rakhimov E.Kh., Babenko N.S. Compensation for Non-Property (Reputational) Damage Caused due to Damage to the Business Reputation of a Legal Entity: Conditions and Mechanism of Proof. *Truth and Law*, 2022, no. 3 (21), pp. 24–33. (In Russian).

3. Dvenadtsatova T. Developments in the Protection of Business Reputation. *EZh-Lawyer*, 2017, no. 12, p. 14. (In Russian).

4. Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate Law in Modern Russia: A Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 432 p. (In Russian).

5. Tomtosov A.A. The Price of a Civil Contract: A Monograph. Moscow, Yustitsinform Publ., 2023. 208 p. (In Russian).

Информация об авторе

Касаткин Дмитрий Михайлович *– старший преподаватель кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте*

Information about the Author

Kasatkin Dmitry Mikhailovich *– Senior Lecturer of the Chair of Legal Regulation of Urban Development and Transport, Faculty of Forensics and Law in* Engineering *and Transport*

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 16.09.2025.
The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 16.09.2025.

Научная статья
УДК 342
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.8

Тулупова Елена Олеговна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
lena118@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3099-6518

Демидова Татьяна Константиновна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
dtatyana12@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ В ОАЭ

Аннотация. ОАЭ является страной с самобытной правовой системой, в которую вплетены как религиозные нормы, так и нормы внутригосударственного и международного права. Элементы системы пребывают в состоянии непростого баланса. Репродуктивные права и семейные отношения в целом, находясь длительное время под давлением традиционных религиозных представлений, в последние десятилетия получают новое толкование и регулирование, что является интересным с точки зрения изучения. Цель: анализ трансформации правового регулирования репродуктивных прав в ОАЭ в свете сложного баланса между традиционными духовными ценностями и современными подходами к правам человека. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: исследование позволило сделать вывод, что в последнее время в ОАЭ наблюдаются значительные изменения в области правового регулирования репродуктивных прав. Был принят ряд правовых актов, которые придали новое содержание правам, расширили доступ к репродуктивным технологиям, закрепили гарантии прав женщин, заложили фундамент для профилактики генетических заболеваний, отразив приверженность государства к повышению качества жизни.

Ключевые слова: репродуктивные права, медицина, вспомогательные технологии, генетика, аборт, медицинский центр

Для цитирования: Тулупова Е.О. Трансформация правового регулирования репродуктивных прав в ОАЭ / Е.О. Тулупова, Т.К. Демидова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.8 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 87–95.

© Тулупова Е.О., Демидова Т.К., 2025

Original article

Tulupova Elena Olegovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
lena118@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3099-6518

Demidova Tatyana Konstantinovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
dtatyana12@yandex.ru

THE LEGAL REGULATION TRANSFORMATION OF REPRODUCTIVE RIGHTS IN THE UAE

Abstract. The UAE is a country with a distinctive legal system, which is intertwined with both religious norms and norms of domestic and international law. The elements of the system are in difficult balance. Reproductive rights and family relations in general, for a long time, being under the pressure of traditional religious views, have recently received a new interpretation and regulation, which is interesting from the point of view of analysis. Purpose: to analyse the legal regulation transformation of reproductive rights in the UAE in light of the complex balance between traditional spiritual values and modern approaches to human rights. Methods: empirical methods of comparison, description, and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: the authors conclude that in recent years, there have been significant changes in the legal regulation of reproductive rights in the UAE. A number of legal acts were adopted which gave new content to rights, expanded access to reproductive technologies, consolidated guarantees for women's rights and laid the foundation for the prevention of genetic diseases, reflecting the state's commitment to improving the quality of life.

Keywords: reproductive rights, medicine, assisted reproductive technology, genetics, abortion, medical center

For citation: Tulupova E.O., Demidova T.K. The Legal Regulation Transformation of Reproductive Rights in the UAE. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 87–95. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.8.

Выбор Объединенных Арабских Эмиратов (далее – ОАЭ) для написания статьи обусловлен несколькими причинам: во-первых, ОАЭ, являясь одной из стремительно развивающихся стран Востока, переживают значительные социальные и культурные изменения, что создает основу для анализа происходящих процессов, особенно в свете выбранной проблематики; во-вторых, в ОАЭ существует уникальная правовая система, в которую вплетены как религиозные нормы, так и нормы позитивного (внутригосударственного) и международного

права. Каждый элемент системы находится в состоянии непростого баланса. Репродуктивные права и семейные отношения в целом, находясь под постоянным давлением традиционных представлений, в последнее время получают новое толкование и регулирование, что является интересным с точки зрения изучения; в-третьих, ОАЭ активно участвуют в различных проектах и дискуссиях, посвященных правам человека, задавая в определенной степени тренды для других государств.

Таким образом, выбор ОАЭ для исследования репродуктивных прав является актуальным, позволяя рассмотреть различные аспекты этой важной темы.

Федеральный закон № 7 от 2019 года «О вспомогательных медицинских репродуктивных технологиях»[1] (далее – закон), придя на смену Федеральному закону № 11 от 2008 года «О лицензировании центров для лечения бесплодия», стал новым фундаментом для применения вспомогательных репродуктивных технологий в ОАЭ и контроля за ними. Позднее в закон были внесены изменения[2], которые дополнили, уточнили и осовременили ряд статей, часть из которых будет представлена в работе для сравнения. Например, в 2023 году законодателем был снят запрет с оказания подобного рода услуг частными медицинскими центрами[3]. Главное требование, предъявляемое к ним, – наличие соответствующей лицензии.

Ст. 1 закона содержит понятие медицинских вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). Законодатель понимает под ними медицинские средства и методы, способствующие беременности и деторождению без естественного контакта, включающие клинические и биологические вмешательства.

Практика применения ВРТ должна строго соответствовать условиям, перечисленным в ст. 8 закона, среди которых указаны:

– применяемая ВРТ должна быть наиболее подходящим с медицинской точки зрения средством репродукции и применяться после того, как было доказано, что естественное наступление беременности невозможно;

– будущие родители должны находится в браке и дать письменное согласие на ВРТ;

– наличие заключения от врача-специалиста о том, что нет никакой опасности для жизни жены или плода или серьезного вреда их здоровью в рамках признанной медицинской практики;

---

[1] О вспомогательных медицинских репродуктивных технологиях : Федеральный закон № 7 от 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/1438 (дата обращения: 22.07.2025).

[2] О вспомогательных медицинских репродуктивных технологиях : Федеральный декрет-закон от 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/14387 (дата обращения: 22.07.2025).

[3] تم استبدال نص المادة)21 (من القانون الاتحادي رقم)4 (لسنة 2015 في شأن المنشآت الصحية الخاصة بموجب القانون الاتحادي رقم)8(لسنة 2023 بشأن تعديل بعض أحكام القانون الاتحادي رقم)4 (لسنة 2015 في شأن المنشآت الصحية الخاصة - تحميل القانون الاتحادي [Электронный ресурс]. URL: https://www.doh.gov.ae/ar/about/law-and-legislations (дата обращения: 22.07.2025).

– подробное информирование пары о выбранной ВРТ, этапах операции, ее негативных последствиях или возможных осложнениях, а также о финансовых затратах и данных о фактической частоте наступления беременности в аналогичных случаях в том же центре;

– процесс оплодотворения и трансплантации должен проводиться в присутствии пары.

В 2023 году в ст. 8 были внесены изменения, позволившие не состоящим в браке немусульманам обращаться за помощью в медицинские центры. Теперь они могут подать запрос на использование любой из ВРТ при условии, что в свидетельстве о рождении ребенка будут указаны имена обоих родителей.

Современная редакция закона запрещает центрам при оказании медицинской помощи в деторождении выполнять: 1) оплодотворение спермой, взятой у мужа, яйцеклеткой, взятой у другой женщины, и 2) оплодотворение яйцеклетки, взятой у жены, спермой, взятой у человека, не являющегося ее мужем. Любой другой случай может определяться решением Совета Министров.

Поправками, внесенными в закон, были исключены пункты, которые запрещали парам прибегать к услугам суррогатной матери. Донорами биоматериала для ЭКО при этом по-прежнему могут быть только сами супруги, другие варианты незаконны. Действующим законом (по общему правилу) оплодотворение или трансплантация разрешены только с использованием клеток лиц, состоящих в браке, и в их присутствии. Поправки также расширили возможности использования не только яйцеклеток, но и эмбрионов. В том числе был снять запрет на заморозку эмбрионов[4].

Уничтожение яйцеклеток и сперматозоидов разрешено законом в случаях смерти одного из супругов, окончания брачных отношений, заявления об уничтожении от супругов или истечения срока их хранения без запроса на продление. Прежняя редакция закона не предусматривала в качестве условия для уничтожения неоплодотворённых яйцеклеток и замороженных сперматозоидов смерть соответствующих лиц[5].

Центр может проводить исследования или эксперименты с неоплодотворенными или оплодотворенными яйцеклетками и спермой в соответствии со следующими условиями: 1) запрещается проводить исследования или эксперименты в целях репродуктивного клонирования и отбора генетических признаков для репродуктивных целей; 2) запрещается проводить исследования или эксперименты в коммерческих целях, а также предполагающие какие-либо изменения генома человека; 3) перед началом исследований необходимо получить предварительное разрешение от компетентного органа здравоохранения.

---

[4] В ОАЭ разрешат процедуру ЭКО для неженатых пар [Электронный ресурс]. URL: https://russianemirates.family/news/family-news/v-oae-razreshat-protseduru-eko-dlya-nezhenatykh-par/?ysclid=mdld7en71i33058208(дата обращения: 22.07.2025).

[5] قانون اتحادي بشأن المساعدة الطبية على الإنجاب [Электронный ресурс]. URL: https://uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/1438/modifications (дата обращения: 22.07.2025).

Целями научных исследований могут быть: расширение знаний о серьезных или иных состояниях или заболеваниях; разработка методов лечения серьезных или иных состояний или заболеваний; разработка методов лечения нарушений фертильности; расширение знаний о проблемах, приводящих к невынашиванию беременности; разработка методов выявления хромосомных, генетических или митохондриальных аномалий у эмбрионов до имплантации в матку; расширение знаний об эмбриональном развитии; расширение знаний о заморозке гамет или эмбрионов; разработка методов выявления хромосомных, генетических или эпигенетических аномалий в яйцеклетках и сперматозоидах[6].

В соответствии с Постановлением Кабинета Министров № 64 от 2020 года «Об исполнении Федерального закона № 7 от 2019 года «О медицинской помощи при вынашивании ребенка»[7] количество стимуляций яичников для получения яйцеклеток с целью оплодотворения не должно превышать шести раз в год, а количество эмбрионов, перенесенных в матку, не должно превышать двух.

С письменного согласия супругов закон предоставляет право центрам проводить преимплантационную генетическую диагностику с целью выявления генетических заболеваний, при условии, что будут приняты необходимые меры для предотвращения повреждения оплодотворенной яйцеклетки.

В продолжение темы генетической диагностики [1] следует сказать о запущенной в Абу-Даби, а затем распространившейся на всю территорию эмиратов в 2019 году программе «Геном ОАЭ»[8]. Это национальный проект, направленный на анализ и использование генетических данных граждан ОАЭ для улучшения общего состояния здоровья жителей. Программа направлена на прогнозирование предрасположенности к определенным заболеваниям путем чтения всего генома. Результаты программы будут использованы для разработки новых методов лечения и тестов, которые позволят медицинским работникам предлагать несколько вариантов диагностики и лечения, а также индивидуальные профилактические программы, адаптированные к генетическому составу человека[9]. Программа является добровольной, в отличие от введенной с января 2025 года программы добрачного обследования граждан всей страны, намеревающихся вступить в брак[10]. В то время как существующее уже давно

---

[6] Об исполнении федерального закона № 7 от 2019 года «О медицинской помощи при вынашивании ребенка» : постановление Кабинета Министров № 64 от 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https/uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/1438/related-legislations (дата обращения: 22.07.2025).

[7] Там же.

[8] В 2021 г. был создан Геномный совет ОАЭ.

[9] Эмиратская геномная программа [Электронный ресурс]. URL: https://u.ae/ar-ae/information-and-services/health-and-fitness/research-in-the-field-of-health/the-emirati-genome-programme (дата обращения: 22.07.2025).

[10] В ОАЭ запретят вступать в брак без ДНК-теста из-за генетических заболеваний [Электронный ресурс]. URL: https://ulysmedia.kz/news/44197-v-oae-zapretiat-vstupat-v-brak-bez-dnk-testa-iz-za-geneticheskikh-zabolevanii/ (дата обращения: 22.07.2025).

добрачное медицинское обследование ранее было обязательным для пар перед вступлением в брак, генетическое тестирование таким не являлось.

Тестирование желающих вступить в брак охватывает 570 генов для более чем 840 заболеваний. Это очень важная мера, поскольку она помогает парам оценить риск рождения детей с генетическими заболеваниями и помогает им принимать обоснованные решения при планировании создания семьи[11]. В случае общих генетических мутаций между парой организуется медицинская консультация с командой генетических консультантов и семейных врачей, чтобы предоставить соответствующие советы и помочь паре принять обоснованные решения, связанные с браком и рождением детей[12].

В своем интервью доктор Фахед Аль Марзуки отметил, что сектор здравоохранения традиционно был «реактивным», вмешиваясь только после того, как человек заболевал или у него было диагностировано заболевание, но данные, предоставленные проектом «Геном», открывают двери в новую эру здравоохранения[13].

Отдельно стоить сказать о проблеме регулирования абортов в ОАЭ. Длительное время отношение к ним было крайне негативное. Аборты по желанию родителей запрещались, исключение составляли лишь ряд случаев, связанных с возможными медицинскими осложнениями, которые его оправдывали. Так, согласно ст. 15 Федерального декрет-закона № 4 от 2016 года «О медицинской ответственности», никакие действия или вмешательства с целью регулирования репродуктивной функции не могут быть осуществлены иначе как по просьбе или с согласия супругов, и никакие действия или вмешательства с целью прекращения репродуктивной функции женщины не могут быть осуществлены иначе как на основании заключения специализированной меди-

---

[11] العدل: لا يجوز تقليل عدد الأجنة في حالة الحمل بأربعة أو أكثر. [Электронный ресурс]. URL: https://www.moj.gov.ae/ar/media-center/news/18/11/2021/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%AF%D9%84-%D9%84%D8%A7-%D9%8A%D8%AC%D9%88%D8%B2-%D8%AA%D9%82%D9%84%D9%8A%D9%84-%D8%B9%D8%AF%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%AC%D9%86%D8%A9-%D9%81%D9%8A-%D8%AD%D8%A7%D9%84%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D9%85%D9%84-%D8%A8%D8%A3%D8%B1%D8%A8%D8%B9%D8%A9-%D8%A3%D9%88-%D8%A3%D9%83%D8%AB%D8%B1.aspx (дата обращения: 22.07.2025).

[12] EHS: Genetic Testing to Be Included in Premarital Screening for UAE Nationals from January 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehs.gov.ae/ar/media-center/news/ehs-genetic-testing-to-be-included-in-premarital-screening-for-uae-nationals-from-january-2025 (дата обращения: 22.07.2025).

[13] Personalised medicine a step closer as 800,000 Emiratis contribute to genome programme [Электронный ресурс]. URL: https://www.thenationalnews.com/news/uae/2025/04/17/more-than-800000-emiratis-contribute-to-uae-genome-programme-to-boost-health-of-the-nation/ (дата обращения: 22.07.2025).

цинской комиссии, состоящей не менее чем из трех врачей, о том, что беременность или роды представляют реальную опасность для жизни матери, и после письменного согласия жены и уведомления мужа[14].

Ранняя редакция закона запрещала врачу делать аборт или назначать что-либо, что может привести к прерыванию беременности женщины, за исключением случаев, когда ее продолжение представляет угрозу для жизни матери, а также при наличии подтвержденных соответствующими органами медицинских свидетельств о том, что плод имеет множественные пороки развития, которые негативно влияют на его жизнь, пока он находится в утробе матери или повлияют в будущем при рождении (ст. 16). Более того, в последнем случае длительное время (до 2016 года) законодатель ограничивал и сроки для абортов. Его не разрешалось проводить после 17 недели, т.е. 120 дней с начала беременности[15] . С 2016 года ограничения в сроке проведения были исключены из статьи.

Постановлением Кабинета Министров № 44 от 2024 года «Об определении допустимых абортов» были внесены существенные изменения, которые стали позитивным шагом на пути к регулированию вопроса в соответствии с международными стандартами. В дополнение к случаям, предусмотренным ст. 16, аборт может быть выполнен: а) если беременность является результатом полового акта с женщиной против ее воли, без ее согласия; б) если беременность наступила в результате инцеста; в) по просьбе супругов, после одобрения комитетом. Случаи, предусмотренные пунктами «а» и «б», должны быть доказаны официальным протоколом, выданным прокуратурой государства, в котором разъясняются подробности инцидента, его причины, стороны и меры, принятые в связи с ним. Срок беременности на момент аборта не должен превышать 120 дней.

Еще одним существенным изменением стало положение и том, что для проведения операции по прерыванию беременности требуется согласие только беременной женщины[16]. Ранее требовалось согласие и жены и мужа. Законодатель, таким образом, уделил большое внимание уважению воли женщины. В случае, если согласие не может быть получено, требуется согласие мужа

---

[14] О медицинской ответственности : Федеральный декрет-закон № 4 от 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/1192 (дата обращения: 22.07.2025).

[15] В исламе считается, что жизнь начинается с момента спасения, которое, как считается, происходит через 120 дней после зачатия. Большинство ученых говорят, что эту процедуру нельзя проводить после того, как плоду исполнится 120 дней; многие цитируют хадис пророка Мухаммеда, в котором говорится, что плод приобретает жизнь – когда душа «вдыхается в плод» – через 120 дней.

[16] ОАЭ вносят поправки в законы об абортах в соответствии с законами о медицинской ответственности; расширяют права и возможности женщин [Электронный ресурс]. URL: https://atblegal.com/ru/blog/uae-family-law/uae-abortion-laws /(дата обращения: 22.07.2025).

или опекуна[17]. Согласие ни одного из них не требуется в экстренных случаях, требующих немедленного хирургического вмешательства. Если беременная женщина не является гражданкой, она должна иметь действующий вид на жительство в ОАЭ не менее чем за один год до даты подачи запроса на аборт.

Для получения одобрения на аборт по просьбе супругов в каждом органе здравоохранения решением министра или руководителя органа здравоохранения образуется комитет, в состав которого входят: врач, акушер-гинеколог, психиатр, а также представитель прокуратуры[18]. Комитет изучает просьбы об аборте, переданные ему медицинским учреждением, и принимает по ним решение в течение 5 рабочих дней с даты подачи запроса. Комитет принимает решения на основе консенсуса, а в случае разногласий вопрос передается министру или руководителю органа здравоохранения. Решение можно обжаловать министру или руководителю органа здравоохранения в течение 5 рабочих дней со дня уведомления. Решение министра или руководителя органа окончательно.

Интересным представляется позиция государства в отношении аборта при многоплодной беременности. В 2021 году департамент законодательства Министерства юстиции в опубликованном заключении дал разъяснение о законности абортов, направленных на сокращение числа плодов при многоплодной беременности. Департамент счел, что уменьшение общего числа плодов в случае беременности четырьмя или более, фактически является абортом ряда нежелательных плодов, будь то один или несколько. Департамент пояснил, что врач не может проводить аборт, за исключением двух случаев, первый из которых имеет место в том случае, если продолжение беременности представляет опасность для жизни беременной женщины и при уродстве плода[19].

Подводя итог проведенному анализу, можно сказать, что ОАЭ представляют собой уникальный пример страны, где традиционные исламские ценности переплетаются с современными подходами к правам человека. Трансформация репродуктивных прав демонстрирует сложное взаимодействие между духовными скрепами и современными международными стандартами.

---

[17] Об определении допустимых абортов : постановление Кабинета Министров № 44 от 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://uaelegislation.gov.ae/ar/legislations/2505(дата обращения: 22.07.2025).

[18] Там же.

[19] العدل :لا يجوز تقليل عدد الأجنة في حالة الحمل بأربعة أو أك ثر. [Электронный ресурс]. URL: https://www.moj.gov.ae/ar/media-center/news/18/11/2021/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%AF%D9%84-%D9%84%D8%A7-%D9%8A%D8%AC%D9%88%D8%B2-%D8%AA%D9%82%D9%84%D9%8A%D9%84-%D8%B9%D8%AF%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%AC%D9%86%D8%A9-%D9%81%D9%8A-%D8%AD%D8%A7%D9%84%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D9%85%D9%84-%D8%A8%D8%A3%D8%B1%D8%A8%D8%B9%D8%A9-%D8%A3%D9%88-%D8%A3%D9%83%D8%AB%D8%B1.aspx (дата обращения: 22.07.2025).

В последние десятилетия в ОАЭ наблюдаются значительные изменения в области правового регулирования репродуктивных прав, что обусловлено как внутренними, так и внешними факторами. Был принят ряд правовых актов, которые придали новое содержание правам, расширили доступ к репродуктивным услугам, закрепили гарантии прав женщин, заложили фундамент для профилактики генетических заболеваний, отразив приверженность государства к повышению качества жизни.

Список источников

1. Хусаинова Р.И. Современные молекулярно-генетические технологии в медицине: этические и правовые вопросы / Р.И. Хусаинова, Е.В. Ахтямова, И.Р. Минниахметов, Р.И. Султанова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 123–133.

References

1. Khusainova R.I., Akhtyamova E.V., Minniakhmetov I.R., Sultanova R.I. Modern Molecular Genetic Technologies in Medicine: Ethical and Legal Issues. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 2 (60), pp. 123–133. (In Russian).

Информация об авторах

Тулупова Елена Олеговна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права;*

Демидова Татьяна Константиновна *– кандидат политических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Института права*

Information about the Authors

Tulupova Elena Olegovna *– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law;*

Demidova Tatyana Konstantinovna *– Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor of the Chair of International and Integration Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 23.09.2025.
The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 23.09.2025.

Научная статья
УДК 347
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.9

Федулина Екатерина Валерьевна
Акционерное общество «ОТЭКО», Москва, Россия,
katty45@yandex.ru

Ахметвалиев Даут Расихович
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
daut@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения коллизионных норм права в рамках правового регулирования транснациональных договорных отношений. Цель: анализ теоретической структуры коллизионных норм, исследование множественности и конкуренции связующих факторов, проблеме обратных отсылок, несоответствия в толковании и ограничения, связанные с преобладанием обязательных положений и исключений из государственной политики; акцентирование внимания на трудностях, возникающих в рамках многосторонних и цифровых договорных механизмов, включая смарт-контракты и децентрализованные платформы, которые подрывают традиционные концепции локализации и юрисдикции. Результаты: исследование позволило прийти к выводу о том, что классические модели урегулирования конфликтов требуют пересмотра в свете технологических достижений и нормативной фрагментации международного частного права. В статье предлагается концептуальный переход от территориально обусловленных связующих факторов к функционально адаптивным механизмам, подходящим для цифровой правовой среды.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионные нормы, транснациональный контракт, применимое право, автономия сторон, отзыв, сверхимперативные нормы, смарт-контракты, правовая фрагментация

Для цитирования: Федулина Е.В. Актуальные проблемы применения коллизионных норм в правовом регулировании трансграничных контрактных отношений / Е.В. Федулина, Д.Р. Ахметвалиев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 96–104.

© Федулина Е.В., Ахметвалиев Д.Р., 2025

Original article

Fedulina Ekaterina Valerievna
Joint Stock Company “OTEKO”, Moscow, Russia,
katty45@yandex.ru

Akhmetvaliev Daut Rasikhovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
daut@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF CONFLICT-OF-LAWS RULES’ USE WITHIN THE LEGAL REGULATION ON CROSS-BORDER CONTRACTUAL RELATIONS

Abstract. The article examines the topical issues of conflict-of-law rules’ use within the legal regulation of cross-border contractual relations. Purpose: to analyse the theoretical structure of conflict-of-law rules, the multiplicity and competition of connecting factors, the problem of renvoi, interpretive inconsistencies, and the limitations posed by overriding mandatory provisions and public policy exceptions; to highlighting the difficulties arising in multilateral and digital contractual arrangements, including smart contracts and decentralised platforms, which undermine traditional concepts of localisation and jurisdiction. Results: the research allowed concluding that classical models of conflict regulation require revision in light of technological developments and the normative fragmentation of private international law. The article proposes a conceptual transition from territorially-based connecting factors to functionally adaptive mechanisms suitable for the digital legal environment.

Keywords: private international law, conflict-of-law rules, cross-border contract, applicable law, party autonomy, renvoi, public policy, overriding mandatory norms, smart contracts, legal fragmentation

For citation: Fedulina E.V., Akhmetvaliev D. R. Topical Issues of Conflict-of-Laws Rules’ Use within the Legal Regulation on Cross-Border Contractual Relations*. Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 96–104. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.9.

Введение. Трансграничный частноправовой оборот давно перестал быть исключением и превратился в устойчивую реальность деловой жизни, тогда как его нормативная основа по-прежнему остаётся глубоко фрагментированной. Государства по-разному определяют содержание ключевых договорных институтов, а их правовые системы строятся на несводимых к единому знаменателю культурных, аксиологических и процедурных основаниях. В этой нормативной мозаике именно коллизионные нормы выполняют функцию навигационного инструмента, позволяющего определить применимое право в трансгра-

ничной сделке и таким образом обеспечить её юридическую легитимность, состоятельность и предсказуемость.

Коллизионное регулирование: актуальные правовые вызовы. Коллизионные нормы, несмотря на их устоявшийся статус и внешнюю формальную нейтральность, сегодня сталкиваются с рядом серьёзных проблем как концептуального, так и прикладного порядка.

Во-первых, в условиях роста количества трансграничных контрактов, коллизионные нормы оказываются под давлением конфликтующих юрисдикционных интересов, множества потенциально применимых правопорядков и усложняющейся конструкции договорных связей. Во-вторых, появляются качественно новые формы отношений, порождающие сопутствующие сложности в применении традиционных привязок вроде «места заключения» или «наиболее тесной связи». В-третьих, формально схожие коллизионные нормы разных правопорядков (например, ЕС, США, России, Китая) часто приводят к противоположным результатам, что подрывает базовую функцию коллизионного регулирования – достижение нормативной определённости. В условиях, когда автономия воли сторон далеко не всегда реализуется либо оказывается ограниченной императивными нормами и публичным порядком, правоприменитель оказывается в положении, требующем критического и обоснованного выбора между конкурирующими логиками правоприменения.

Коллизионные привязки, являясь одним из основополагающих институтов международного частного права, обеспечивают возможность нормативной связности между автономными национальными правовыми системами. Их основная функция заключается не в унификации материальных норм, регулирующих содержание частноправовых отношений, а в установлении юридической модели, механизма, посредством которого определяется применимое право в трансграничной ситуации. По своей правовой природе коллизионное регулирование не предписывает конкретное поведение, не создаёт прав и обязанностей в прямом смысле, но формирует процедурную оболочку, в рамках которой решается проблема выбора применимого права.

Вопрос о «строении» коллизионной нормы остается дискуссионным. В отечественной литературе доминирует двухчленное понимание («объём и привязка»), но встречается и трёх- и даже четырёхчленная модель, включающая гипотезу, диспозицию (или привязку) и отсылку или санкцию [1, с. 39]. Классическая доктрина, восходящая к пандектной системе и наследию Савиньи, исходила из презумпции объективной привязки – то есть поиска наиболее естественной, тесной и рационально обоснованной связи между правоотношением и правовой системой, что объясняет устойчивость таких категорий, как «наиболее тесная связь» или «действительный центр тяжести».

Однако с конца XX века наблюдается устойчивая трансформация коллизионной нормы от концепта нормативной нейтральности к инструменту норма-

тивной политики. В современных правопорядках коллизионные нормы перестают быть сугубо техническими алгоритмами разрешения конфликта прав и начинают выполнять функцию трансляции ценностных ориентиров. Всё чаще в их структуру встраиваются как диспозитивные, так и императивные элементы, направленные на защиту слабой стороны договора, ограничение злоупотреблений автономией воли, приоритетное применение определённых обязательных норм независимо от выбора сторон. Особенно ярко это проявляется в системе европейского коллизионного права, например, в Регламенте «Рим I», где принцип формального выбора права сбалансирован системой защитных механизмов, направленных на предотвращение нормативного дисбаланса. Коллизионная норма в таких случаях перестаёт быть «нейтральным направляющим», а становится выражением внутренней правовой политики государства или надгосударственного образования.

Современное коллизионное регулирование также всё активнее взаимодействует с нормами и принципами так называемого мягкого права, среди которых особое значение приобретают Принципы УНИДРУА, Гаагские принципы по выбору права, а также модельные акты Комиссии ООН по праву международной торговли. Хотя эти источники не обладают обязывающей юридической силой в формально-догматическом смысле, их роль в практике правотворчества и правоприменения непрерывно возрастает, поскольку они служат ориентиром при разработке национальных и международных коллизионных норм и активно используются в качестве вспомогательных средств при толковании, заполнении пробелов, формировании арбитражной и судебной практики. При этом, однако, выбор сторонами лишь указанных источников будет свидетельствовать о сохранении потенциальных проблем в вопросе определения права, подлежащего применению [2, с. 241].

Практическое применение коллизионных норм в трансграничных контрактных отношениях нередко сопровождается целым спектром методологических и процедурных затруднений. В условиях нормативного плюрализма, различий в юридической квалификации, а также разной степени нормативной гибкости национальных систем, одна и та же коллизионная формула может привести к диаметрально противоположным результатам. Проблема начинается уже на уровне множества потенциально применимых привязок: место заключения договора, место его исполнения, национальность или домицилий сторон, регистрация юридического лица – все эти критерии, будучи формально равноправными, в конкретной ситуации могут вступать в конкуренцию. Стороны могут потерять уверенность в том, какое право действительно будет использовано судом или арбитражем, особенно если отсутствует чёткая оговорка о выборе права.

Сложности усиливаются в ситуациях, когда стороны не реализовали своё право на выбор применимого права. В подобных случаях суд или третейский суд вынужден самостоятельно определить наиболее тесную связь, что нередко становится зоной судебного усмотрения и приводит к высокой степени непред-

сказуемости. Кроме того, даже при наличии выбора стороны не застрахованы от возникновения так называемой проблемы renvoi – отсылки к коллизионной норме другого государства, которая в свою очередь может отослать к третьей системе права или вернуть дело обратно. Хотя в теории большинство современных правопорядков стараются исключить renvoi в контрактной сфере, на практике вопросы отсылки продолжают возникать, особенно при столкновении материального и коллизионного уровней правоприменения [3, с. 53].

Особое внимание заслуживает проблема расхождения в квалификации понятий. Коллизионное регулирование строится на предпосылке, что все системы права одинаково интерпретируют ключевые юридические категории: «договор», «обязательство», «добросовестность», «имущественный интерес». Однако в действительности эти понятия подвержены национально-правовой интерпретации, и одно и то же поведение сторон может трактоваться по-разному в зависимости от применимого права. Это порождает феномен квалификационного конфликта, особенно ярко проявляющегося в арбитражной практике, где арбитры нередко вынуждены «переводить» поведение сторон с языка одной правовой системы на язык другой, не нарушая при этом согласованной логики сделки.

Проблемы усугубляются и в многосторонних, каскадных или многоуровневых договорах, где участвуют более двух сторон, находящихся под юрисдикцией различных государств. Возникает вопрос: какая система права применима к каждому элементу сделки – к основной конструкции, к отдельным обязательствам, к дополнительным соглашениям? Отдельные правопорядки могут признать право сторон выбирать применимое право отдельно для каждого элемента договора (например, США, Англия, Россия), в то время как другие – настаивать на единстве применимого права ко всему договору в целом (например, Германия). В результате возникает неустранимый конфликт логик: или жертвуется целостность конструкции, или нарушается автономия соглашения [4, с. 66].

В практическом аспекте данные проблемы поднимают вопрос о необходимости переосмысления содержания коллизионных норм и методов их применения. Судебная и арбитражная практика демонстрирует, что даже самые совершенные формулы остаются уязвимыми перед многообразием жизненных ситуаций и нормативной многослойностью. Появляется потребность в более гибких инструментах интерпретации, усилении роли мягкого права и развитии согласительных механизмов определения применимого права, особенно в сфере цифровых контрактов, кроссплатформенного взаимодействия и многостадийных транзакций. Коллизионным нормам, которые остаются в своей основе механизмом юридической логистики, надлежит развиваться в направлении адаптивности, гибридизации и концептуальной прозрачности.

Применение коллизионных норм неизбежно сталкивается с установленными пределами, продиктованными как внутренними потребностями правопорядка, так и международными гарантиями нормативной целостности.

Одним из важнейших механизмов ограничения выступает институт публичного порядка (public policy, ordre public), который позволяет государству отказать в применении иностранного права, даже если оно прямо указано в коллизионной норме, в случае если результат такого применения противоречил бы основополагающим началам национального правопорядка. Это положение, по своей сути, представляет собой юридическую «клапанную систему», которая охраняет правовую идентичность государства от чрезмерного внешнего влияния, при этом сохраняя саму структуру коллизионного регулирования [5, с. 87].

В разных правовых системах границы публичного порядка очерчены поразному – от узкого прочтения в духе процессуального национализма до расширительных толкований, охватывающих широкий спектр моральных, социальных и экономических установлений. Особенно остро это проявляется в сфере международных договоров, касающихся трудовых отношений, брачно-семейных обязательств, защиты потребителя, а также в случаях, затрагивающих антикоррупционные, антимонопольные или санкционные положения. Следует отметить, что в европейском праве, особенно в рамках Регламента «Рим I», институт ordre public функционирует как исключительный механизм, призванный использоваться с крайней осторожностью, тогда как в некоторых юрисдикциях (например, в странах общего права) границы публичного порядка нередко используются как активный инструмент переоценки иностранного правопорядка[1].

Вторым важнейшим ограничением выступают сверхимперативные нормы (overriding mandatory provisions), которые применяются независимо от содержания коллизионной нормы и даже вопреки воле сторон [6, с. 2341]. Императивные нормы защищают интересы, признанные настолько значимыми, что требуют безусловного соблюдения: например, положения о валютном контроле, трудовые гарантии, санитарные, экологические и иные правила, направленные на защиту общественного порядка или экономического суверенитета. Императивные нормы, в отличие от ordre public, не блокируют применение иностранного права постфактум, а действуют в качестве позитивной замены, подлежащей применению по самому факту связи правоотношения с данной юрисдикцией. В практике арбитража и государственных судов вопрос о границах действия таких норм остаётся открытым, особенно в случаях, когда дело рассматривается в нейтральной юрисдикции, а сторона пытается ввести в оборот нормы третьего государства.

Ограничения в применении коллизионных норм также проявляются в необходимости защиты слабой стороны договора. Особенно это актуально в договорах с участием потребителей, работников, арендаторов и других уязви-

[1] Регламент (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») [Электронный ресурс] /| Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001 (дата обращения: 15.07.2025).

мых категорий. Во многих юрисдикциях допускается ограничение действия автономии воли и, соответственно, неприменение выбранного сторонами права, если это ведёт к ущемлению установленных гарантий. Так, Регламент «Рим I» прямо закрепляет, что в случае выбора права, отличного от права страны проживания потребителя, применяются положения, предоставляющие более высокий уровень защиты.

В совокупности все эти ограничения очерчивают границы действия коллизионных норм как инструмента трансграничного регулирования. Их целью является защитить баланс между юридической гибкостью и фундаментальными правовыми интересами национального правопорядка. Они служат напоминанием о том, что даже в пространстве частного права автономия правовых решений не является абсолютной: она допускается постольку, поскольку не вступает в конфликт с ценностями, которые правопорядок считает не подлежащими компромиссу.

Цифровизация трансграничных контрактов является еще одной проблемой частноправового регулирования. Если классическая модель коллизионной нормы предполагала наличие материального центра тяжести правоотношения, выраженного через территориальные, личные или экономические связи с тем или иным правопорядком, то в условиях цифровой среды эти ориентиры утрачивают прежнюю однозначность. Контракт может быть заключён в распределённой системе, исполнен через алгоритмическую платформу, зарегистрирован в смарт-формате на блокчейне и не иметь чёткого «места» не только в юридическом, но и в физическом смысле, что ставит под сомнение применимость традиционных привязок и требует разработки новой коллизионной логики, учитывающей нефизическую локализацию юридических фактов [7, с. 126].

Одной из наиболее острых проблем является коллизионная квалификация смарт-контрактов. Такие договоры заключаются и исполняются в рамках само программируемых алгоритмов, а их условия выражены в коде, а не в юридически привычных терминах. Возникает вопрос: какое право регулирует такой контракт, если его стороны идентифицируются по криптографическим адресам, исполнение автоматизировано, а сама инфраструктура распределена по множеству узлов в разных юрисдикциях? Привязка к месту заключения теряет актуальность, равно как и концепция места исполнения. Проблематичной становится и отсылка к месту нахождения сервера или регистратора – как минимум потому, что это технически переменная и юридически неустойчивая категория. Таким образом, коллизионная норма оказывается в ситуации, когда у неё нет традиционного объекта привязки, а следовательно, нарушается её базовая логика.

Дополнительную сложность представляет собой коллизионная квалификация цифровых платформ, выступающих в роли посредников или инфраструктурных субъектов, через которые осуществляется договорное взаимодействие. Контракт может быть заключён через маркетплейс, исполнен через финтех-

сервис, зафиксирован через облачное хранилище, и при этом каждое из этих звеньев может быть локализовано в разных правовых пространствах. Коллизионные нормы не всегда в состоянии охватить такую полисистемную структуру. Применение разных привязок к разным частям одного и того же контракта может привести к нормативной фрагментации, а попытка определить одно применимое право – к игнорированию реальной многослойности правоотношения. Совокупность обозначенных факторов указывает на возникшую потребность в новом поколении коллизионных подходов, способных работать с динамическими цифровыми связями, включая платформенную юрисдикцию, место хранения данных, юрисдикцию технологического посредника.

Заключение. Современное коллизионное право сталкивается с кризисом применимости: глобализация, расслоение правовых систем, санкционная составляющая, а также цифровизация размывают привычные критерии связи между правоотношением и правопорядком. Традиционные привязки – место заключения, исполнения, регистрации – всё чаще теряют смысл в условиях смарт-контрактов, платформенных сделок и распределённых сетей. Вместо устойчивых ориентиров возникает ситуация правовой множественности и методологической неопределённости, в которой коллизионная норма перестаёт быть нейтральным техническим инструментом и превращается в акт юридической навигации на фоне усиливающегося значения ограничительных механизмов.

Список источников

1. Колобов Р.Ю. К вопросу о правовой норме в международном частном праве / Р. Ю. Колобов // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 1. – С. 35–41.

2. Шаравина Д.А. Сущность автономии воли сторон в международном частном праве / Д.А. Шаравина // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 27. – С. 239–247.

3. Пирцхалава Х.Д. Развитие института обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства в современном международном частном праве Российской Федерации / Х.Д. Пирцхалава // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 2. – С. 52–56.

4. Антонова Е.И. Автономия воли сторон в договорных отношениях между субъектами права разных государств / Е.И. Антонова // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – № 1. – С. 64–73.

5. Растегари С. Публичный порядок и его роль в допустимых ограничениях прав человека / С. Растегари // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 21 (63). – С. 83–88.

6. Засемкова О.Ф. К вопросу о применении сверхимперативных норм международного частного права судами / О.Ф. Засемкова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2341–2345.

7. Трунцевский Ю.В. Смарт-контракт: от определения к определенности / Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. –С. 118–147.

References

1. Kolobov R.Y. Legal Norm in International Private Law Revisited. *Siberian Law Herald,* 2005, no. 1, pp. 35–41. (In Russian).

2. Sharavina D.A. The Essence of the Autonomy of the Will of the Parties in Private International Law. *Russian Justice Issues*, 2023, no. 27, pp. 239–247. (In Russian).

3. Pirtskhalava Kh.D. Development of the Institution of Renvoi and Double Renvoi in the Modern Private International Law of the Russian Federation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),* 2015, no. 2, pp. 51–55. (In Russian).

4. Antonova E.I. Party Autonomy in Contractual Relations Between Subjects of Law from Different States. *Bulletin of the Cheboksary Cooperative Institute,* 2008, no. 1, pp. 64–73. (In Russian).

5. Rastegari S. Public Policy and its Impact to Permissible Restrictions of Human Rights. *Problems of Modern Science and Education*, 2016, no. 21 (63), pp. 83–88. (In Russian).

6. Zasemkova O.F. Regarding the Application of Private International Law Super–Binding Rules in Legal Proceedings. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 10, pp. 2341–2345. (In Russian).

7. Truntsevsky Yu.V., Sevalnev V.V. Smart Contract: From Identification to Certainty. *Law Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 1, pp. 118–147. (In Russian).

Информация об авторах

Федулина Екатерина Валерьевна *– кандидат юридических наук;*

Ахметвалиев Даут Расихович *– аспирант кафедры гражданского права Института права*

Information about the Authors

Fedulina Ekaterina Valerievna *– Candidate of Sciences (Law);*

Akhmetvaliev Daut Rasikhovich *– Postgraduate Student of the Chair of Civil Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 15.09.2025.
The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 15.09.2025.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.10

Гайнетдинов Рустам Раисович
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
gainetdinovrustam.606@gmail.com

ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительно-правового исследования института возраста уголовной ответственности в условиях современных вызовов, связанных с межпоколенческими изменениями. Проведен анализ правового регулирования и практики применения возрастных порогов в 12 правовых системах мира, включая страны Азии (Китай, Япония, Сингапур, Южная Корея), Северной Америки (США, Канада) и Европы (Великобритания, Германия, Франция, Россия, Швеция, Финляндия). Особое внимание уделено анализу международных стандартов, включая Пекинские правила ООН[1] и Конвенцию о правах ребенка[2]. По результатам исследования разработан комплекс научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию российского законодательства с учетом положительного зарубежного опыта и современных вызовов.

© Гайнетдинов Р.Р., 2025

[1] Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 08.09.2025).

[2] Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child (дата обращения: 08.09.2025).

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, сравнительное правоведение, уголовное право, несовершеннолетние, межпоколенческий анализ, акселерация, цифровизация, уголовная политика, ювенальная юстиция

Для цитирования: Гайнетдинов Р.Р. Возраст уголовной ответственности в современном уголовном праве: сравнительно-правовой анализ и межпоколенческие аспекты / Р.Р. Гайнетдинов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.10 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 105–116.

Original article

Gainetdinov Rustam Raisovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
gainetdinovrustam.606@gmail.com

THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY IN MODERN CRIMINAL LAW: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS AND INTERGENERATIONAL ASPECTS

Abstract. The article presents the results of a comprehensive comparative legal study of the institution on the age of criminal responsibility in the context of modern challenges associated with intergenerational changes. A multi-level analysis of legal regulation and practice of applying age limits in 12 world legal systems is carried out, including Asian countries (China, Japan, Singapore, South Korea), North America (USA, Canada) and Europe (United Kingdom, Germany, France, Russia, Sweden, Finland). An original methodological framework integrating comparative legal and empirical research methods has been developed. Special attention is paid to the analysis of international standards, including the UN Beijing Rules and the Convention on the Rights of the Child. Based on the research results, a set of scientific recommendations for improving Russian legislation has been developed, taking into account positive foreign experience and modern challenges.

Keywords: age of criminal responsibility, comparative law, criminal law, minors, intergenerational analysis, acceleration, digitalisation, criminal policy, juvenile justice

For citation: Gainetdinov R.R. The Age of Criminal Responsibility in Modern Criminal Law: Comparative Legal Analysis and Intergenerational Aspects. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 105–116. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.10.

Введение. Актуальность исследования возраста уголовной ответственности в современных условиях обусловлена стремительными социальными, технологическими и антропологическими изменениями, затрагивающими новые поколения.

Современные вызовы, включая процессы акселерации несовершеннолетних, ранний доступ к информации через цифровые технологии и изменение социальных условий, требуют пересмотра традиционных подходов к установлению возрастных порогов уголовной ответственности. Статистические данные свидетельствуют о росте числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также об их «омоложении», что актуализирует необходимость совершенствования правового регулирования вопроса возраста, с которого начинается уголовная ответственность.

Цель исследования – проведение сравнительно-правового анализа возраста уголовной ответственности в различных правовых системах мира, выявление системных закономерностей и разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию российского законодательства с учетом межпоколенческих изменений. Как отмечал М. Ансель: «Изучение зарубежного опыта открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами» [1, с. 38].

Выбор стран для сравнительного анализа обусловлен следующими критериями репрезентативности, в частности:

– по принадлежности к различным правовым системам: к континентальной системе (Россия, Германия, Франция, Китай, Япония, Южная Корея, Швеция, Финляндия), к общему праву (США, Англия, Канада) и к смешанной системе (Сингапур);

– по географическому и культурному разнообразию: Восточная Азия (Китай, Южная Корея, Япония), Юго-Восточная Азия (Сингапур), Северная Америка (США, Канада), Европа (Англия, Германия, Франция, Россия, Швеция, Финляндия);

– по различиям в подходах к установлению возраста ответственности: от крайне низкого возраста (7 лет в Сингапуре, 10 лет в Англии), до дифференцированных (14/16 лет в большинстве стран) и реабилитационных моделей.

Анализ международно-правовых актов выявляет устоявшиеся стандарты в области определения возраста уголовной ответственности. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 года), устанавливают, что «низкий возраст уголовной ответственности не должен фиксироваться на слишком низком возрастном уровне, учитывая аспекты эмоциональной, духовной и ин-

теллектуальной зрелости» (п. 4.1)[3]. Конвенция о правах ребенка (1989 года) подчеркивает необходимость установления «минимального возраста, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовное законодательство» (ст. 40)[4]. Комитет ООН по правам ребенка рекомендует государствам-участникам устанавливать минимальный возраст уголовной ответственности на уровне не ниже 14 лет (п. 32)[5]. Европейские стандарты, отраженные в Рекомендации Rec (2003) 20 Комитета министров Совета Европы, подчеркивают важность специализированных подходов к правосудию в отношении несовершеннолетних[6].

Проведенный сравнительно-правовой анализ возраста уголовной ответственности позволил выявить различные модели установления возраста уголовной ответственности в исследуемых странах.

Законодательством Великобритании возраст уголовной ответственности установлен на уровне 10 лет. Правовой акт «Children and Young Persons Act 1933, Section 50 (с последующими поправками)» прямо устанавливает, что «Безоговорочно предполагается, что ни один ребенок в возрасте до десяти лет не может быть виновным в каком-либо правонарушении»[7]. Стоит отметить, что презумпция doli incapax (неспособности к совершению преступления), которая ранее действовала для лиц от 10 до 14 лет, была окончательно отменена Законом о преступности и беспорядках 1998 года (Crime and Disorder Act 1998, Section 34)[8]. При этом можно отметить дифференцированный характер ответственности

---

[3] Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 08.09.2025).

[4] Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child (дата обращения: 08.09.2025).

[5] Замечание общего порядка № 10 (2007): Права детей в рамках правосудия в отношении несовершеннолетних: Комитет ООН по правам ребенка. CRC/C/GC/10. 25 апреля 2007 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en&TreatyID=5&DocTypeID=11 (дата обращения: 08.09.2025).

[6] Рекомендация Rec (2003) 20 Комитета министров Совета Европы о новых подходах к преступности несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних: принята 24 сентября 2003 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805e10a5 (дата обращения: 08.09.2025).

[7] Children and Young Persons Act 1933: current version with amendments [Электронный ресурс] // The National Archives. : сайт. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/23-24/12/contents (дата обращения: 08.09.2025).

[8] Официальная база законодательства UK (The National Archives) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/34.

несовершеннолетних, акцент на воспитательных мерах для младших возрастных групп, широкое применение программ diversion (отвлечения от системы уголовного правосудия). Цель этих программ – избежать стигматизации, раннего вовлечения в уголовную систему, минимизировать травмирующее воздействие судебного процесса, обеспечить более эффективную ресоциализацию и дать возможность исправиться без судимости. В «Руководстве Министерства юстиции по работе с несовершеннолетними правонарушителями» детально расписаны меры воздействия, альтернативные судебному преследованию, такие как, например, вынесение предупреждения (youth caution) или направление на программу исправления (youth conditional caution)[9].

Федеральное законодательство США не устанавливает единого минимального возраста уголовной ответственности. Вместо этого вопрос возраста решается в рамках прецедентного права и законов отдельных штатов. Некоторые штаты устанавливают свои специфические возрастные границы: 6 лет в штате Северная Каролина, 7 лет в штате Оклахома, 8 лет в штате Невада; 10 лет в штате Колорадо, 12 лет в Луизиане; 13 лет – штаты Джорджия и Иллинойс; 15 лет – штат Техас; 16 лет – общий возраст в штате Нью-Йорк, но за совершение убийства уголовная ответственность может наступить с 13 лет, за другие тяжкие преступления – с 14 лет. В 23 штатах и федеральном округе Колумбия минимальный возраст уголовной ответственности законодательно вообще не установлен. В таких юрисдикциях возраст определяется через прецедентное право. Суды оценивают способность ребенка осознавать последствия действий, опираясь на критерии, установленные в рассмотренных делах, используя тест doli incapax (заимствованный из английского права), который предполагает, что ребенок младше определенного возраста не способен осознавать преступный характер деяния. Таким образом, законодательство допускает привлечение к ответственности с минимального возраста, но на практике такие случаи редки и часто требуют оценки дееспособности ребенка. Для США характерен разнообразный подход, сочетающий карательные и реабилитационные меры и уровни регулирования, то есть федеральный и штатный. Широко применяется ювенальная юстиции и дифференциация в зависимости от тяжести преступления.

Анализ азиатских стран выявил разнообразные подходы. 1 марта 2021 года вступила в силу поправка № 11 к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики[10], которая снизила минимальный возраст уголовной ответственности до 12 лет. Причиной пересмотра возраста уголовной ответственности для

---

[9] Полный текст руководства MoJ: Youth justice plans : guidance [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/youth-justice-plans-guidance-for-youth-justice-services/youth-justice-plans-guidance-for-youth-justice-services.

[10] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: с изм. 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного комитета ВСНП. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202103/17a2c775ae88452d83c258ac2c4d0e0c.shtml (дата обращения: 09.09.2025).

несовершеннолетних стала серия громких дел, всколыхнувших китайское общество: трое детей в возрасте 11–13 лет убили свою учительницу в школе после того, как она поймала их на краже закусок; 12-летний мальчик зарезал свою мать в отместку за телесное наказание; 12-летний мальчик убил своего 7-летнего родственника деревянной доской, опасаясь наказания после несчастного случая; 12-летняя девочка отравила свою одноклассницу и сестру одноклассницы; 12-летний мальчик зарезал своего одноклассника после ссоры; 13-летняя девочка убила свою одноклассницу и расчленила тело, завидуя ее красоте, и другие случаи [2, с. 6–7]. Согласно статье 17 УК КНР, с 12 лет уголовная ответственность наступает в исключительных случаях (убийства или умышленного причинения тяжкого вреда здоровью с применением особо жестоких средств, повлекшее смерть или инвалидность), при наличии особо серьёзных обстоятельств, подтверждённых Верховной народной прокуратурой[11]. Данные изменения усилили репрессивный характер УК в отношение несовершеннолетних. Однако эта поправка не является общим снижением возраста ответственности, а представляет собой точечный инструмент для крайних случаев. Как пояснил профессор юридического факультета Пекинского педагогического университета Пэн Синьлинь, данные изменения «представляют собой специальную процедуру снижения нижнего предела возраста уголовной ответственности на индивидуальной основе» [3, с. 386]. Лица, достигшие 14 лет, также могут быть привлечены к ответственности за ряд преступлений: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее серьёзную травму или смерть, изнасилование, разбой, незаконный оборот наркотиков, поджог, взрыв и распространение опасных веществ. С 16 лет наступает полная уголовная ответственность. Китай сохраняет реабилитационную направленность для несовершеннолетних: запрещены смертная казнь и пожизненное заключение для лиц до 18 лет.

В Сингапуре установлен один из самых низких в мире возрастов уголовной ответственности. Однако правовой режим для несовершеннолетних отличается сложностью и предусматривает важные исключения. Согласно Разделу 82 (Section 82) Уголовного кодекса Сингапура (Penal Code)[12], действие, совершенное ребенком в возрасте до 7 лет, не является преступлением. Это означает, что дети младше 7 лет считаются абсолютно неспособными к совершению преступления и не могут быть привлечены к уголовной ответственности ни при каких обстоятельствах. Для детей в возрасте от 7 до 12 лет вступает в силу Раз-

[11] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: с изм. 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного комитета ВСНП. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202103/17a2c775ae88452d83c258ac2c4d0e0c.shtml (дата обращения: 09.09.2025).

[12] Penal Code of Singapore: Revised Edition 2020 [Электронный ресурс] // Attorney-General's Chambers : сайт. URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/PC1871 (дата обращения: 09.09.2025).

дел 83 (Section 83) Уголовного кодекса[13], который устанавливает опровержимую презумпцию doli incapax (лат. «неспособный к злому умыслу»), то есть ребенок этой возрастной группы считается неспособным осознавать противоправность своего деяния. Чтобы привлечь такого ребенка к ответственности, обвинение должно опровергнуть эту презумпцию. Для этого необходимо доказать без каких-либо сомнений, что несовершеннолетний понимал, что его действие являлось не просто «шалостью» или «озорством», а серьезно неправильным с точки зрения закона. Для этого могут быть использованы свидетельства о его развитии, окружении, образовании и конкретных обстоятельствах дела. Хотя формальный возрастной порог в Сингапуре остается одним из самых низких (7 лет), реальная уголовная ответственность для детей до 12 лет является исключением, а не правилом. Бремя доказывания их способности осознавать преступность деяния лежит на обвинении, что делает систему более гибкой и ориентированной на защиту прав ребенка.

В Японии общий возраст привлечения к ответственности составляет 14 лет (в ст. 41 УК Японии закреплено, что «действие, совершённое лицом, не достигшим возраста четырнадцати лет, ненаказуемо»[14]). Основной акцент делается на воспитательные меры и ресоциализацию несовершеннолетних. Например, Закон о несовершеннолетних Японии предусматривает передачу дел в семейные суды, где рассматриваются обстоятельства правонарушений и назначаются меры воспитательного воздействия, а не уголовное наказание.

До недавнего времени статья 9 Уголовного кодекса Республики Корея также устанавливала возраст уголовной ответственности с 14 лет. Однако в 2022 году возраст был снижен до 13 лет в ответ на рост подростковой преступности[15]. Несмотря на ужесточение возраста, система сохраняет реабилитационную направленность. Для несовершеннолетних предусмотрены программы исправления, общественные работы и содержание в специализированных центрах вместо тюремного заключения. Министерство юстиции Южной Кореи подчеркивает, что новые меры направлены не на наказание, а на воспитание подростков.

---

[13] Penal Code of Singapore: Revised Edition 2020 [Электронный ресурс] // Attorney-General's Chambers : сайт. URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/PC1871 (дата обращения: 09.09.2025).

[14] Уголовный кодекс Японии: действующая редакция [Электронный ресурс] // Японское министерство юстиции : сайт. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=1960&vm=04&re=02 (дата обращения: 09.09.2025).

[15] Уголовный кодекс Республики Корея: Act No. 17372, 2023 [Электронный ресурс] // Korea Legislation Research Institute : сайт. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=63708&lang=ENG (дата обращения: 09.09.2025).

В Германии возраст уголовной ответственности установлен на уровне 14 лет (§ 19 StGB), до указанного возраста дети полностью освобождаются от уголовной ответственности в связи с их «психосоциальной незрелостью и неспособностью полностью осознавать последствия своих деяний»[16]. С 14 до 18 лет к несовершеннолетним применяется особое уголовное право (Jugendstrafrecht) Закона о ювенальной юстиции (Jugendgerichtsgesetz, JGG), который предусматривает специальные процедуры и меры воздействия, ориентированные на воспитание. Применяются: воспитательные меры – курсы социального тренинга, общественные работы, беседы с психологами; дисциплинарные взыскания – арест на срок до 4 недель, денежные штрафы в пользу благотворительных организаций; ювенальное тюремное заключение – только в тяжёлых случаях (максимум 10 лет, для убийств – до 15 лет). Суд всегда обязан учитывать личность, условия жизни и мотивы правонарушителя. Например, кража из магазина может привести к общественным работам, а не к тюрьме. Интересная особенность уголовного права Германии заключается в том, что к лицам, совершившим преступления в возрасте с 18 до 21 года, может применяться Jugendstrafrecht, но если суд сочтет правонарушителя развитым как взрослого, то его могут привлечь по уголовному праву взрослых (StGB). Также развита система пробации (испытательный срок), которая заключается в сопровождении кураторов, в контроле за поведением и в помощи в ресоциализации[17].

В Российской Федерации возраст уголовной ответственности регулируется статьей 20 УК РФ. Согласно части 1 этой статьи, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Часть 2 устанавливает пониженный возраст – 14 лет – для отдельных категорий преступлений. Согласно части 3 статьи 20 УК РФ, если несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности (14 или 16 лет), но вследствие отставания в психическом развитии не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, он не подлежит уголовной ответственности[18].

---

[16] Criminal Code in the version published on 13 November 1998 (Federal Law Gazette I, p. 3322), as last amended by Article 2 of the Act of 22 November 2021 (Federal Law Gazette I, p. 4906) [Электронный ресурс] // Federal Ministry of Justice and Consumer Protection : сайт. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/ (дата обращения: 09.09.2025).

[17] Criminal Code in the version published on 13 November 1998 (Federal Law Gazette I, p. 3322), as last amended by Article 2 of the Act of 22 November 2021 (Federal Law Gazette I, p. 4906) [Электронный ресурс] // Federal Ministry of Justice and Consumer Protection : сайт. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/ (дата обращения: 09.09.2025).

[18] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таблица 1

Сравнительный анализ возраста уголовной ответственности

Страна	Нормативный акт	статья	Общий возраст	Пониженный возраст	Особенности правового регулирования
Россия	УК РФ	ст. 20	16 лет	14 лет	Дифференцированная модель с четким перечнем преступлений
США	Законодательство штатов		-	-	Децентрализованная модель, высокий разброс по штатам (6-18 лет)
Англия	Children and Young Persons Act 1933	sec. 50	10 лет	-	Дифференцированный характер ответственности, отмена презумпции doli incapax (Crime and Disorder Act 1998)
Германия	StGB	§ 19	14 лет	-	Реабилитационная ориентация, применение Jugendstrafrecht (14-18), гибкий подход к 18-21 годам
Китай	УК КНР	ст.17	16 лет	12-14 лет	Снижение возраста в 2021 г. для исключительных случаев
Сингапур	Penal Code	sec. 82-83	7 лет	-	Презумпция doli incapax для возраста 7-12 лет
Япония	УК Японии	ст.41	14 лет	-	Воспитательная и реабилитационная ориентация
Южная Корея	УК РК	ст.9	13 лет	-	Реабилитационная ориентация
Франция	УК Франции	ст. 122-8	13 лет	-	Приоритет воспитательных мер
Швеция	УК Швеции	гл.1 § 6	15 лет	-	Реабилитационная модель
Финляндия	УК Финляндии	гл.3 § 6	15 лет	-	Восстановительное правосудие
Канада	УК Канады	ст.13	12 лет	-	Дифференцированный подход

Межпоколенческий анализ и влияние цифровизации. Проведенный анализ выявил существенные различия между современным поколением несовершеннолетних и предыдущими поколениями, оказывающие непосредственное влияние на вопрос установления возраста уголовной ответственности. Новейшие исследования свидетельствуют о процессах акселерации, затрагивающих современное поколение: более раннее психофизиологическое созревание, а именно половое созревание начинается на 2-3 года раньше, чем у предыдущих поколений. Формирование абстрактного мышления происходит к 12-13 годам

вместо 14-15 лет. Критическое мышление развивается в более раннем возрасте. Современные дети с раннего возраста обладают высокими навыками работы с цифровыми технологиями. Доступ к информации не ограничен временными или пространственными рамками. Формирование цифрового сознания, отличается от традиционного. Проведенный анализ выявил значительное влияние цифровизации на характер и структуру правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Появились новые формы цифровых правонарушений, относящихся к киберпреступности: это несанкционированный доступ к компьютерным системам, распространение вредоносного программного обеспечения, кибербуллинг и онлайн-преследование; к цифровым экономическим преступлениям: мошенничество с использованием электронных средств платежа, кража цифровых активов и криптовалют, неправомерное использование персональных данных. Изменились характеристики традиционных преступлений. Организация преступной деятельности стала возможной с использованием мессенджеров и социальных сетей для координации, созданием закрытых онлайн-сообществ, с использованием шифрования для скрытия коммуникации. Изменились и способы совершения преступлений, происходит использование цифровых технологий для планирования и исполнения преступлений, применяются современные технические средства, используется darknet (темная сеть) для незаконной деятельности.

Таблица 2

Сравнительный анализ поколенческих характеристик

Критерий	Поколение 2000-2010	Поколение 2010-2025	Изменения
Начало полового созревания	13-14 лет	10-12	+2-3 года
Формирование абстрактного мышления	14-15 лет	12-13 лет	+2 года
Возраст цифровой социализации	10-12 лет	3-5 лет	+7 лет
Возраст первого правонарушения	14-16 лет	12-14 лет	+2 года
Осознание противоправности	15-16 лет	13-14 лет	+2 года

Эффективность различных моделей. Анализ показал следующие тенденции: низкий возраст ответственности (Сингапур, Англия) показал краткосрочное снижение подростковой преступности, но высокий уровень рецидива и проблемы с ресоциализацией несовершеннолетних; дифференцированный подход (Россия, Китай, Канада) дает более гибкую систему применения мер воздействия, учет индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, умеренную

эффективность в снижении рецидива; реабилитационная ориентация (Германия, Япония, Южная Корея, Швеция, Финляндия) показала наименьший уровень рецидива, высокую эффективность ресоциализации, долгосрочное положительное воздействие.

На основе проведенного сравнительно-правового анализа разработаны следующие рекомендации: для совершенствования материального права необходимо дифференцировать возрастные пороги, то есть ввести градуированную ответственность для различных возрастных групп (12-13 лет, 14-15 лет, 16-17 лет) с учетом индивидуальных особенностей развития несовершеннолетнего; разработать четкие критерии оценки способности осознавать характер действий на основе комплексных психолого-психиатрических экспертиз; выделить специальные составы для несовершеннолетних с учетом современных форм преступного поведения, включая киберпреступность; разработав адекватные санкции.

Специализированные суды по делам несовершеннолетних с обязательным участием психолога и педагога в производстве были бы надежной гарантией развития их процессуальных гарантий. Необходимо разработать специальные меры пресечения, ориентированные на несовершеннолетних, внедрять медиативные практики и развивать программы restorative justice (восстановительного правосудия) с активным участием общества в ресоциализации несовершеннолетних. Разработка мер противодействия цифровой преступности несовершеннолетних с учетом их психологических особенностей. Совершенствование образовательных программ по цифровой грамотности и правовой ответственности в интернет-пространстве позволяло бы многих подростков удержать от различных соблазнов. В части организационных мер необходимо развивать институт пробации и создавать системы постпенитенциарного сопровождения несовершеннолетних. Разрабатывать целевые профилактические программы для групп риска и создавать системы позитивной социализации. Подготовка специалистов по ювенальной юстиции должна осуществляться с учетом современных вызовов и международного опыта.

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует сложность и многогранность проблемы установления возраста уголовной ответственности в современных условиях. Сравнительный анализ выявил существенные различия в подходах различных стран, обусловленные историческими, культурными и правовыми факторами. Межпоколенческий анализ показал значительные изменения в характеристиках современного поколения несовершеннолетних, включая процессы акселерации, цифровой социализации и изменения социального поведения. Эти изменения обусловливают необходимость пересмотра традиционных подходов к установлению возраста уголовной ответственности. Анализ эффективности различных моделей показал, что реабилитационно-ориентированные системы демонстрируют более высокую эффективность в снижении рецидива и успешной ресоциализации несовершеннолетних. Опыт таких стран, как Германия, Япония и Южная Корея, предлагает ценные идеи для

совершенствования российской системы. Разработанные рекомендации направлены на создание сбалансированной системы правосудия для несовершеннолетних, сочетающей защиту общества и обеспечение прав ребенка. Внедрение предложенных мер позволит существенно повысить эффективность ювенальной юстиции в России.

Список источников

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права / М. Ансель // Очерки сравнительного права : сборник / сост., вступ. ст., пер. В.А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 36–86.

2. Wong Aaron H.L. Can Lowering the Minimum Age of Criminal Responsibility Be Justified? A Critical Review of China's Recent Amendment / Aaron H.L. Wong // The Howard Journal of Crime and Justice. – 2024. – V. 63, № 1. – P. 3–21 [Электронный ресурс]. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdfdirect/10.1111/hojo.12543 (дата обращения: 09.09.2025).

3. Доржиева Г.Б. Возраст наступления уголовной ответственности несовершеннолетних в Китае / Г.Б. Доржиева // Молодой ученый. – 2025. – № 22 (573). – С. 386–387.

References

1. Ansel M. Methodological Problems of Comparative Law. Essays on Comparative Law: Collection. Moscow, Progress, 1981, pp. 36–86. (In Russian).

2. Aaron H.L. Wong. Wong Can Lowering the Minimum Age of Criminal Responsibility Be Justified? A Critical Review of China's Recent Amendment. *The Howard Journal of Crime and Justice,* 2024, vol. 63, no. 1, pp. 3–21. Available at: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdfdirect/10.1111/hojo.12543. (In English).

3. Dorzhieva G.B. The Age of Minors'Criminal Responsibility in China. *Young Scientist*, 2025, no. 22 (573), pp. 386–387. (In Russian).

Информация об авторе

Гайнетдинов Рустам Раисович *– старший преподаватель кафедры криминалистики Института права*

Information about the Author

Gainetdinov Rustam Raisovich *– Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 14.09.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 14.09.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 343.914
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.11

Ивлиев Павел Валентинович
Академия ФСИН России, Рязань, Россия,
ivliev_pv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8508-1633

Воробьев Сергей Михайлович
Академия ФСИН России, Рязань, Россия,
sergey.vorobev.78@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-0734-7456

РОЛЬ АДВОКАТА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль адвоката в уголовно-исполнительной системе (УИС) Российской Федерации. Особое внимание уделено правовому регулированию адвокатской деятельности, функциям адвоката в защите прав осужденных, а также его участию в предотвращении рецидивного поведения. Анализируются основные проблемы, с которыми сталкиваются адвокаты при взаимодействии с УИС, такие как ограничение доступа к осужденным, недостаточная прозрачность работы исправительных учреждений и нарушения прав осужденных. Рассмотрены перспективы повышения эффективности адвокатской деятельности, включая совершенствование законодательства, внедрение электронных систем учета и развитие правового просвещения осужденных. Цель: выявить проблемы, с которыми сталкиваются адвокаты в УИС, а также установить роль адвоката в предотвращении рецидивного поведения. Методы: в настоящем исследовании использовались метод систематизации и ретроспективный метод. Результаты: сделан вывод о необходимости комплексного подхода к обеспечению прав осужденных и усилению роли адвоката в процессе их ресоциализации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, адвокат, осужденные, наказание, рецидив, исправительные учреждения, ресоциализация, преступления

Для цитирования: Ивлиев П.В. Роль адвоката в уголовно-исполнительной системе России / П.В. Ивлиев, С.М. Воробьев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.11 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 117–126.

© Ивлиев П.В., Воробьев С.М., 2025

Original article

Ivliev Pavel Valentinovich
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia,
ivliev_pv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8508-1633

Vorobyov Sergey Mikhailovich
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia,
sergey.vorobev.78@inbox.ru, https://orcid.org/ 0000-0003-0734-7456

THE ROLE OF A DEFENSE LAWYER IN THE RUSSIAN PENAL SYSTEM

Abstract. The article examines the role of a defense lawyer in the Penal System of the Russian Federation. Particular attention is paid to the legal regulation of advocacy, the functions of a defense lawyer in protecting the convicts' rights, as well as his participation in preventing recidivism. The main problems that the defense lawyers face when interacting with the Penal System of the Russian Federation are analysed, such as limited access to convicts, insufficient transparency of the correctional institutions' work and violations of the convicts' rights. Prospects for increasing the effectiveness of advocacy, including improving legislation, introducing electronic accounting systems and developing legal education for convicts, are considered. Purpose: to identify the problems that the defense lawyers face in the Penal System, as well as to establish the role of a lawyer in preventing recidivism. Methods: in the study under question the method systematisation and the method of retrospective are used. Results: the authors came to the conclusion that there is a need for an integrated approach to ensure the rights of convicts and strengthen the role of a defense lawyer in their reintegration process

Keywords: penal system, defense lawyer, convicts, punishment, recidivism, correctional institutions, resocialisation, crimes

For citation*:* Ivliev P.V., Vorobyov S.M. The Role of a Defense Lawyer in the Russian Penal System. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 117–126. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.11.

Введение. Уголовно-исполнительная система (УИС) России играет важную роль в реализации целей наказания, включая исправление осужденных и предупреждение повторного совершения преступлений. Одной из ключевых фигур, обеспечивающих защиту прав осужденных и контроль за законностью действий администрации исправительных учреждений, является адвокат. Его работа охватывает широкий круг вопросов: от обеспечения правового сопровождения до содействия ресоциализации осужденных.

На основе положений российского законодательства в статье подробно рассматриваются основные аспекты деятельности адвоката в УИС, включая нормативно-правовое регулирование, защиту прав осужденных, преодоление рецидивного поведения и проблемы, с которыми сталкиваются адвокаты при взаимодействии с системой.

Основы адвокатской деятельности в УИС определяются Конституцией Российской Федерации, Уголовно-исполнительным кодексом (УИК РФ), а также Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В соответствии со статьей 48 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, что распространяется и на осужденных.

Функции правозащитников в уголовно-исполнительной системе. Согласно статье 12 УИК РФ, осужденные имеют право на юридическую помощь, в том числе беспрепятственное общение с адвокатами. Это включает возможность консультаций, составления юридических документов, а также представления интересов осужденных в судах и других инстанциях. УИК РФ подчеркивает необходимость соблюдения прав и свобод осужденных даже в условиях ограничений, связанных с исполнением наказания.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности» также предусматривает, что адвокат вправе участвовать в защите интересов подзащитных на всех этапах уголовного судопроизводства, включая этап исполнения приговора. Важным элементом этого взаимодействия является соблюдение адвокатской тайны, что особенно актуально при работе с осужденными, находящимися в исправительных учреждениях. Такое наказание преступника, как лишение свободы, по большому счету не может в полной мере обеспечить защиту осужденного [1, с. 251]. И по этой причине роль и значения адвоката в уголовно-исполнительной системы приобретает особую актуальность.

В рамках УИС адвокат выполняет множество функций, направленных на защиту прав и интересов осужденных. Прежде всего, он обеспечивает контроль за соблюдением условий содержания, соответствующих законодательным нормам. Это включает проверку санитарных условий, питания, медицинского обеспечения, а также предоставление осужденным доступа к образовательным и трудовым программам.

Не менее важной задачей является оспаривание незаконных действий администрации исправительных учреждений. На практике это может касаться обжалования дисциплинарных взысканий, требований о переводе в другие условия содержания или обжалования действий сотрудников, нарушающих права осужденных.

Одним из важнейших приоритетов Федеральной службы исполнения наказаний России в профилактике преступлений является предотвращение попадания запрещённых предметов к осуждённым и арестантам. За прошедшие годы в данном направлении сотрудниками ФСИН России проделана боль-

шая работа по совершенствованию организационных основ деятельности учреждений УИС [2, с. 99].

Адвокат также активно участвует в подготовке осужденных к условно-досрочному освобождению (УДО) или другим видам изменения наказания. В таких случаях он занимается сбором и предоставлением суду документов, подтверждающих исправительное поведение осужденного, его участие в образовательных и трудовых программах, а также готовность к ресоциализации.

Также немаловажной функцией является предоставление консультаций и правовое просвещение. Адвокаты разъясняют осужденным их права и обязанности, порядок отбывания наказания, возможности обжалования действий администрации исправительного учреждения. Они также проводят правовое просвещение среди осужденных, повышая их правовую грамотность и сознательность.

Необходимо отметить, что адвокаты представляют интересы осужденных в судах по вопросам, связанным с исполнением наказания, условно-досрочным освобождением, пересмотром приговоров и т.д. Они защищают права осужденных в апелляционной и кассационной инстанциях, а также в Европейском суде по правам человека.

Также правозащитники посещают осужденных в местах лишения свободы, проверяют условия их содержания, обращения с ними со стороны администрации исправительного учреждения. Адвокаты призваны выявлять всевозможные нарушения прав и свобод заключенных и принимать комплекс мер, связанный с их устранением.

Ещё одной немаловажной функцией, которую осуществляют адвокаты в пенитенциарной системе – это оказание помощи осужденным в оформлении разного рода документов, а также получении всевозможных льгот и привилегий, которые предусмотрены законом. Также надо сказать, что адвокаты осуществляют содействие трудоустройству осужденных и их профессиональной переквалификации.

Функцией адвоката в уголовно-исполнительной системе можно обозначить защиту осужденных от нарушений и своеволия со стороны сотрудников пенитенциарного учреждения. Адвокаты подают жалобы в правоохранительные структуры для защиты нарушенных прав осужденных.

Также можно выделить ещё одну немаловажную функцию адвоката в УИС, которая призвана осуществлять помощь заключенным в подготовке их к освобождению из мест лишения свободы, а также их консультирование по вопросам занятости, решение жилищной проблемы и социальной реинтеграции. Адвокаты также содействуют налаживанию контактов осужденных с их родственниками.

Заключительной функцией можно выделить принятие мер, помогающих осуществить реабилитацию заключенных после их освобождения. Адвокаты оказывают юридические консультации бывшим заключенным и после осво-

бождения. Осуществляется восстановление гражданских прав и оказывается помощь в ресоциализации осужденных.

Качественная помощь в защите прав осужденных неизбежно способствует формированию законности и справедливости в пенитенциарной системе, а также минимизирует риск совершения повторных правонарушений и содействует эффективной реабилитации осужденных.

Необходимо отметить, что адвокаты в работе с осужденными зачастую сталкиваются с серьезными затруднениями. Важной проблемой будет являться ограничение доступа к заключенным. Несмотря на то, что статья 12 УИК РФ обеспечивает осужденным право на беспрепятственное общение с адвокатом, на практике данное право может быть нарушено. Также надо сказать, что администрация пенитенциарных учреждений может создавать искусственные трудности, тем самым ограничивая время взаимодействия адвоката со своими подопечными или увеличивая бюрократическое давление.

Ещё одной немаловажно проблемой является низкая правовая осведомленность осужденных. Среди заключенных множество лиц, которые не знают своих прав и не знают, чем адвокат им может помочь. Данный аспект резко осложняет процедуру защиты, потому что требует от адвоката дополнительных усилий, направленных на просвещение своего подзащитного.

Также существенной проблемой выступает низкая прозрачность деятельности пенитенциарных учреждений. Возникают прецеденты, посредством которых адвокаты сталкиваются с ситуациями, когда документация, связанная, например, с дисциплинарными взысканиями или предоставлением медицинской помощи, предоставляются с существенной задержкой. Это ощутимо осложняет процесс осуществления защиты прав заключенных и ставит под вопрос соблюдение принципов законности.

Нарушения со стороны сотрудников УИС также остаются актуальной проблемой. В некоторых случаях администрации учреждений препятствуют деятельности адвокатов, ссылаясь на внутренние правила, которые могут противоречить федеральным нормам. Например, адвокатам может быть отказано во входе в учреждение под предлогом «отсутствия технической возможности», хотя такой отказ противоречит законодательству.

Еще одной проблемой является недостаточное финансирование. Адвокаты, работающие в системе бесплатной юридической помощи, часто сталкиваются с недостаточным финансированием. Это приводит к низким гонорарам, перегрузке адвокатов и снижению качества оказываемой юридической помощи.

Еще одной проблемой является негативное отношение со стороны общества. Так, например, в обществе существует негативное отношение к адвокатам, защищающим осужденных. Адвокаты могут подвергаться осуждению и даже угрозам со стороны общественности, которая считает, что они помогают преступникам уйти от наказания.

Решить эти проблемы необходимо для обеспечения эффективной защиты прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Требуется внесение изменений в законодательство, повышение уровня правовой культуры и изменение отношения общества к адвокатам, осуществляющим деятельность в УИС.

Одной из ключевых задач адвоката в работе с осужденными является содействие в снижении рецидивного поведения. И, к сожалению, во многом данные лица не готовы полноценно влиться в сегодняшнее гражданское общество и стать полноценным его членом [3, с.14]. Этот аспект работы имеет большое социальное значение, поскольку успешная ресоциализация осужденных снижает риск повторных правонарушений и способствует восстановлению социальной справедливости.

Адвокат может оказывать существенную помощь в подготовке осужденного к возвращению в общество. Это включает разъяснение прав и обязанностей, помощь в оформлении документов, необходимых для трудоустройства или получения социальных выплат, а также содействие в восстановлении утраченных социальных связей.

Кроме того, адвокат может работать в связке с другими специалистами, включая психологов и социальных работников, помогая разрабатывать индивидуальные программы ресоциализации. Эти программы могут включать обучение новым профессиям, участие в культурных и спортивных мероприятиях, а также оказание помощи в адаптации к жизни вне исправительного учреждения.

Важным элементом работы адвоката является участие в судебных процессах, связанных с изменением условий содержания или замены наказания на более мягкое. В указанных ситуациях адвокат выступает в качестве субъекта, который представляет права и интересы заключенных, предоставляя суду доказательства их исправления, а также получения новых навыков и профессиональных успехов.

Важно сказать, что получение качественной правовой поддержки обеспечивает осужденным быстрое понимание своих прав, свобод и обязанностей, что, в свою очередь, позволяет сформировать грамотную стратегию защиты. Всё это увеличивает доверие к правоохранительным органам, снижая вероятность совершения повторных преступлений.

Адвокаты добиваются соблюдения правового режима и условий содержания осужденных, а также обеспечивают осуществление качественной психологической и медицинской помощи. Также надо отметить, что защита прав заключенных способствует их общественной интеграции и минимизирует риск совершения преступлений после их освобождения.

Правозащитники осуществляют большую работу в сфере правового просвещения заключенных, объясняя им их права и обязанности, а также процедуру обжалования противоправных действий со стороны сотрудников пенитен-

циарных учреждений. Это радикально увеличивает правовую подкованность и уменьшает вероятность правонарушений с их стороны.

Необходимо отметить, что адвокаты защищают интересы заключенных в судах, которые касаются вопросов, связанных с исполнением наказания, УДО, пересмотров приговоров и многое другое. Качественная защита прав и интересов осужденных резко уменьшает вероятность совершения рецидивов, потому что осужденные будут понимать, что их действия несут правовые последствия.

Надо сказать, что деятельность правозащитников на всех этапах уголовного процесса активно способствует уменьшению совершения повторных преступлений, что, в свою очередь, достигается посредством защиты их прав и свобод, а также осуществления социальной адаптации, просвещения и нормативного информирования и представления их интересов в судебных процессах.

Адвокат в УИС играет ключевую роль в защите прав осужденных, которые находятся в уязвимом положении. Одной из важных задач является защита от возможных злоупотреблений со стороны администрации исправительных учреждений. Например, дисциплинарные взыскания или иные меры воздействия иногда применяются с нарушением законодательства, что требует вмешательства адвоката для восстановления справедливости.

Кроме того, адвокаты участвуют в делах, связанных с обжалованием решений об отказе в условно-досрочном освобождении. Согласно статье 79 УК РФ, осужденный, доказавший свое исправительное поведение, имеет право на досрочное освобождение. Однако на практике положительное решение часто зависит от правильного оформления документов и аргументации, что невозможно без участия квалифицированного адвоката.

Случаются и ситуации, связанные с защитой права на медицинскую помощь. УИК РФ, в частности статья 101, предусматривает, что осужденные имеют право на бесплатное медицинское обслуживание в соответствии с законодательством Российской Федерации. Адвокаты помогают в случаях, когда это право нарушается, включая случаи отказа в предоставлении лечения или медицинских препаратов.

Контроль за соблюдением прав осужденных в УИС осуществляется органами прокуратуры. Взаимодействие адвокатов с прокуратурой позволяет быстрее реагировать на нарушения, фиксировать их и принимать меры по их устранению. Например, в случае жалобы осужденного на незаконные действия администрации адвокат может обратиться в прокуратуру с ходатайством о проверке.

Однако важно отметить, что эффективность этого взаимодействия напрямую зависит от качества подготовки документов адвокатом. Грамотное составление жалоб, заявлений и ходатайств с учетом норм УИК РФ и других законов существенно увеличивает вероятность оперативного разрешения проблемы.

Для увеличения качества работы правозащитников в пенитенциарной системе необходимо решить ряд проблем. Первое, что необходимо сделать, это усилить контроль, который касается соблюдения права заключенных на право-

вую поддержку. Это можно реализовать посредством усиления надзорных функций прокуратуры и привлечения общественных структур к мониторингу соблюдения прав заключенных.

Крайне важно создать правозащитникам качественный и беспрепятственный доступ к современным технологиям, которые призваны обеспечить качественную передачу информации о состоянии дел своих подзащитных. Это может касаться внедрения и активного использования электронных систем учета взысканий и медицинских данных подзащитных, что может радикально облегчить деятельность адвокатов и увеличить прозрачность работы пенитенциарных учреждений.

Необходимо отметить, что особое внимание требуют вопросы юридического просвещения подзащитных. Это может быть реализовано через образовательные программы и семинары, проводимые адвокатами в исправительных учреждениях. Увеличение правовой грамотности осужденных позволит минимизировать риск нарушений их прав и создаст условия для более успешной ресоциализации.

Адвокаты играют важную роль в обеспечении соблюдения прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей в УИС. Их участие направлено в первую очередь на защиту прав и законных интересов подзащитных. Адвокаты разъясняют подзащитным их права и обязанности, порядок отбывания наказания, возможности обжалования действий администрации УИС. Правозащитники представляют интересы подзащитных в судах по вопросам, связанным с исполнением наказания, условно-досрочным освобождением, пересмотром приговоров и т.д. Адвокаты посещают подзащитных в местах лишения свободы, проверяют условия их содержания, обращение с ними со стороны администрации, оказывают помощь в решении бытовых и медицинских вопросов. Адвокаты помогают подзащитным в оформлении документов, получении льгот и привилегий, предусмотренных законом, содействуют их социальной адаптации после освобождения. Также правозащитники оказывают целый комплекс мер своим подзащитным в социальной адаптации после освобождения.

Также необходимо отметить большое значение адвокатов в уголовно-исполнительной системе. Участие адвокатов в УИС имеет большое значение для обеспечения прав и свобод осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Правозащитники следят за соблюдением установленных норм и правил, пресекают нарушения со стороны администрации УИС. Участие адвокатов способствует разрешению конфликтных ситуаций, снижает напряженность в местах лишения свободы. Также необходимо отметить, что адвокаты осуществляют правовое просвещение среди осужденных, повышая их правовую грамотность и сознательность.

Для эффективной защиты прав подзащитных адвокатам необходимы гарантии независимости и неприкосновенности. Во-первых, такой гарантией

можно назвать запрет на вмешательство в адвокатскую деятельность со стороны органов государственной власти и должностных лиц. Во-вторых, можно отметить неприкосновенность адвокатского кабинета и адвокатской тайны. В-третьих, существует дополнительная гарантия правозащитников на получение информации, необходимой для оказания юридической помощи. И в-четвертых, можно назвать защиту от преследования и угроз в связи с исполнением профессиональных обязанностей. Обеспечение независимости и неприкосновенности адвокатов является важнейшим условием для эффективной защиты прав и законных интересов подзащитных в УИС.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что адвокат в уголовно-исполнительной системе выполняет многогранную и крайне важную функцию, направленную на защиту прав осужденных, обеспечение законности в процессе исполнения наказаний и содействие ресоциализации. Его работа требует высокой квалификации, умения находить подход к различным ситуациям и готовности отстаивать интересы подзащитных в условиях, где права осужденных часто подвергаются риску.

Однако для повышения эффективности работы адвокатов в УИС необходимы комплексные изменения, включающие совершенствование законодательства, усиление контроля за соблюдением прав осужденных и создание условий для профессионального взаимодействия адвокатов с органами прокуратуры и администрацией учреждений.

В условиях современного общества, ориентированного на гуманизацию уголовной политики, роль адвоката в УИС становится не только профессиональной, но и социальной миссией. Защита прав осужденных, содействие их возвращению к нормальной жизни и снижение рецидивного поведения – это задачи, которые адвокаты успешно решают, если имеют необходимые условия для своей работы.

Список источников

1. Архипов С.В. Альтернатива тюремному заключению и одиночное лишение свободы как меры борьбы с рецидивизмом / С.В. Архипов, П.В. Ивлиев // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5 (233). – С. 251–253.

2. Горовой В.В. Документирование фактов нелегальной переписки адвокатов с подзащитными, содержащимися в учреждениях УИС / В.В. Горовой, В.В. Горовой // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 4 (18). – С. 98–102.

3. Ивлиев П.В. К вопросу рецидивизма и сокращения повторных преступлений / П.В. Ивлиев, О.А. Никитина // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1 (229). – С. 14–16.

References

1. Arkhipov S.V., Ivliev P.V. An Alternative to Imprisonment and Sole Imprisonment as Measures to Combat Recidivism. *Agrarian and Land Law*, 2024, no. 5 (233), pp. 25–253. (In Russian).

2. Gorovoy V.V., Gorovoy V.V. Documenting the Facts of Illegal Correspondence between Lawyers and Clients Held in Penal Institutions. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2018, no. 4 (18), pp. 98–102. (In Russian).

3. Ivliev P.V., Nikitina O.A. On the Issue of Recidivism and Reduction of Repeat Crimes. *Agrarian and land law*, 2024, no. 1 (229), pp. 14–16. (In Russian).

Информация об авторах

Ивлиев Павел Валентинович *– кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса;*

Воробьев Сергей Михайлович *– доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права*

Information about the Authors

Ivliev Pavel Valentinovich *– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Civil Law and Procedure;*

Vorobyov Sergey Mikhailovich *– Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, International and European Law*

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 22.09.2025.
The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 16.09.2025; accepted for publication 22.09.2025.

Научная статья
УДК 343.337.5+341.485
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.12

Седнев Владислав Владимирович
Донецко-Луганское (Донбасское) отделение Российской криминологической ассоциации им. А.И. Долговой, Донецк, ДНР, Россия, wsednev63@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-0612-468X, SPIN-код: 2262-7092, AuthorID: 845730

РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ: ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА

Аннотация. В связи с проведением специальной военной операции на Украине актуальным становится расследование преступлений против мира и безопасности человечества, предусмотренных разделом XII Уголовного кодекса Российской Федерации. Геноцид, являясь одним из преступлений данной группы – статья 357, имеет составляющую субъективной стороны – расчеловечивание. Цель: анализ понятия «расчеловечивание» и механизма его формирования, разработка проекта правового определения указанного понятия и отграничение от иных употреблений этого термина. Методы: эмпирические методы сопоставления, отображения, толкования; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: в ходе исследования установлен эволюционный механизм расчеловечивания, приведены примеры расчеловечивания и его последствий, сформулирован проект правового определения, рассмотрены варианты неоправданного расширения содержания понятия «расчеловечивание».

Ключевые слова: геноцид, расчеловечивание, преступления против мира и безопасности человечества, специальная военная операция

Для цитирования: Седнев В.В. Расчеловечивание: элемент субъективной стороны преступления геноцида / В.В. Седнев. – 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.12 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 127–137.

© Седнев В.В., 2025

Original article

Sednev Vladislav Vladimirovich
All-Russian Public Organisation “Russian Criminological Association named after A.I. Dolgova”, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia, wsednev63@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-0612-468X, SPIN-код: 2262-7092, AuthorID: 845730

DEHUMANISATION: AN ELEMENT OF THE MENTAL STATE IN GENOCIDE CRIMES

Abstract. In connection with the Special Military Operation in Ukraine, the crimes investigation against peace and security of mankind, provided for in Section XII of the Criminal Code of the Russian Federation, becomes relevant. Genocide, which is one of the crimes of this group (Article 357), has a subjective component – dehumanisation. The purpose of this article is to analyse the concept “dehumanization” and the mechanism of its formation, to develop a draft legal definition of this concept and to distinguish it from other uses of this term. Methods: empirical methods of comparison, display, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific methods: legal–dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study established the evolutionary mechanism of dehumanisation, provided examples of dehumanisation and its consequences, formulated a draft legal definition, and considered options for unjustified expansion of the content of the concept “dehumanization”.

Keywords*:* genocide, dehumanisation, crimes against peace and security of mankind, Special Military Operation

For citation: Sednev V.V. Dehumanisation: An Element of the Mental State in Genocide Crimes. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 127–137. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.12.

Введение. Острой темой в связи с проведением специальной военной операции на Украине являются перманентно выявляемые факты уничтожения гражданских лиц и групп лиц на основании национальной, языковой, территориальной и иной принадлежности. Преступления подобного рода рассматриваются в отечественном Уголовном кодексе с 1996 г., когда впервые в российском уголовном праве был введён раздел XII о преступлениях против мира и безопасности человечества, в который включена ст. 357 «Геноцид». Состав геноцида раскрывает Конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него», принятая резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1948 г.

При рассмотрении состава преступления геноцида большинство авторов, анализируя субъективную сторону, как правило, указывают прямой умысел и умышленность вины, а среди факультативных признаков – мотив и цель, под которыми понимается истребление группы лиц, выделяемой на основании юридически несущественных признаков (раса, пол, нация/этнос, язык, религия, обычаи, место жительства/рождения и т.п.) [1; 2].

Однако для более полного понимания мотивации субъекта геноцида (вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста) необходимо рассмотрение идеологического и социально-психологического механизма её формирования, в результате которого происходит отказ от признания потерпевших людьми, обладающими всеми правами человека и гражданина. Для этого феномена имеется термин «расчеловечивание».

Расчеловечивание как составной элемент субъективной стороны преступления геноцида. Механизм расчеловечивания продемонстрирован Н.В. Белотеловым, Ю.И. Бродским и Ю.Н. Павловским (2009) на основе экспериментально-теоретических исследований имитационного моделирования сложных систем математическими и гуманитарными средствами, в ходе которого было установлено, что одним из существенных факторов принятия решения об агрессии в отношении государств, а также этносов, иных групп лиц, выделяемых на основании юридически ничтожных признаков, является, имеющая фундаментальное значение и культурологическую основу оценка людьми одного государства (этноса, иных групп лиц) «ценности жизни» людей, составляющих другое государство (этнос, иную группу лиц), которая ««в нулевом приближении» для подавляющей массы «обычных» людей (обывателей) … по сравнению с ценностью жизни своих соплеменников равна нулю» [3, с. 269]. Как указывают авторы, именно культурологическая основа, формируемая тысячелетиями, включающая исторический опыт многообразных форм противостояния (в том числе и военного) чужому и чуждому образу жизни иных человеческих общностей, формирует возможность проведения их уничтожения, в том числе с учётом неизбежных собственных потерь. «Сама возможность для развитого, «цивилизованного» государства вести вооруженную борьбу против некоторого государства с неизбежными потерями его мирного населения основана на нулевой или крайне низкой оценке ценности жизни людей в этом государстве обывателями из государства, осуществляющего силовую акцию. В противном случае вооруженная борьба была бы принципиально невозможна» [3, с. 271]. В определённой мере подтверждением данного вывода являются исследования С.С. Ипполитова (2020), который рассматривал расчеловечивание как результат двух составляющих: социокультурного стресса, вызванного Гражданской войной, связывая его с взаимоотношениями противоборствующих сторон: «Расчеловечивание противников в гражданском противостоянии, демонстративный отказ от идейного и культурного багажа предшествующих поколений» [4, с. 198], а также российской эмиграции первой волны в силу то-

го, что: «Межнациональные, межкультурные, межэтнические и религиозные конфликты ближнего зарубежья, долгие годы находившиеся в «спящем» состоянии благодаря стабилизирующему влиянию Российской Империи, очень быстро разгорелись с новой силой. Российские беженцы ... Этап первичной адаптации русских эмигрантов в принимавших их странах наглядно показал, что эта адаптация происходит скорее вопреки, нежели благодаря политике местных правительств» [4, с. 25].

Проведённое Е.А. Андреевой (2006) исследование нормативных правовых актов Германии периода 1933–1940 гг. (программный манифест НСДАП «25 тезисов», имперские законы, в том числе так называемое «чрезвычайное законодательство», постановления, декреты и пр.) показало их адресную и спланированную направленность на переустройство мира на основе расовой теории и античеловеческой внешней и внутренней политике [5]. Исследование уничтожения евреев нацистской Германией указывает на этапность процесса расчеловечивания, с постепенным нарастанием степени тяжести последствий – от лишения прав и имущества с понуждением к миграции в период с 1933 г. до начала Второй мировой войны, через содержание в гетто, унижения, контрибуции и насилие, вплоть до убийств в период от начала Второй мировой войны до нападения Германии на СССР, после которого последовало их тотальное истребление, что связывается с представлениями «Гитлера о роли евреев в СССР и о связи между большевизмом и еврейством. Гитлер рассматривал советское государство и коммунистическую идеологию как инструмент и средство, которыми евреи пользовались для установления мирового господства» [6, с. 11], т.к. «с первых дней своего прихода к власти, да и в период борьбы за власть, нацисты объявили евреев главной причиной всех зол, постигших человечество. … История, с точки зрения гитлеризма, – это история борьбы рас, законы истории приводят к торжеству высшей расы над низшими, к уничтожению и исчезновению низших рас» [6, с. 4–5].

Факты расчеловечивания зафиксированы уже в названии Указа Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», в преамбуле которого указано: «В освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков городах и селах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо

сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей»[1]. На основании данного Указа был проведен ряд трибуналов, в частности, один из первых – 15–18 декабря 1943 г. – Военный трибунал по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области в период их временной оккупации, который установил: «В период временной оккупации города Харькова и Харьковской области немецко-фашистскими захватчиками расстреляно и повешено, заживо сожжено и удушено посредством окиси углерода свыше 30 000 мирных, ни в чём не повинных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей»[2]. В приговоре Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками приводятся общие положения, отражающие расчеловечивание для целей уничтожения: «Из числа лиц гражданского населения во всех оккупированных странах гитлеровцы брали в большом количестве заложников и расстреливали их по своему усмотрению» [7, с. 373–374] и далее «В августе 1942 года один из подчиненных Розенберга следующим образом суммировал политику в отношении восточных территорий, которая была ранее сформулирована Борманом: «Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами представляются излишними. Рост славянского населения является нежелательным»» [7, с. 384–385]. Далее, в тексте Приговора при рассмотрении индивидуальной ответственности подсудимых эта деятельность была рассмотрена более детально. Также, на основании исторических документов, подтверждающих зверствования нацистов во время Великой Отечественной войны на территории Донбасса, по заявлению прокурора Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), действующего в интересах Российской Федерации и неопределённого круга лиц – родственников и потомков мирных жителей и военнопленных, погибших на территории ДНР, Верховный Суд Донецкой Народной Республики 01.10.2024 г. вынес решение, в котором, в частности, подтверждаются факты «истязаний, пыток и массовых казней мир-

[1] Указ Президиума ВС СССР от 19.04.1943 № 39 [Электронный ресурс] // Викитека. 04.02.2019 : сайт. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D0%BA%D0%B0%D0%B7_%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%83%D0%BC%D0%B0_%D0%92%D0%A1_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D0%BE%D1%82_19.04.1943_%E2%84%96_39 (дата обращения: 23.06.2025).

[2] Приговор Военного Трибунала по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области в период их временной оккупации. 15–18 декабря 1943 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. 18.12.2024 : сайт. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177940#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 23.06.2025).

ных жителей и военнопленных, в том числе путем расстрелов, повешений, сбросов в шурфы угольных шахт»[3], и указывается, что «число убитых и замученных мирных жителей превысило 174 тысячи человек. Пыткам, истязаниям и убийствам подверглось более 149 тысяч военнопленных. На принудительные работы в иные государства вывезено не менее 252 тысячи граждан»[4].

Следует указать, что расчеловечивание имеет давнюю традицию [8], когда естественное неравенство людей актуализировало другие виды неравенств – экономическое, социальное, политическое, правовое, культурное и другие разновидности дискриминирующего неравенства. В результате возникли привилегированные группы людей, представители которых были наделены всей полнотой прав, и группы, члены которых значительно ограничивались в правах, вплоть до полного их лишения. Дискриминируемые группы, не имея даже самых элементарных прав, оказывались вне человеческого общества. Этот процесс означал переход к античеловеческому неравенству. В повседневной жизни люди нередко расчеловечивают своих оппонентов, независимо от причины противостояния, и, соответственно, изображают их несоответствующими человеческим стандартам. Это становится моральным оправданием для дискриминации, количественное и качественное нарастание уровня которой приводит к античеловеческой идеологии и практике. Переход от частного к общему осуществляется путём объявления определённой расы, национальности, народа или этноса мерилом подлинной человеческой природы и породы в её максимально приближенном к идеалу воплощении и рассмотрения всех остальных как несоответствующих ему. Это проявляется оправданием любых действий, включая насильственные по отношению к «недочеловекам». «Национализм, как и нацизм и расизм, – это идея исключительности, превосходства одних людей над другими, требующая от своих адептов относиться к другим народам и другим культурам как к неполноценным» [9, с. 145].

Также необходимо отметить, что в последнее время происходит расширение понимания понятия «расчеловечивание». Предпринимаются попытки увеличения содержания термина «расчеловечивание» за счёт включения элементов, не в полной мере соответствующих этому понятию. Так, на основе анализа архивных документов о коллективизации и голоде 1931–1933 гг. в СССР, американским и российским демографом С. Максудовым (2019) проведён анализ влияния её результатов «на социальную жизнь и этические представления крестьян» [10, с. 399], которые он именует «расчеловечивание» и характеризует его последствия как пассивность, покорность, боязливость, негативизм к законам и власти, деградация естественных этических свойств. Аналогичные из-

[3] Суд признал преступления нацистов на территории ДНР геноцидом [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ 01.10.2024 : сайт. URL: https://ria.ru/20241001/dnr-1975683658.html (дата обращения: 23.06.2025).

[4] Там же.

менения описывал П. Сорокин (1918–1921) как результат влияния голода на психическую жизнь человека [11], что ставит под сомнение влияние фактора «коллективизация» в концепции С. Максудова. А.Г. Запрудин и М.Н. Щербинин (2013), анализируя компьютерные спецэффекты в кинематографе, акцентируют внимание на процессах очеловечивания компьютерных и мультипликационных персонажей, в противовес деперсонификации героев в классической кинодраматургии, также подразумевая под этим расчеловечивание [12]. Т. Олафсен (2021), основываясь на факторах промышленной революции, связанных с ней снижением значимости сословных условностей, ростом средней обеспеченности населения, обесцениванием феномена интимных связей через появление института «содержанок» и нарастающей между ними конкуренции, то есть использования секса для материальной выгоды, сформулировал концепцию расчеловечивания женщин: «Всё было превращено в товар и продано грубым и требовательным потребителям. Это стало завершающим этапом расчеловечивания женщин – не оставив в себе ни личности, ни ценных знаний, ни чести, ни созидательных устремлений, они полностью превратили свои организмы в бездушные холодные инструменты, обслуживающие чужие прихоти» [13, с. 523]. А. Яшин (2021) обозначает термином «расчеловечивание» утрату субъектом личности (без дальнейшего уточнения) в силу трансформации его в элемент глобализации и телекоммуникационных сетей, движимой разделением человечества на «золотой миллиард» и остальное население мира и сопутствующих теорий скрытого влияния [14]. Полагаем, что подобная практика приводит к девальвации понятия «расчеловечивание» и что для вышеописанных явлений необходимо и возможно использование менее однозначных терминов.

Заключение. Развитие идеологами, прежде всего германскими, в XX веке мировоззрения фашизма, в ходе которого был сформулирован человеконенавистнический и геноцидный смысл расовой теории, привело к развитию и становлению концепции и практики расчеловечивания и формулированию теории и идеологии национал-социализма (нацизма). Таким образом, фашизм является родовым понятием по отношению к нацизму (выступающему как видовое понятие), объединяющим различные территориальные его воплощения (Италия, Франция, Испания, Германия, Австрия и др.), где, несмотря на ряд отличий, иногда и существенных, сохранялось главное идеологическое единство – античеловеческая идеология, основанная на искажении концепции Ч. Дарвина о естественном отборе, с подменой понятия от выживания наиболее приспособленного, то есть наиболее способного изменяться и, соответственно, способного передать свою наследственную (генетическую) информацию следующему поколению на понятие выживания сильнейшего в ходе конкурентной борьбы. Благодаря этому теория биологических явлений стала использоваться как моральный регулятор в человеческом сообществе, то есть произошла подмена социальных закономерностей биологическими, что привело к формуле о выживании сильнейшего в социальных и политических изменениях и, соответ-

ственно, способного передать потомкам накопленные ресурсы (социальный дарвинизм). В этой связи возникла градация всех наций по степени их полноценности, приоритета конфликтных взаимодействий [15; 16]. Этим объяснялось неравенство и дисбаланс в уровне жизни и потребления как индивидов (групп индивидов), так и экономических систем и форм. Это неравенство, представляемое как базовый закон природы, эксплуатируется пропагандой фашизма для утверждения безальтернативности подчинения одних другим [17] и нацизма для обоснования идеологии и практики геноцида [18].

Представляется целесообразным формирование правового определения понятия «расчеловечивание», и предлагается проект: это отрицание принадлежности индивида (групп индивидов), выделяемых на основе юридически несущественных признаков, к человеческому роду, лишение этих объектов прав человека, закреплённых международным законодательством, с переходом к деятельности по уничтожению «нелюдей», от призывов к таковой до геноцида. Принятие и нормативное закрепление данной дефиниции будет способствовать оптимизации квалификации преступления геноцида.

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации постатейный : научное издание / под. ред. Г.А. Есакова. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2023. – 892 с.

2. Щербаков А.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий к новейшей действующей редакции / А.Д. Щербаков. – Москва : Эксмо, 2023. – 432с.

3. Белотелов Н.В. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов / Н.В. Белотелов, Ю.И. Бродский, Ю.Н. Павловский ; предисл. Г.Г. Малинецкого. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 317 с.

4. Ипполитов С.С. Российская гуманитарная деятельность в годы Гражданской войны и в эмиграции как средство сохранения национально-культурной идентичности в условиях гуманитарной катастрофы : 1917–1930-е гг. : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / С.С. Ипполитов. – Москва, 2020. – 448 с.

5. Андреева Е.А. Гитлеровская политика экспансии и геноцида : 1933–1940 : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Е.А. Андреева. – Москва, 2006. – 20 с.

6. Черная книга / Институт памяти нацизма и героев сопротивления «Яд Вашем», Израильский институт исследования современного общества ; под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. – Иерусалим : Тарбут, 1980. – XXVII, 547 с.

7. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками : сборник материалов в 7 т. : Т. 7. Заключительные речи главных обвинителей. Последние слова подсудимых. Приговор / сост. Г.Н. Александров, А.Ф. Волчков, Д.С. Карев, М.Ю. Рагинский. – Москва : Госюриздат, 1961. – 760 с.

8. Щипков А.В. Незавершённый нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления : монография / А.В. Щипков. – Москва : РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. – 134 с.

9. Дибиров А.З. Война идентичностей / А.З. Дибиров, Е.В. Белоусов // Вестник института социологии. – 2014. – № 4 (11). – С. 127–147.

10. Максудов С. (Бабёнышев А.П.) Победа над деревней. Демографические потери коллективизации : монография / С. Максудов (А.П. Бабёнышев). – Москва ; Челябинск : Социум, 2019. – 601 с.

11. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / П.А. Сорокин ; вступ. ст., сост., ком., подг. к печ. В.В. Сапова и В.С. Сычевой. – Москва : Academia & LVS, 2003. – XII, 684 с.

12. Запрудин А.Г. Расчеловечивание персонажей кино. Смена позиции фигуры актера в современной индустрии развлечений / А.Г. Запрудин, М.Н. Щербинин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 38 (329). – С. 71–74.

13. Олафсен Т. Научный материализм / Т. Олафсен. – Издательские решения, 2021. – 678 с.

14. Яшин А. Глобальное расчеловечивание и литература. Колонка главного редактора / А. Яшин // Приокские зори. – 2020. – № 3 (60). – С. 3–20.

15. Валов М.А. Социально-философские основания современного социального дарвинизма : автореф. дис. … канд. философ. наук : 09.00.11 / М.А. Валов. – Санкт-Петербург, 2003. – 22 с.

16. Мухатаев П.Н. Интерпретация понятия «социал-дарвинизм» в западной и отечественной историографии конца XIX – начала XXI века / П.Н. Мухатаев // Самарский научный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 126 – 133.

17. Бурдерон Р. Фашизм: идеология и практика / Р. Бурдерон ; пер. с франц. Е. Феерштейн ; вст. ст. Э. Генри. – Москва : Прогресс, 1983. – 170 с.

18. Советова М.В. О содержании понятия «реабилитация нацизма»: фактический, социально-правовой и уголовно-правовой аспекты / М.В. Советова // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 164–171.

References

1. Essakova G.A. (ed.). Article-by-Article Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow, Prospect Publ., 2023. 896 p. (In Russian).

2. Shcherbakov A.D. Criminal Code of the Russian Federation. Commentary on the Latest Edition. Moscow, Eksmo, 2023. 432 p. (In Russian).

3. Belotelov N.V., Brodsky Yu.I., Pavlovsky Yu.N. Complexity. Mathematical Modeling. Humanitarian Analysis: Study of Historical, Military, Socio–Economic and Political Processes. Moscow, LIBROKOM, 2009. 317 p. (In Russian).

4. Ippolitov S.S. Russian Humanitarian Activities during the Civil War and Emigration as the means of Preserving National and Cultural Identity in the Context of a Humanitarian Catastrophe: 1917–1930s. *Doc. Diss*. Moscow, 2020. 464 p. (In Russian).

5. Andreeva E.A. Hitler's Policy of Expansion and Genocide (1933–1940). *Cand. Diss*. *Thesis.* Moscow, 2006. 20 p. (In Russian).

6. Grossman V., Ehrenburg I. The Black Book. "Yad Vashem" Institute for the Remembrance of Nazism and the Heroes of the Resistance, Israel Institute for the Study of Contemporary Society. Jerusalem, Tarbut, 1980. – XXVII, 547 p. (In Russian).

7. Aleksandrov G.N., Volchkov A.F., Karev D.S., Raginsky M.Yu. The Nuremberg Trial of the Major War Criminals: Collection of Materials in 7 Volumes: Volume 7. Closing Speeches of the Chief Prosecutors. The Last Words of the Defendants. The Verdict. Moscow, Gosyurizdat, 1961. 760 p. (In Russian).

8. Shchipkov A. V. Unfinished Nazism. Genesis, Transformations, and Related Phenomena: Monograph. Moscow: ROU of St. John the Theologian, 2024. 134 p. (In Russian).

9. Diborov A. Z., Beloussov E. V. The War of Identities. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2014, no. 4 (11), pp.127–147. (In Russian).

10. Maksudov S. (Babenyshev A.) Victory over the Village. Demographic Losses of Collectivisation. Moscow, Chelyabinsk, Socium, 2019. 601 p. (In Russian).

11. Sorokin P.A. Hunger as a Factor. The Impact of Hunger on People's Behaviour, Social Organisation, and Public Life. Moscow, Academia & LVS, 2003. XII, 684 p. (In Russian).

12. Zaprudin A.G., Shcherbinin M.N. Dehumanisation of Movie Characters. Change of the Position of the Actor in Modern Entertainment Industry. *Bulletin of Chelyabinsk State University,* 2013, no. 38 (329), pp.71–74. (In Russian).

13. Olafsen T. Scientific Materialism. Publishing Solutions, 2021. 678 p. (In Russian).

14. Yashin A. The Global Dehumanisation and the Literature. Editor-in-chief's column. *Priokskie Zori*, 2020, no. 3(60), pp. 3–20. (In Russian).

15. Valov M.A. Social and Philosophical Foundations of Modern Social Darwinism. *Cand. Diss*. *Thesis*. St. Petersburg, 2003. 22 p. (In Russian).

16. Mukhataev P.N. Interpretation of the Concept of "Social Darwinism" in Western and Domestic Historiography of the Late XIX – Early XXI centuries. *Samara Journal of Science,* 2016, no. 4 (17), pp. 126–133. (In Russian).

17. Bourderon R. Fascism: Ideology and Practice. Moscow, Progress, 1983. 165 p. (In Russian).

18. Sovetova M.V. On the Content of the Concept of "Rehabilitation of Nazism": Actual, Socio-Legal and Criminal Legal Aspects. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*", 2023, no. 1 (65), pp. 164–171. (In Russian).

Информация об авторе

Седнев Владислав Владимирович *– доктор медицинских наук, профессор, председатель Донецко-Луганского (Донбасского) отделения Российской криминологической ассоциации им. А.И. Долговой*

Information about the Author

Sednev Vladislav Vladimirovich – *Doctor of Medicine, Professor, Chairman of the Donetsk-Lugansk (Donbas) Interregional Branch of the Russian Criminological Association named after A.I. Dolgova*

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 12.09.2025.
The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.13

Сережкина Мария Александровна
Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия,
domb2@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ РЕАЛИЗУЕТСЯ ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРОБАЦИЯ

Аннотация. В статье раскрываются ключевые положения, характеризующие структуру и содержание правового статуса несовершеннолетних осуждённых, в отношении которых применяется пенитенциарная пробация. Автор анализирует динамическую природу правового статуса личности, выделяя его конституционный, групповой и индивидуальный уровни, а также подробно рассматривает особенности регулирования положения несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе. Особое внимание уделяется современному законодательному подходу к реализации пенитенциарной пробации, включая проблемы дуалистической модели – разделения мероприятий на обязательные и факультативные, а также влиянию принципа добровольности на автономию воли осуждённых. Подчёркивается важность нормативной формализации процедуры инициирования пробационных мер в отношении несовершеннолетних с акцентом на участие их законных представителей, что обусловлено возрастными и психологическими особенностями данной категории лиц.

Ключевые слова: пенитенциарная пробация, несовершеннолетние осуждённые, правовой статус, добровольность, законные представители, инициирование мер, уголовно-исполнительная система

Для цитирования: Сережкина М.А. Формирование правового статуса несовершеннолетних осужденных, в отношении которых реализуется пенитенциарная пробация / М.А. Сережкина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.13 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 138–145.

© Сережкина М.А., 2025

Original article

Serezhkina Maria Alexandrovna
Kuzbass Institute of the Federal Penal Enforcement Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, domb2@mail.ru

THE LEGAL STATUS FORMATION OF THE JUVENILE OFFENDERS SUBJECT TO THE IMPLEMENTATION OF PENITENTIARY PROBATION

Abstract. The article reveals the key provisions characterising the structure and content of the legal status of juvenile offenders subject to penitentiary probation. The author analyses the dynamic nature of an individual's legal status, highlighting its constitutional, group, and individual levels, and examines in detail the specifics of regulating the situation of minors within the penal system. Special attention is paid to the modern legislative approach to the implementation of penitentiary probation, including the issues of the dualistic model – dividing measures into mandatory and optional categories – and the influence of the principle of voluntariness on the autonomy of the offenders' will. The importance of regulatory formalisation of the procedure for initiating probationary measures concerning minors is emphasised, with a focus on the participation of their legal representatives. This is attributed to the age-related and psychological characteristics of this group.

Keywords: penitentiary probation, juvenile offenders, legal status, voluntariness, legal representatives, initiation of measures, penal (or criminal-executive) system

For citation: Serezhkina M.A. The Legal Status Formation of the Juvenile Offenders Subject to the Implementation of Penitentiary Probation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 138–145. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.13

Введение. Правовой статус личности – это комплексная, динамичная система, включающая субъективные права, юридические обязанности, законные интересы, правосубъектность, гражданство, гарантии, принципы. Его элементы и содержание определяют положение человека в государстве и меняются в зависимости от социально-экономических и политико-правовых условий. В научной юридической литературе представлено множество концептуальных подходов к определению правового статуса личности. Так, А.Л. Шигабутдинова рассматривает правовой статус как сложную систему правовых средств, которая носит динамичный характер и изменяется во времени [1, с. 78]. Н.И. Матузов понимает правовой статус личности как юридически закреплённое положение индивида в обществе, включающее совокупность прав, свобод и обязанностей [2, с. 228]. Е.А. Лукашева связывает правовой статус с уровнем демократии, за-

конности, гарантиями реализации прав и возможностями личности в обществе [3, с. 29]. В.Д. Перевалов определяет правовой статус как совокупность юридически закреплённых прав и обязанностей, отражающих положение индивида в социальной системе [4, с. 259–321]. По мнению С.С. Алексеева, статус выступает базовой категорией, характеризующей уровень защищённости личности и её степень участия в общественной жизни [5, с. 154]. Таким образом, правовой статус – это не просто набор прав и обязанностей, а отражение защищённости, возможностей и степени демократии в обществе, способное изменяться под влиянием различных факторов. Структура правового статуса личности в современной юридической науке рассматривается как многоуровневая и комплексная система. Выделяются следующие его уровни: общий (конституционный) – служит основой для формирования справедливых и устойчивых отношений между личностью и государством, обеспечивая баланс между индивидуальной свободой и общественным благом [6, с. 154]; специальный (групповой) – формируется на основе отраслевого законодательства, регулирующего особенности правового положения конкретных социальных групп [7]; индивидуальный правовой статус – обусловлен личными особенностями и обстоятельствами, которые формируют специфику прав, обязанностей и юридических возможностей конкретного лица (возраст, пол, семейное положение, состояние здоровья, наличие или отсутствие судимости, гражданство и т.д.). Исходя из вышеизложенного, правовой статус несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы и находящихся в условиях пенитенциарной пробации, представляет собой сложную и многогранную юридическую конструкцию. Эта конструкция отражает особенности правового положения данной категории лиц в системе уголовно-исполнительных отношений. Чёткое понимание правового статуса, в особенности момента его формирования необходимо для эффективного применения законодательства, обеспечения защиты прав личности и адаптации правовых механизмов к изменяющейся реальности.

Современное состояние правового статуса несовершеннолетних получателей пенитенциарной пробации и пути совершенствования его формирования. Пенитенциарная пробация в отношении несовершеннолетних представляет собой самостоятельный правовой институт, интегрированный в уголовно-исполнительную систему, основная цель которого заключается в формировании у осуждённых лиц, не достигших совершеннолетия, комплекса социально значимых компетенций, необходимых для их успешной ресоциализации и последующей интеграции в социум. Реализация пенитенциарной пробации осуществляется с момента начала исполнения наказания и непосредственно обусловлена фактом помещения осужденного в учреждения уголовно-исполнительной системы. Часть 1 статьи 13 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» № 10-ФЗ от 06.02.2023 г. устанавливает, что пенитенциарная пробация осуществляется в отношении осуждённых к наказаниям в

виде принудительных работ или лишения свободы в период отбывания наказания[1]. На основании данной правовой нормы пенитенциарная пробация по своей правовой природе реализуется исключительно в рамках исполнения санкций, сопряжённых с изоляцией осуждённых от общества. Системообразующее содержание данного механизма заключается в проведении комплекса специализированных мероприятий – воспитательных, социальных, психологических и иных – в отношении лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, с целью их ресоциализации и подготовки к освобождению.

Правовой статус несовершеннолетнего осуждённого, в отношении которого применяются меры пенитенциарной пробации, обладает трехсоставной структурой. С одной стороны, это субъект, не обладающий полной дееспособностью в виду своего несовершеннолетия. С другой стороны, это субъект – отбывающий наказание в исправительном учреждении, с присущими этому статусу ограничениями. С третьей стороны – применение пробационных мер предполагает предоставление дополнительных прав и возложение специализированных обязанностей, в рамках правоотношений по ресоциализации осужденного.

Наличие правового статуса несовершеннолетнего обусловлено лишь возрастным фактором конкретного лица. Несовершеннолетними в России являются лица, не достигшие восемнадцати лет. Основной специфической чертой правового статуса этой категории лиц является отсутствие у них полной дееспособности. В России к уголовной ответственности могут привлекаться лица, достигшие 14-летнего возраста. Несовершеннолетним, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Для достижения целей наказания нередко требуется применение к осуждённым различных физических, имущественных и моральных ограничений. Вместе с тем складывается парадоксальная ситуация: государство допускает привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности, в том числе с назначением наказания в виде лишения свободы, но при этом не признаёт их полностью дееспособными – то есть способными в полной мере осознавать последствия своих поступков и самостоятельно реализовывать свои права и обязанности [8, с. 34]. Следует отметить, что законодательством предусмотрена возможность защиты прав и законных интересов несовершеннолетних их законными представителями – родителями, усыновителями, опекунами и попечителями. Эти лица наделены правом действовать от имени несовершеннолетних в различных сферах, включая суд, органы государственной власти, образовательные организации и другие учреждения. Особенностью института представительства является то, что представители вправе защищать права и интересы подопечного не только с его согласия, но и вопреки его воле, если это необ-

[1] Поскольку наказание в виде принудительных работ к несовершеннолетним не применяется, далее пенитенциарная пробация рассматривается исключительно в контексте исполнения наказания в виде лишения свободы.

ходимо для обеспечения его благополучия и правовой защиты. При этом основным критерием их действий выступает приоритет интересов несовершеннолетнего, даже если он, в силу возраста, недостаточного жизненного опыта или иных причин, придерживается противоположного мнения. Таким образом, можно констатировать, что любой несовершеннолетний имеет право на участие законного представителя в защите и реализации его прав и законных интересов. Лицо, достигшее совершеннолетия, такое право утрачивает.

Момент формирования правового статуса осужденного четко регламентирован в российском законодательстве. Так, статья 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ гласит: «Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным». Объем прав, обязанностей и законных интересов в этом юридическом состоянии зависит от вида наказания, выполнения требований ПВР со стороны самого несовершеннолетнего осужденного и т.д. В современных уголовно-исполнительных правоотношениях реализация права несовершеннолетнего осуждённого на участие законного представителя в обеспечении и защите его прав и законных интересов выражается в предоставлении последнему процессуальных возможностей обращаться с жалобами и ходатайствами в компетентные органы от имени и в интересах несовершеннолетнего. Кроме того, законные представители могу принимать участие в деятельности родительских комитетов, формируемых при исправительных учреждениях. Участие родительских комитетов, в этом контексте, необходимо для повышения уровня воспитательного воздействия на осужденных и оказание помощи администрации.

Вопрос формирования правового статуса осужденного при реализации пенитенциарной пробации в настоящий момент не однозначен. Анализ главы 4 Федерального закона № 10 «О пробации в Российской Федерации» и Приказа Министерства юстиции РФ № 350 от 29.11.2023 демонстрирует, что законодатель установил дуалистическую модель реализации пенитенциарной пробации. Нормативное регулирование предусматривает разделение пробационных мероприятий на обязательные (универсальные) и факультативные (специальные). Однако такая конструкция не в полной мере соответствует закреплённому в законе № 10 принципу добровольности и требует переосмысления. Согласно пункту 7 статьи 3 Закона № 10, применение любых мер пробации возможно только с согласия осуждённого. Вместе с тем, положения Приказа № 350-2023 предусматривают исключения: воспитательная работа, социальное сопровождение, реализуемые в исправительных учреждениях (воспитательных колониях в том числе), а также подготовка к освобождению относятся к числу обязательных мероприятий, что ограничивает сферу действия принципа добровольности и снижает его универсальность. Введение такой модели порождает правовую неопределённость при определении границ автономии воли осуждённого, особенно несовершеннолетнего. Это создаёт риск произвольного толкования законодательства и противоречит принципам верховенства права и

международным стандартам защиты прав человека. Фактически, в настоящее время все несовершеннолетние, осуждённые к лишению свободы и поступающие в воспитательные колонии, приобретают статус лиц, в отношении которых реализуется пенитенциарная пробация. Возникает потребность чёткого разграничения содержания правового статуса несовершеннолетних осуждённых, отбывающих наказание, и лиц, к которым фактически применяются меры пенитенциарной пробации. Решение данной задачи возможно путем реализации следующих шагов:

1. Нормативное разграничение двух групп мероприятий: с одной стороны, тех, что реализуются в рамках средств исправления и подлежат обязательному применению вне зависимости от воли осуждённого; с другой – мероприятий пробационного характера, которые могут быть инициированы исключительно по обращению самого осуждённого либо его законного представителя.

2. Нормативное закрепление процедуры инициирования мер пенитенциарной пробации. Такая процедура должна основываться на официальном обращении осуждённого либо его законного представителя о предоставлении содействия в ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. Именно волеизъявление несовершеннолетнего или его представителя должно быть отправной точкой начала пробационного сопровождения. Формализация порядка инициирования применения мер пенитенциарной пробации позволит не только устранить элемент принуждения при реализации пробационных мероприятий, но и позволит создать правовые основания для формирования индивидуализированного правового статуса осуждённого, выраженного в изменяемом объёме его прав, обязанностей и законных интересов. Автором целенаправленно сделан акцент на участии законного представителя в процедуре инициирования пенитенциарной пробации в отношении несовершеннолетнего осуждённого. Это обусловлено объективными возрастными и психологическими особенностями детей и подростков, а также специфическими условиями их нахождения в исправительных учреждениях, которые сами по себе создают значительный стресс и повышают уязвимость данной категории лиц. Современные исследования в области психологии подтверждают, что несовершеннолетние обладают ограниченной способностью к самостоятельному долгосрочному планированию своей жизни и адекватному осмыслению последствий принимаемых решений, в том числе связанных с их ресоциализацией[2]. В связи с этим необходимо законодательно закрепить право несовершеннолетних на участие в инициировании мер пенитенциарной пробации, в том числе и через своих законных представителей. Такой подход обеспечит эффективную защиту их интересов и прав, а также повысит результативность пробационного сопровождения.

[2] Цветкова Н.В. Способность к прогнозированию девиантных подростков [Электронный ресурс] // Психологическая газета : сайт. URL: https://psy.su/feed/9682/ (дата обращения: 01.02.2025).

Заключение. Анализ действующего законодательства показывает, что процедура формирования правового статуса несовершеннолетнего лица, в отношении которого реализуется пенитенциарная пробация, требует нормативной ясности. Чёткая и индивидуализированная регламентация статуса с учётом добровольного волеизъявления самого осуждённого или его законного представителя, а также разделения обязательных исправительных мероприятий и факультативных пробационных мер позволят обеспечить правовую определённость и предсказуемость применения права в пенитенциарной системе. Практическая значимость такой модели заключается в исключении элементов принуждения, что способствует более эффективной ресоциализации и защите прав несовершеннолетних осуждённых. В конечном итоге нормативная дифференциация статуса создаёт правовые гарантии недопустимости произвольного вмешательства в права осуждённых, укрепляет доверие к институту пробации и становится важным инструментом устойчивого развития системы ювенальной юстиции, отвечающей стандартам правового государства.

Список источников

1. Шигабутдинова А.Л. Понятие и структура правового статуса личности: системный подход к проблеме / А.Л. Шигабутдинова // Проблемы права. – 2015. – № 2 (50). – С. 75–79.

2. Общая теория права : курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород : Высшая школа МВД, 1993. – 544 с.

3. Общая теория прав человека / И.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин и др. ; рук. авт. коллектива и отв. ред. Е.А. Лукашева. – Москва : Норма, 1996. – 509 с.

4. Перевалов В.Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров / В.Д. Перевалов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2015. – 428 с.

5. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : БЕК, 1995. – 320 с.

6. Алексеев С.Б. Правовое положение несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Б. Алексеев. – Иркутск, 2006. – 174 с.

7. Малюгин С.В. Правовой статус / С.В. Малюгин // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/c/pravovoi-status-8da3d9/?v=7019470 (дата обращения: 01.02.2025).

8. Евстафьева И.В. К вопросу о попечительстве в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы / И.В. Евстафьева // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 1 (37). – С. 33–37.

References

1. Shigabutdinova A.L. Notion and Structure of the Legal Status of the Person: Systematic Approach to the Problem. *Issues of Law,* 2015, no. 2 (50), pp. 75–79. (In Russian).

2. Babaev V.K. General Theory of Law. Nizhny Novgorod, Higher School of the Ministry of Internal Affairs, 1993. 544 p. (In Russian).

3. Lukasheva E.A. (ed.). General Theory of Human Rights. Moscow, Norma, 1996. 509 p. (In Russian).

4. Perevalov V.D. Theory of State and Law. *3rd ed.* Moscow, Norma, 2015. 428 p. (In Russian).

5. Alekseev S.S. Theory of Law. *2nd ed.* Moscow, BEK, 1995. 320 p. (In Russian).

6. Alekseev S.B. Legal Status of Juvenile Convicts Serving Sentences in Penal Colonies. *Cand. Diss.* Irkutsk, 2006. 174 p. (In Russian).

7. Malyugin S.V. Legal Status. *Great Russian Encyclopedia: Scientific-Educational Portal,* 2023, iss. 6. Available at: https://bigenc.ru/c/pravovoi-status-8da3d9/?v=7019470. (In Russian).

8. Evstafieva I.V. The Issue of Minors's Guardianship Sentenced to Imprisonment. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020. no. 1(37). pp. 33–37. (In Russian).

Информация об авторе

Сережкина Мария Александровна *– старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин*

Information about the Author

Serezhkina Maria Alexandrovna *– Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law Disciplines*

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.

Научная статья
УДК 343.271
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.14

Сизова Виктория Николаевна
Академия управления МВД России, Москва, Россия,
svnn@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-0996-4389

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕГО СТРОЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье поднимаются вопросы, связанные с проблемой внутреннего строения и систематизации современного российского уголовного законодательства, его структурными элементами, являющимися взаимообусловленными и взаимодействующими подсистемами внутреннего порядка. Также уделено внимание исследованию проблем системного свойства, связанных с построением уголовного закона и уточнением его внутренней композиции и структурированности, что на сегодняшний день представляет собой насущную научную дискуссию, нуждающуюся в своем скорейшем решении и вызывающую активные дебаты в среде ученых-правоведов и практикующих юристов. На основе осуществленного исследования формулируется вывод о том, что новые уголовно-правовые положения зачастую не согласуются с уже действующими, вступают с ними в противоречие, обладают юридико-техническим несовершенством, негативно отражаясь на их практической реализации. В целях повышения эффективности действующего уголовного закона предлагается дополнить его систему новыми системно-структурными элементами, такими как институты уголовного проступка и уголовной ответственности юридических лиц, что в целом направлено на дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности и наказания.

Ключевые слова: систематизация, уголовный закон, эффективность, современное состояние, структура, структурные элементы, уголовно-правовые нормы, уголовная политика, уголовная ответственность

Для цитирования: Сизова В.Н. Вопросы внутреннего строения и систематизации уголовного законодательства / В.Н. Сизова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.14 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 146–154.

[1] © Сизова В.Н., 2025

Original article

Sizova Victoria Nikolaevna
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, svnn@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-0996-4389

ON THE INTERNAL STRUCTURE AND SYSTEMATISATION OF CRIMINAL LEGISLATION

Abstract. The article raises questions of the internal structure and systematisation of modern Russian criminal legislation, its structural elements, which are interdependent and interacting subsystems of the internal order. The attention is also paid to the study of systemic problems related to the construction of criminal law and the clarification of its internal composition and structuring, which today represents an urgent scientific discussion that demands its resolution and causes active debate among legal scholars and practicing lawyers. Based on the research, the conclusion is formulated that new criminal law provisions are often inconsistent with those already in force; they also conflict with them, and have legal and technical imperfections, negatively affect their practical implementation. In order to increase the effectiveness of the current criminal law, it is proposed to supplement its system with new systemic and structural elements, which are the institutions of criminal misconduct and criminal liability of legal entities, which is generally aimed at differentiating and individualising criminal liability and punishment.

Keywords: systematisation, criminal law, efficiency, current state, structure, structural elements, criminal law norms, criminal policy, criminal liability

For citation: Sizova V.N. On the Internal Structure and Systematisation of Criminal Legislation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 146–154. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.14.

Проблемы внутреннего построения, а также вопросы системного и структурного свойства уголовного закона уже на протяжении длительного времени являются одними из самых обсуждаемых в научной среде. Связано это, прежде всего, с тем, что уголовное законодательство обладает сложной внутренней организацией, включающей значительное количество взаимосвязанных и взаимодействующих уголовно-правовых норм и институтов, которые в свою очередь также выступают подсистемами, являясь составными элементами общей системы уголовного закона.

В действующий Уголовный кодекс Российской Федерации его разработчиками были заложены концептуальные положения, направленные на реализацию обозначенных законодателем задач по защите прав и свобод человека и

гражданина, безопасности личности, неприкосновенности жилища, собственности и т.п. [1, с. 133]. С учетом этих положений была сформирована соответствующая система уголовного закона, включающая в себя две крупные подсистемы – части УК РФ (Общую и Особенную). При этом каждая из них сама представляет собой определенную систему, поскольку состоит из значительного множества взаимодействующих между собой и с окружающей средой уголовно-правовых норм и положений.

Тем самым подчеркивается логическое расположение элементов уголовного закона, позволяющее обращаться в процессе применения той или иной правовой нормы к положениям Общей либо Особенной частей УК РФ. Данное положение содержится в юридических трудах известных ученых-правоведов, в которых, в частности, указывается, что исследование модели уголовного закона приводит к выводу о прочной содержательной конструкции системного свойства, дающей возможность правоприменителю использовать нужный системный элемент в определенной ситуации, требующей принятия процедурных решений. В числе данных элементов находятся специальные, имеющие отношение к совершению каких-либо конкретных преступлений и привлечению к уголовной ответственности за их совершение, и общие, то есть регламентирующие преступность и наказуемость в целом в качестве социально-правовых явлений [2].

В контексте проводимого исследования невозможно обойти вниманием существующие точки зрения ученых на проблемы системного свойства, связанные с построением уголовного закона, например, уточнение о том, что внутренняя композиция и структурированность уголовного закона никогда не утратят своей значимости, невзирая на количество научных работ, посвященных данной проблематике, с чем автор настоящей публикации полностью солидарен [3, с. 82].

Следует отметить сложившуюся на сегодняшний день тенденцию, которую можно проследить в тематике осуществляемых научных исследований, когда авторы в качестве предмета исследования выбирают такие категории, как системно-структурный анализ уголовного закона, вопросы системного содержания в уголовном праве, структуризация уголовного законодательства и т.п. При этом, однако, исследование сущностного значения системных элементов, к которым, без сомнения, относится уголовный закон, осуществляется, как правило, стандартными способами и средствами инструментального порядка без должного учета методов системного изучения. По этом причине, по мнению автора, системное содержание уголовного закона не находит своего концептуального подхода, оставляя это для будущих исследователей.

Вместе с тем сегодня необходимо ставить первоочередные вопросы для рассмотрения, касающиеся и системы уголовного закона в целом, и ее места и роли в социально-правовой системе, выявления эффективных критериев оценки системности как качества уголовного закона, способов оценки ее результативности. Можно с уверенностью констатировать системный кризис в уголов-

ном праве, о чем свидетельствует набирающий скорость темп роста законодательной активности, при котором вновь появляющиеся нормативные правовые акты, к сожалению, зачастую не согласованы с уже действующими, противоречат им, обладают юридико-техническим несовершенством, что негативно отражается на их практической реализации.

С учетом изложенного, можно сформулировать промежуточный вывод о той важности, которой обладают составные элементы исследуемой системы уголовного закона, поскольку каждый из них, взятый в отдельности служит в конечном счете тем самым фундаментом, на котором базируется сама эта система, определяя ее эффективность и задавая темп процессу правоприменения.

На это обстоятельство обращают свое внимание многие ученые-исследователи, указывая, например, что в систему Общей части УК РФ входят такие системные элементы, как принципы уголовного закона, его категориальный аппарат, меры и основания уголовной ответственности и наказания и др. В этой связи, значение Общей части как структурного элемента системы уголовного закона в целом нельзя умалять [4, с. 55].

Другими авторами также подчеркивается значение Общей части УК РФ и уделяется немало внимания ее сущностной характеристике, базирующейся на количестве составляющих ее нормативных правовых положений, выстроенных в определенном порядке по иерархии: конституционные положения, основополагающие источники в виде международных договоров, нормативные правовые акты, имеющие так называемое смежное значение, поскольку могут использоваться в различных отраслях права [5, с. 43].

Содержится в юридических источниках и иная позиция, суть и содержание которой касается системы Особенной части УК РФ, представляемой в качестве упорядоченного определенным образом структурного расположения подсистемных элементов по различным основаниям в разделы и главы с учетом единства в их родовом объекте, а также специфического расположения этих групп относительно друг друга при включении конкретных составов преступных деяний с учетом важности и значимости охраняемых благ и интересов [6, с. 10].

По мнению корифеев науки уголовного права, в предметное содержание Особенной части как науки включены отдельные составы преступных деяний, а также подсистемы, посвященные вопросам регламентации ответственности в случае совершения преступных деяний, что обуславливает несомненную значимость выявления уголовно наказуемых деяний с категоризацией размеров и сроков наказания за их совершение [7, с. 3].

Также указывается на то, что следует разделять такие категории, как система науки и система Особенной части уголовного закона, поскольку категоризация преступных деяний осуществляется на основании такого критерия, как объект преступного посягательства (права и интересы, нарушаемые в результате совершения преступления). Кроме того, имеют значение специфические особенности

виновного лица. Последующее включение составов в группы должно выстраиваться при обязательном учете взятых под охрану ценностей [8, с. 22].

Раскрывая в настоящей публикации проблемы системного свойства уголовного закона, автор считает уместным обратиться к точке зрения на уголовное право как на продукт мыслительной волевой и интеллектуальной деятельности людей. Созданное посредством человеческого труда в целях поддержаниях порядка в обществе и защиты интересов личности, общества и государства, оно (уголовное право) априори системно [9, с. 56].

Раскрывая вопросы системного порядка уголовного закона, нельзя не отметить и его структурное содержание, относительно которого также имеется множество нерешенных проблем. Так, например, отсутствие стабильности и устойчивости уголовного закона свидетельствует о том, что в отдельных случаях законодателем не были учтены специфика и тенденции в сложившихся на определенный момент времени общественных отношениях, в связи с чем, представляется возможным выразить согласие с точкой зрения о том, что фундаментальное свойство вносимых в уголовный закон изменений и дополнений, их масштаб и количество, неизбежно повлияли на его системное содержание [10, с. 126].

Относительно публикаций, посвященных вопросам системы и структуры уголовного закона в целом, имеющихся сегодня в юридической литературе, следует отметить, что большинство авторов указывают на необходимость решения давно назревшей проблемы в рамках реализации концепции уголовной политики – отсутствие должного уровня эффективности уголовно-правовой охраны общественных отношений на современном этапе. Для этого предлагается, прежде всего, унифицировать уголовно-правовые нормы, сведя их к единому знаменателю с выстраиванием действительно иерархичной системы их изложения. То же относится и к системе наказаний, нуждающейся в приведении в системный вид касательно отдельных видов наказаний и в целом [11, с. 58].

Приведенные выше положения и взгляды ученых на систему уголовного закона позволяют сформулировать вывод о том, что именно системность УК РФ вызывает активные научные дискуссии относительно его сущностного содержания. Суть этих дискуссий можно свести к двум главенствующим позициям: целесообразность разработки проекта нового Уголовного кодекса [12, с. 15–16] и необходимость фундаментальной переработки уже действующего УК РФ [13, с. 109].

В этой связи многими специалистами в области исследования уголовно-правовой материи были предложены различные концепции, включающие в себя, в том числе, положения, непосредственно связанные с системой УК РФ.

Так, например, в трудах по уголовному праву содержится работа, авторами которой создана теоретическая модель уголовного закона с конкретизацией относительно его системно-структурного содержания [13, с. 110]. Как новшество указывается на необходимость выделения нового раздела УК РФ, в котором регламентирована ответственность за совершение преступлений в

сфере интеллектуальной собственности и компьютерной информации. Также в орбиту действия уголовного закона предложено включить дополнительные разделы, которые обособились посредством разделения имеющихся с учетом важности и значимости тех отношений и благ, которые были ранее выделены законодателем в качестве надродового объекта и по причине многоаспектной системы объектов, которые ранее относились к родовым. Кроме того, исходя из смыслового содержания предлагаемой концепции, количественные показатели уголовно-правовых норм, составляющих сегодня содержание УК РФ, значительно уменьшатся в силу того, что будет осуществлена масштабная декриминализация преступных деяний [13, с. 112].

С учетом изложенного в рамках рассматриваемого вопроса, автор полагает возможным обратиться к справедливому замечанию о том, что на сегодняшний день существует реальная потребность в приведении системы норм и институтов Особенной части УК РФ в оптимальное состояние, которое позволило бы на практике эффективно применять отдельные ее положения в целях результативной охраны прав и свобод человека и гражданина, безопасности личности и государства и т.п. При этом первоочередному пересмотру приоритетов уголовно-правовой охраны логично подвергнуть те положения, которые непосредственно связаны с регламентацией преступных деяний, занимающих соответствующие места в системе объектов охраны с учетом иерархии и общего порядка расположения институтов Особенной части УК РФ [14, с. 351].

Отмечая ценность и значимость предлагаемых разработчиками новой модели УК РФ изменений и дополнений в рамках его глобальной систематизации, в настоящей публикации автор полагает возможным сформулировать в качестве предложений, отличных от уже имеющихся, базисные изменения в уголовном законе, предусматривающие выделение в его системно-структурной модели дополнительных подсистем, к которым целесообразно отнести уголовную ответственность юридических лиц и уголовный проступок. Справедливости ради следует отметить, что подобные предложения звучали и раньше как со стороны представителей научной среды, так и со стороны практикующих юристов. Но данные предложения содержали в себе детальное описание качественных преобразований УК РФ в случае, если законодателем будет принято положительное решение о дополнении его структуры. Однако правоприменительные аспекты в связи с таким законодательным решением остались за рамками предлагаемых новаций, что свидетельствует о целесообразности подготовки соответствующих законопроектов с детальным изложением нового качественного состояния сущностно-содержательной характеристики российского уголовного законодательства.

Список источников

1. Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / К.О. Копшева. – Саратов, 2004. – 217 с.

2. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1 / Н.С. Таганцев. По изданию 1902 года. Allpravo.ru. 2003. [Электронный ресурс]. – URL: http://allpravo.ru/ (дата обращения: 20.06.2025).

3. Асланян Р.Г. Понятие и содержание нормативного предписания особенной части уголовного права / Р.Г. Асланян // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 82–90.

4. Жук М.С. Доктринальные подходы к определению системы институтов Общей части российского уголовного права / М.С. Жук // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – № 1 (15). – С. 55–57.

5. Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.П. Коняхин. – Краснодар, 2002. – 386 с.

6. Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 773 с.

7. Сергеевский Н.Д. Конспект особенной части русского уголовного права / Н.Д. Сергеевский. – Санкт-Петербург : М. Куклин, 1884. – 95 с.

8. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям Н.Д. Сергеевского : часть особенная / Н.Д. Сергеевский ; под общ. ред. И.В. Лукьяновой, А.И. Чучаева. – Калуга : Полиграф-Информ, 2008. – 194 с.

9. Дуюнов В.К. Системность как необходимая предпосылка эффективности российского уголовного законодательства / В.К. Дуюнов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 2. – С. 56–59.

10. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – Москва, 2001. – 176 с.

11. Грудинин Н.С. Совершенствование норм Уголовного кодекса Российской Федерации как драйвер развития уголовно-правовой политики государства / Н.С. Грудинин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С. 58–61.

12. Качество уголовного закона: проблемы Общей части : монография / отв. ред. А.И. Рарог. – Москва : Проспект, 2021. – 248 с.

13. Лопашенко Н.А. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания / Н.А. Лопашенко, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов, Р.О. Долотов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 109–118.

14. Жук М.С. Вопросы обеспечения системности Особенной части Уголовного кодекса РФ / М.С. Жук // Эффективность права: проблемы теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 10–11 октября 2014 г. – Краснодар : Кубанский гос. Ун-т, 2014. – С. 351–359.

References

1. Kopsheva K.O. Criminal Law of the Russian Federation and Its Foundations (Theoretical Aspect). *Cand. Diss*. Saratov, 2004. 217 p. (In Russian).

2. Tagantsev N.S. Criminal Law (General Part). Part 1. Allpravo.ru. 2003. Available at: http://allpravo.ru/. (In Russian).

3. Aslanyan R.G. The Concept and Content of Regulatory Prescription of the Special Part of Criminal Law. *Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 82–90. (In Russian).

4. Zhuk M.S. Doctrinal Approaches to Defining the System of Institutions of the General Part of Russian Criminal Law. *Bulletin of the Krasnodar University of Russian MIA,* 2012, no.1 (15), pp. 55–57. (In Russian).

5. Konyakhin V.P. Theoretical Foundations of the General Part's Construction of Russian Criminal Law. *Doc. Diss.* Krasnodar, 2002. 348 p. (In Russian).

6. Boytsov A.I. Crimes against Property. St. Petersburg. Publ. House «Legal Center Press», 2002. 773 p. (In Russian).

7. Sergeevsky N.D. Abstract of the Special Part of Russian Criminal Law. St. Petersburg, M. Kuklin, 1884. 95 p. (In Russian).

8. Sergeevsky N.D. Russian Criminal Law: Lecture Guide: Special Part. Kaluga, Polygraph–Inform, 2008. 194 p. (In Russian).

9. Duyunov V.K. Systematicity as a Necessary Prerequisite for the Efficiency of Russian Criminal Legislation. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series Law*, 2007, no. 2, pp. 56–59. (In Russian).

10. Kudryavtsev V.N. General Theory of Crime Qualification. Moscow, 2001. 176 p. (In Russian).

11. Grudinin N.S. Enhancement of the Legislative Norms of the Criminal Code of the Russian Federation as a Driver of the Development of the Criminal Law Policy of the State. *Bulletin of Economic Security*, 2022, no. 3, pp. 58–61. (In Russian).

12. Rarog A.I. (ed.). Quality of Criminal Law: Problems of the General part. Moscow, Prospekt, 2021. 248 p. (In Russian).

13. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Khutov K.M., Dolotov R.O. A Theoretical model of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: a Summary of Its Structure and Content. *Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no.1, pp. 109–118. (In Russian).

14. Zhuk M.S. Issues of Ensuring the Systematicity of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Efficiency of Law: Problems of Theory and Practice. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, October 10-11, 2014.* Krasnodar, Kuban State University, 2014, pp. 351–359. (In Russian).

Информация об авторе

Сизова Виктория Николаевна *– кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовной политики*

Information about the Author

Sizova Victoria Nikolaevna *– Candidate of Sciences (Law), Professor of the Chair of Criminal Policy*

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.
The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.15

Варфоломеев Роман Андреевич
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, roman.v.2016@mail.ru

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Аннотация. Производство проверки показаний на месте – специфическое следственное действие, характеризующееся динамичностью и необходимостью восприятия разной по своей природе информации, а следовательно, требующее тщательной подготовки и приложения немалых усилий еще до начала его производства. Несмотря на то, что принятие решения не требует оформления отдельного процессуального акта, данный аспект следственной деятельности имеет очень важное криминалистическое значение. Рассматриваемая деятельность следователя предполагает детальное сопоставление сведений, содержащихся в показаниях несовершеннолетнего с иными доказательствами, собранными по уголовному делу. Целью настоящей статьи является определение места принятия решения о производстве следственного действия в структуре проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего, а также выявление обстоятельств, оказывающих влияние на принятие решения о его производстве. Результаты: определено, что принятие решения о производстве проверки показаний на месте – это самостоятельный этап следственного действия. Установлено, что на принятие решения о производстве проверки показаний на месте оказывают влияние как субъективные (возраст несовершеннолетнего, уровень развития его речи и памяти), так и объективные (сохранность места события в том виде, в котором оно существовало в момент запечатления несовершеннолетним события; особенности обстановки, в которой воспринималось событие) обстоятельства.

© Варфоломеев Р.А., 2025

Ключевые слова: проверка показаний на месте, несовершеннолетний, принятие решения, криминалистическая тактика, следственное действие, криминалистика

Для цитирования: Варфоломеев Р.А. Принятие решения о производстве проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего / Р.А. Варфоломеев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.15 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 155–163.

Original article

Varfolomeev Roman Andreevich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, roman.v.2016@mail.ru

DECISION FOR A TESTIMONY ON-SITE VERIFICATION WITH THE INVOLVEMENT OF A MINOR

Abstract. The testimony on–site verification is a specific investigative action characterised by dynamism and the need to perceive information of a different nature, and therefore requires careful preparation and considerable effort even before the start. Despite the fact that making a decision does not require a separate procedural act, this aspect of investigative activity has a very important criminalistic significance. The investigator's activity in question involves a detailed comparison of the information contained in the juvenile's testimony with other evidence collected in the criminal case. The purpose of this article is to determine the place of decision on the conducting of investigative action in the structure of testimony on–site verification with the participation of a minor, as well as to identify the circumstances that influence on the decision on its conducting. Results: it is determined that making a decision to verify the testimony on the spot is an independent stage of the investigative action. It has been established that the decision of testimony on–site verification is influenced by both subjective (the age of the minor, the level of development of his speech and memory) and objective (preservation of the place of the event as it existed at the time of capture by the minor event; features of the environment in which the event was perceived) circumstances.

Keywords: testimony on-site verification, minor, decision, forensic tactics, investigative action, forensic science

For citation: Varfolomeev R.A. Decision for a Testimony On-Site Verification with the Involvement of a Minor. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 155–163. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.15.

Введение. Удобство и эффективность производства проверки показаний на месте определяется наличием криминалистически обоснованной структурированной типовой последовательности действий следователя. Это предполагает необходимость отграничения различных этапов производства следственного действия. Принятие решения о производстве проверки показаний на месте нужно рассматривать не только как результат, но и как комплекс мер, направленных на определение тактической целесообразности и допустимости привлечения ранее допрошенного несовершеннолетнего к производству проверки его показаний на месте.

Традиционно в криминалистике структура производства проверки показаний на месте представлена в виде трех этапов: подготовительного, рабочего и заключительного [1, с. 340]. В этой связи возникает вопрос о месте принятия решения о производстве следственного действия в данной системе. А именно, является ли принятие решения составным элементом подготовки или самостоятельным этапом, предшествующим ей. Также заслуживают внимания обстоятельства, в которых осуществляется деятельность, направленная на принятие решения о производстве следственного действия, поскольку они определяют ее содержание.

Принятие решения как отдельный этап производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего. Анализ криминалистической литературы позволяет констатировать отсутствие единого понимания места принятия решения о производстве проверки показаний на месте в общей структуре деятельности по производству рассматриваемого следственного действия. Некоторые авторы считают, что ее осуществление является составным элементом подготовительного этапа [2, с. 119]. Мы не можем согласиться с данной позицией, поскольку подготовка заключается в принятии мер организационного характера, направленных на повышение эффективности следственного действия [3, с. 138]. То есть, она направлена на формирование условий для производства проверки показаний на месте. Учитывая тот факт, что подготовительные мероприятия достаточно трудозатратны, начало их реализации должно связываться с наличием достаточных данных полагать, что:

1) производство проверки показаний на месте способно решить задачи, стоящие перед ней в каждой конкретной следственной ситуации;

2) ранее допрошенный несовершеннолетний в силу особенностей своего развития способен участвовать в следственном действии, сообщать значимую для следствия информацию на месте события;

3) участие в следственном действии не способно навредить психике лица, чьи показания предполагается проверить.

Следовательно, к моменту начала подготовительных мероприятий у следователя должно сформироваться убеждение в допустимости и целесообразности производства проверки показаний на месте.

Ю.В. Францифоров в качестве оснований производства проверки показаний на месте выделяет потребность в установлении новых обстоятельств, значимых для расследования уголовного дела и существование возможности производства проверки показаний на месте [4, с. 157]. На наш взгляд, приведенный ученым перечень оснований требует некоторых уточнений. Так, выделение в качестве основания потребности в установлении новых обстоятельств не способно отразить особенности принятия решения о производстве проверки показаний на месте, поскольку иные следственные действия также преследуют цель получения информации об обстоятельствах произошедшего преступного события. По нашему мнению, основанием для производства проверки показаний на месте, с одной стороны, является наличие достаточных данных, свидетельствующих о наличии в показаниях несовершеннолетнего сведений, подлежащих проверке или уточнению на месте события, с другой стороны, наличие достаточных данных, указывающих на его способность участвовать в производстве данного следственного действия и пояснять отдельные обстоятельства, демонстрировать маршруты, объекты и действия участников события, по поводу которого ранее были даны показания.

Еще большие сомнения вызывает позиция ученых, считающих, что подготовка к производству проверки показаний на месте начинается в процессе допроса [5, с. 129]. Исходя из логики авторов, принятие решения о производстве данного следственного действия также должно осуществляться в ходе допроса. Стоит отметить, что допрос как самостоятельное следственное действие обладает собственными задачами. Более того, учитывая специфику несовершеннолетнего участника уголовного процесса, принимать такое решение в ходе допроса преждевременно. Принимая во внимание возрастные особенности развития несовершеннолетнего, большое внимание заслуживает предварительное изучение его личности с целью определения тактической целесообразности его участия в проверке показаний на месте, что не всегда возможно осуществить в ходе допроса.

Допрос несовершеннолетнего, на наш взгляд, является информационной основой для принятия решения о производстве проверки его показаний на месте. В показаниях могут содержаться исходные данные о месте, связанном с криминальным событием, а также о его отдельных обстоятельствах. Зачастую указанные сведения подлежат сопоставлению с доказательствами, ранее полученными по уголовному делу. Необходимо принимать во внимание, что информация, полученная в ходе допроса, может быть проверена различными процессуальными средствами, а не только с помощью производства проверки показаний на месте. Так, например, при установлении в показаниях нескольких лиц расхождений в описании места или поведения участников события, целесообразно производство очной ставки.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что принятие решения о производстве проверки показаний на месте – это самостоятельный этап следственного действия.

Обстоятельства, оказывающие влияние на принятие решения о производстве проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего. На формирование следственной ситуации, складывающейся к этапу принятия решения о производстве проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего, влияет ряд обстоятельств субъективного и объективного характера.

По верному замечанию И.В. Блиновой-Сычкарь, А.В. Миликовой, следственная ситуация имеет направляющее значение для принятия решения о производстве следственного действия [6, с. 112]. Для повышения эффективности принятия решения о производстве проверки показаний на месте, полученную в ходе допроса информацию прежде всего следует сопоставить с типовыми следственными ситуациями, требующими производства проверки показаний на месте. К их числу мы относим:

1) невозможность допрашиваемым вербально описать координаты места события или отдельные его элементы;

2) сообщение допрашиваемого о ранее неизвестном следствию местонахождении объектов, маршрутов, имеющих значение для расследования уголовного дела;

3) несоответствие показаний допрашиваемого обстановке места события и уже имеющимся в распоряжении следователя доказательствам.

Деятельность, изучаемая криминалистикой, немыслима без исследования свойств ее субъектов [7, с. 157]. В этой связи приобретает значение выявление субъективных особенностей несовершеннолетнего, влияющих на принятие решения о производстве проверки показаний на месте с его участием.

Однако следует различать специфику данной деятельности на этапе подготовки к проверке показаний на месте и на этапе принятия решения о ее производстве. Они отличаются как по объему, так и по содержанию. На этапе принятия решения достаточно установить наличие аномалий, а также возрастных особенностей развития, препятствующих выезду на место события и сообщению там информации об обстоятельствах, в которых оно происходило. Изучение личности на этапе подготовки к следственному действию, в свою очередь, необходимо для выбора тактических приемов и, следовательно, требует большего объема информации о личности.

В первую очередь, с целью изучения личности несовершеннолетнего необходимо ориентироваться на его возраст. По нашему мнению, отталкиваться нужно от минимального возраста, по достижении которого ребенок способен сообщать сведения о произошедшем событии. Данная способность, в свою очередь, зависит от уровня развития памяти и речи. Согласно научным исследованиям, лишь к трем годам словарный запас у ребенка достигает 100 слов [8, с. 459]. При этом образная память формируется у детей к двум годам, дости-

гая наивысшего развития к юношескому возрасту [9, с. 22]. Исходя из этого и учитывая сложную познавательную природу рассматриваемого следственного действия, полагаем, что в большинстве случаев производство проверки показаний на месте с участием детей в возрасте до трех лет является нецелесообразным. Отметим, что минимальный возраст обозначен нами с определенной степенью условности в качестве ориентира. Очевидно, что развитие ребенка – это индивидуальный процесс, который зависит от множества факторов, в частности, от физиологических особенностей, условий жизни и воспитания.

Изучение личности на этапе принятия решения о производстве проверки показаний на месте в первую очередь осуществляется посредством межличностного взаимодействия с несовершеннолетним, диагностирования его поведенческих реакций. Также путем изучения уже имеющихся в распоряжении следователя характеризующих материалов. Например, показаний свидетелей из числа близкого окружения, характеристик с места учебы, места жительства.

В вопросе об определении целесообразности производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего немаловажное значение имеет мнение сведущих лиц, которое может содержаться в результатах психолого-психиатрической экспертизы. Особенно это касается малолетних потерпевших или свидетелей. Так, например, в результате анализа эмпирического материала нами были выявлены заключения, содержащие категоричные суждения о том, что в силу несформированности функций долговременной памяти ребенок не может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания.

Учитывая специфику производства проверки показаний на месте, большое значение имеет получение согласия у ранее допрошенного несовершеннолетнего на его участие в следственном действии. Зачастую, это требует дополнительных усилий от следователя, направленных на мотивацию несовершеннолетнего к продуктивной работе в ходе проверки показаний на месте, путем разъяснения значимости его участия в уголовном процессе.

На принятие решения о производстве проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего также оказывают влияние и объективные факторы. Одним из них является фактическое существование на момент принятия решения о производстве проверки показаний места, где происходили интересующие органы предварительного расследования события. Например, препятствием к производству данного следственного действия является уничтожение здания, в котором было совершено преступление. Существенные изменения в обстановке места события также могут повлечь невозможность ориентирования в ней несовершеннолетнего, а следовательно, и невозможность восстановления объективной картины произошедшего события посредством проверки показаний на месте. К примеру, в случае осуществления перепланировки в помещении. Кроме того, на результативность производства проверки показаний

на месте оказывают объективные обстоятельства восприятия несовершеннолетним произошедшего события. Так, значительная удаленность свидетеля от воспринимаемого лица, совершившего преступление, учитывая явление сверхконстантности [10, с. 275], сводит к минимуму результативность выяснения деталей объектов и механизма преступных действий. Учитывая указанные обстоятельства, следователю рекомендуется предварительно выехать на место события для ознакомления с его обстановкой.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о том, что принятие решения о производстве проверки показаний на месте – это самостоятельный этап следственного действия, следующий после допроса, но предшествующий подготовительному. Содержательную сторону данного этапа можно охарактеризовать как систему последовательных действий, имеющих своей целью решение вопроса об эффективности и допустимости производства проверки показаний на месте в сложившейся ситуации.

На принятие решения о производстве проверки показаний на месте оказывают влияние как субъективные (возраст несовершеннолетнего, уровень развития его речи и памяти), так и объективные (сохранность места события в том виде, в котором оно существовало в момент запечатления несовершеннолетним события; особенности обстановки, в которой воспринималось событие) обстоятельства. Отметим, что в силу многообразия следственных ситуаций, складывающихся в практике расследования уголовных дел и индивидуальности каждого несовершеннолетнего, в рамках настоящей статьи нами обращено внимание лишь на обстоятельства, наиболее ярко демонстрирующие влияние на принятие решения о производстве проверки показаний на месте.

Список источников

1. Криминалистика : учебник / под ред. д.ю.н., профессора В.Д. Зеленского и д.ю.н., профессора Г.М. Меретукова. – Санкт-Петербург, Издательство «Юридический центр», 2015. – 704 с.

2. Белоусов В.И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.И. Белоусов. – Краснодар, 2003. – 223 с.

3. Бурыка Д.А. Правовые и тактические особенности производства отдельных следственных действий : монография / Д.А. Бурыка, Е.В. Егорова, М.В. Меркулова. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 350 с.

4. Францифоров Ю.В. Решения о производстве следственных действий / Ю.В. Францифоров // Публичное и частное право. – 2013. – № 4 (20). – С. 156–162.

5. Андреев А.А. Проблемы теории и практики проверки и уточнения показаний на месте : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Андреев. – Барнаул, 2004. – 214 с.

6. Блинова-Сычкарь И.В. Некоторые вопросы, связанные с принятием следователями решений о производстве следственных действий / И.В. Блинова-Сычкарь, А.В. Миликова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: юриспруденция. – 2010. – № 2 (13). – С. 112–117.

7. Зайнуллин Р.И. Перспективы развития частных криминалистических учений о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства / Р.И. Зайнуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3 (73). – С. 156–159.

8. Буслаева М.Е. Основные этапы развития лексико-семантической стороны речи у детей в норме / М.Е. Буслаева // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского : материалы докладов психолого-педагогических секций региональной университетской научно-практической конференции. Сер. «Психолого-педагогические науки», Калуга, 01 февраля – 31 марта 2018 года 2018. – Калуга : ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского». – С. 453–460.

9. Зефиров Т.Л. Физиологические основы памяти. Развитие памяти у детей и подростков : учебно-метод. пособие / Т.Л. Зефиров, Н.И. Зиятдинова, А.М. Купцова. – Казань : КФУ, 2015. – 40 с.

10. Зайнуллин Р.И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Р.И. Зайнуллин. – Уфа, 2022. – 480 с.

References

1. Zelensky V.D., Meretukov G.M. (eds.). Forensic Science: Textbook. St. Petersburg, Publ. House “Legal Center”, 2015. 704 p. (In Russian).

2. Belousov V.I. The Testimony On–Site Verification during the Preliminary Investigation. *Cand. Diss.* Krasnodar, 2003. 223 p. (In Russian).

3. Buryka D.A., Egorova E.V., Merkulova M.V. Legal and Tactic Features of the Individual Investigative Actions’ Production: Monograph. Moscow, Yurlitinform, 2015. 350 p. (In Russian).

4. Frantsiforov Yu.V. Decisions on Investigative Making. *Public and Private Law*, 2013, no. 4 (20). pp. 156–162. (In Russian).

5. Andreev A. A. Problems of the Testimony On-Site Verification: Theory and Practice. *Cand. Diss*. Barnaul, 2004. 214 p. (In Russian).

6. Blinova–Sychkar I. V., Milikova A. V. On issues of Decision Making in Investigative Activities. *Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence*, 2010, no. 2 (13), pp. 112–117. (In Russian).

7. Zainullin R.I. Prospects for Developing Private Criminalistic Doctrines on the Personality of a Minor Participant in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3 (73), pp. 156–159. (In Russian).

8. Buslaeva M.E. The Main Stages of the Lexical-Semantic Aspect Development of Children' Speech in Norm. *Scientific Works of the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky. Materials of the Psychological and Pedagogical Sections Reports, the Regional University Scientific and Practical Conference. Series. "Psychological and Pedagogical Sciences", Kaluga, February 1 - March 31, 2018.* Kaluga, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, 2018, pp. 453–460. (In Russian).

9. Zefirov T.L., Ziyatdinova N.I., Kuptsova A.M. Physiological Foundations of Memory. Development of Memory in Children and Adolescents. Kazan: KFU, 2015. 40 p. (In Russian).

10. Zainullin, R.I. Forensic Doctrine on Personality of Minor Victims and Witnesses. *Doc. Diss*. Ufa, 2022. 480 p. (In Russian).

Информация об авторе

Варфоломеев Роман Андреевич *– старший преподаватель кафедры криминалистики Института права*

Information about the Author

Varfolomeev Roman Andreevich *– Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 29.08.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 15.09.2025.
The article was submitted 29.08.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 15.09.2025

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.16

Вяткин Андрей Николаевич
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
van-88888@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3347-89031

МОДЕЛИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СТАДИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ЗАГРЯЗНЕНИИ ПРИРОДЫ

Аннотация. В статье автор обозначает актуальность проблемы сохранения окружающей природной среды Российской Федерации, которая усугубляется низкой эффективностью противодействия ее загрязнению, высоким уровнем латентности экологических преступлений. Продолжает начатую ранее в серии своих публикаций дискуссию относительно поиска путей совершенствования криминалистического обеспечения расследования фактов преступного загрязнения природы. Целью статьи является выявление концептуальных факторов моделирования судебной стадии на этапе предварительного расследования загрязнения природы, а также формирование рекомендаций по его осуществлению. Методы: теоретические методы формальной и диалектической логики; эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: автор в схематичном виде формулирует основанные на анализе следственной и судебной практики предложения по использованию моделирования судебной стадии уголовного судопроизводства с учетом особенностей криминалистической характеристики преступлений, связанных с загрязнением окружающей природной среды.

Ключевые слова*:* загрязнение природы, расследование, криминалистическое обеспечение, криминалистическая методика, прогнозирование, моделирование, планирование

Для цитирования: Вяткин А.Н. Моделирование судебной стадии по уголовному делу о загрязнении природы / А.Н. Вяткин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.16 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 164–171.

© Вяткин А.Н., 2025

Original article

Vyatkin Andrey Nikolaevich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
van-88888@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3347-89031

THE TRIAL STAGE MODELLING ON A CRIMINAL CASE OF ENVIRONMENTAL POLLUTION

Abstract. The author points out the relevance of the problem connected with the preserving the natural environment of the Russian Federation, which is aggravated by the low efficiency of countering its pollution, the high level of latency of environmental crimes. The author continues the discussion that he began earlier in the series of his publications on how to improve the forensic support for the investigation of nature pollution crimes. The purpose of the article is to identify conceptual factors of modelling the trail stage of the preliminary investigation on the environmental pollution, as well as to formulate recommendations for its implementation. Methods: theoretical methods of formal and dialectical logic; empirical methods of comparison, description, interpretation; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: based on an analysis of investigative and judicial practice, in a schematic form, the author formulates proposals how to use the trial stage modelling on a criminal case, taking into account the peculiarities of the forensic characteristics of criminal cases related to environmental pollution.

Keywords: pollution, investigation, forensic support, forensic methodology, forecasting, modelling, planning, tactics

For citation: Vyatkin A. N. The Trial Stage Modelling on a Criminal Case of Environmental Pollution. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 164–171. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.16.

Введение. Актуальность проблемы противодействия загрязнению окружающей природной среды не вызывает сомнений у кого-либо из современных исследователей в этой сфере [1, с. 87; 2, с. 112], подтверждается открытыми данными, публикуемыми специализированными органами[1], находит отраже-

[1] О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году : государственный доклад [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии РФ : сайт. URL: https://www.mnr.gov.ru/ (дата обращения: 22.06.2025).

ние в программных документах, регламентирующих государственную стратегию Российской Федерации в сфере экологии[2].

На этом фоне возникают некоторые сомнения в достоверности статистики о количестве уголовно-наказуемых фактов загрязнения природы, фиксируемых на территории России. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее МВД РФ), общее число преступлений в сфере экологии составляет порядка 20 000 ежегодно; в их структуре основную массу составляют незаконные рубки лесных насаждений, на долю загрязнения же базовых компонентов природы – почвы, вод и атмосферы приходится менее 10 000[3]. Количество приговоров судов по данной категории уголовных дел за 2024 год составило менее 400[4].

В свою очередь, низкий уровень выявления и пресечения уголовно-правовыми средствами фактов загрязнения природы обусловлен следующими основными факторами: низкий уровень правосознания населения, несовершенство правового регулирования, высокая степень коррупциогенности сферы экологического контроля [3, с. 163].

Перечисленные обстоятельства в их совокупности диктуют необходимость дальнейшего поиска инструментов повышения эффективности противодействия преступлениям в рассматриваемой сфере. Полагаем, что к их числу следует отнести совершенствование криминалистического обеспечения расследования фактов преступного загрязнения окружающей природной среды, в частности, осуществление на этапе предварительного расследования моделирования судебной стадии уголовного судопроизводства.

Некоторые концептуальные факторы моделирования судебной стадии на этапе предварительного расследования загрязнения природы. Традиционно применяемое в криминалистике моделирование состоит в «создании материальной или мысленной модели, которой присуще необходимое для исследования сходство с оригиналом, находящимся в уголовно-процессуальной сфере, и в последующем исследовании указанной модели в качестве средства получения необходимой для раскрытия и расследования преступлений криминалистически значимой информации» [4, с. 122]. Моделированию как методу познания при расследовании посвящены труды И.М. Лузгина [5, с. 94], Д.Н. Лозовского [6, с. 115], Б.П. Смагоринского [7, с. 111], Л.Г. Шапиро [8, с. 226] и других.

---

[2] О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201704200016.pdf (дата обращения: 22.06.2025).

[3] Официальный сайт МВД РФ: статистика и аналитика [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost (дата обращения: 22.06.2025).

[4] Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 22.06.2025).

В последние годы отмечается возрастание как практического, так и научного интереса и к моделированию на этапе расследования предстоящего судебного процесса. Во многом это связано с реформированием уголовного судопроизводства, обусловленного введением принципа состязательности, институтов присяжных заседателей. Наряду с публичным характером судебной стадии названные факторы предъявляют особые требования к качеству производства расследования (в широком смысле), прогнозированию осложнения ситуации в ходе судебного следствия, заблаговременному планированию тактики государственного обвинения.

Очевидно, что моделирование по каждой категории уголовных дел имеет свои особенности. Основой для прогнозирования развития судебно-следственной ситуации может служить складывающаяся по ним судебная практика. Вероятность комплексного и последовательного противодействия стороны защиты предварительному расследованию и рассмотрению дела в суде с учетом особенностей криминалистической характеристики загрязнения природы является крайне высокой [9, с. 75]. Так, рассмотренные судами дела о загрязнении природы промышленными предприятиями, где подсудимыми были их руководители, во всех случаях характеризовались активной позицией защиты, стремящейся развивать успех при каждом поводе, представляемом стороной обвинения: последовательно обжаловать действия и решения органа расследования, заключения специалистов и экспертиз, опираясь на такие факторы криминалистической характеристики преступного загрязнения природы, как несовершенство правового регулирования и инертность, номинальность и формализм участия в деле представителя потерпевшего (сотрудника органа экологического контроля), сформировавшие обстановку рассматриваемого вида преступлений на современном этапе.

При получении доказательств обвинения (показаний свидетелей, формально признательных показаний обвиняемого, подтверждающих основную версию следствия, заключений экспертиз) следует во всех случаях прогнозировать ухудшение следственной ситуации, изменения показаний, опровержения заключения экспертизы и т.д., своевременно принимая исчерпывающие меры к закреплению доказательств. Например, применение видеосъемки изъятия и упаковывания проб загрязненного компонента природы сводит к нулю шансы успешности оспаривания защитой полученных таким образом доказательств. Особо следует отметить наличие оснований прогнозировать ухудшение ситуации в результате допущения на стадии предварительного расследования организационно-тактических просчетов при использовании специальных знаний, в частности, в ходе взаимодействия со специалистом на этапе назначения экспертизы, например, судебной строительно-технической для определения соответствия очистных сооружений установленным нормативными правовыми актами требованиям [10, с. 177].

Изучение ряда реабилитирующих решений по уголовным делам о преступном загрязнении природы, принятым по итогам предварительного расследования либо судебного рассмотрения показало, что основной среди причин такого явления стала неполнота расследования в условиях отсутствия эффективной частной криминалистической методики. В свою очередь, это привело к множеству ошибок, не позволило своевременно спрогнозировать неизбежное ухудшение даже благоприятной следственной ситуации (например, в условиях признания преступником вины, что не препятствовало ему изменить свою позицию в дальнейшем). Ухудшение ситуации происходило на этапе принятия итогового решения следователем, когда объективная возможность выполнения дополнительных поисковых мероприятий была уже утрачена. В ряде случаев противодействие стороне обвинения активизировалось на этапе судебного следствия, сопровождаясь заявлением стороной защиты ряда ходатайств о признании доказательств недопустимыми, возражением против рассмотрения дела в особом порядке (обусловленным прежде формальным признанием вины). Очевидно, что в обозначенных случаях орган расследования пренебрег возможностью прогнозирования, не применял моделирование в целях выявления и своевременного, оперативного устранения тактических ошибок и просчетов.

Некоторые рекомендации по моделированию судебной стадии по уголовным делам о загрязнении природы. Проведенный анализ практики и обобщение допущенных органом расследования просчетов позволило выработать следующие рекомендации. Моделирование предстоящего судебного процесса может осуществляться посредством:

– обязательного проведения очных ставок обвиняемого со свидетелями, которые позволяют прогнозировать поведение свидетелей обвинения в условиях предстоящего публичного, перекрестного допроса в рамках судебного следствия в условиях состязательности уголовного процесса. Проведение очной ставки позволяет осуществить психологическую подготовку свидетеля к этому, прогнозировать возможные изменения его показаний и своевременно принять соответствующие тактические меры;

– допроса подозреваемого (обвиняемого) на месте загрязнения природы, проверки его показаний на месте, которые также характеризуются публичностью в условиях присутствия на допросе ряда иных участников судопроизводства (понятых, специалистов и т.д.). Следователю представляется возможность визуального наблюдения за поведением допрашиваемого, степенью уверенности его ориентирования в обстановке, что способствует формированию его убеждения в виновности допрашиваемого, позволяет прогнозировать его поведение во время предстоящего публичного допроса на судебной стадии;

– инициирования проведения на последующей стадии расследования оперативного совещания с прокурором, осуществляющим надзор за соблюдением законности при производстве расследования и оперативно-розыскной

деятельностью; сотрудниками органа, осуществляющего оперативное сопровождение; представителями аппарата прокуратуры субъекта РФ, осуществляющими зональный контроль за осуществлением законности на стадии расследования и при поддержании государственного обвинения в целях моделирования предстоящего судебного следствия. В рамках такого совещания целесообразно:

– изложить доказательства обвинения и защиты в порядке, установленном для судебного следствия;

– совместно спрогнозировать возможные вопросы его участников;

– обсудить наличие или возможность возникновения оснований для признания каких-либо из доказательств недопустимыми;

– совместно оценить их достоверность, относимость и достаточность для принятия решения по делу;

– обсудить спорные вопросы квалификации, способные осложнить на предстоящем судебном процессе выполнение задач, стоящих перед государственным обвинителем;

– рассмотреть тактические приемы государственного обвинения, применимые в рамках предстоящего процесса по конкретному делу, последовательность представления доказательств обвинения и его оперативное сопровождение.

Заключение. В условиях, осложненных негативными факторами обстановки преступления рассматриваемого вида, с высокой степенью вероятности способных осложнить как ситуацию расследования на всех его этапах, так и ситуацию судебного следствия по ним, прогнозирование ее развития насущно необходимо. Проецирование принципа состязательности на достигнутые результаты расследования, их использование при моделировании предстоящего этапа рассмотрения уголовного дела о загрязнении природы судом позволяет своевременно выявить и устранить недостатки расследования, обеспечить эффективное выполнение задач уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Принципы построения новой экосистемы: социальные, экономические и юридические аспекты : монография / С.В. Каипбекова, А.А. Никифорова, З.В. Юсифова и др. – Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2025. – 172 с. – ISBN 978-5-907965-26-3. – DOI 10.31483/a-10704.

2. Мухаметгареева Н.М. Глобальное изменение климата: международно-правовой аспект решения проблемы / Н.М. Мухаметгареева, З.А. Юсупова // Евразия – 2024: правовая и социально-экономическая интеграция в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта : материалы Международной научно-практической конференции, 13–14 сентября 2024 г. – Уфа : НИИППГ, 2024. – С. 111–116.

3. Вяткин А.Н. Некоторые вопросы криминалистической характеристики загрязнения вод / А.Н. Вяткин. – DOI 10.33184/pravgos-2024.4.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 163–170.

4. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / Т.С. Волчецкая ; под ред. Н.П. Яблокова. – Москва ; Калининград : ГИПП «Янтарный сказ», 1997. – 248 с.

5. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений / И.М. Лузгин. – Москва : Юрид. лит., 1981. – 152 с.

6. Лозовский Д.Н. Использование метода криминалистического моделирования в процессе расследования преступлений / Д.Н. Лозовский // Бизнес в законе. – 2010. – № 1. – С. 115–118.

7. Ковалев С.А. Использование криминалистического компьютерного моделирования при планировании расследования преступлений / С.А. Ковалев, Б.П. Смагоринский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4 (26). – С. 111–123.

8. Шапиро Л.Г. Основные направления развития криминалистической методики в условиях цифровизациии глобализации преступности / Л.Г. Шапиро. – DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-224-229 // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 6 (143). – С. 224–229.

9. Вяткин А.Н. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере экологии: междисциплинарный подход / А.Н. Вяткин // Международный вестник криминалистики. – 2023. – № 4 (88). – С. 75–84.

10. Аминев Ф.Г. Сравнительный анализ основных положений несудебной и судебной экспертизы проектной документации строительных объектов / Ф.Г. Аминев, С.А. Замятин. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.22 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (76). – С. 173–182.

References

1. Kaipbekova S. V., Nikiforova A. A., Yusifova Z. V. et al. Principles of Building a New Ecosystem: Social, Economic and Legal Aspects: Monograph. Cheboksary, Wednesday Publ., 2025. 172 p. DOI 10.31483/a-10704. (In Russian).

2. Mukhametgareeva N.M., Yusupova Z.A. Global Climate Change: The International Legal Dimension of Addressing the Problem. *Eurasia – 2024: Legal and Socio-Economic Integration in the Era of Digitalization and Artificial Intelligence. Materials of the International Scientific and Practical Conference, September 13–14, 2024.* Ufa, 2024, pp. 111–116. (In Russian).

3. Vyatkin A. N. Some Issues of Criminalistic Characteristics of Water Pollution. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 4 (78), pp. 163–170. DOI 10.33184/pravgos-2024.4.18. (In Russian).

4. Volchetskaya T.S. Forensic Situalogy: Monograph. Moscow, Kaliningrad, GPPP “Yantarny Glaz”, 1997. 248 p. (In Russian).

5. Luzgin I.M. Modelling in Crimes’ Investigation. Moscow, Jurid. Lit., 1981 152 p. (In Russian).

6. Lozovsky D.N. Use of a Method of Criminalistic Modelling during Investigation of Crimes. *Business in Law*, 2010, no. 1, pp. 115–118. (In Russian).

7. Kovalev S.A., Smagorinsky B.P. The Use of Criminalistic Computer Modelling while Planning the Crime Investigation. *Legal Science and Law Enforcement Practice,* 2013. No. 4 (26), pp. 111–123. (In Russian).

8. Shapiro L.G. The Main Directions of Criminalistics Methodology Development in the Conditions of Digitalization and Globalization of Crime. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2021, no. 6 (143), pp. 224–229. DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-224-229. (In Russian).

9. Vyatkin A.N. Current Issues in the Investigation of Crimes in the Field of Ecology: Interdisciplinary Approach. *Bulletin of Criminalistics*, 2023, no. 4 (88), pp. 75–84. (In Russian).

10. Aminev F.G., Zamyatin S.A. Comparative Analysis of the Main Provisions of Non-Judicial and Judicial Examination of Construction Facilities Design Documentation. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 173–182. DOI 10.33184/pravgos-2024.2.22. (In Russian).

Информация об авторе

Вяткин Андрей Николаевич *– старший преподаватель кафедры криминалистики Института права*

Information about the Author

Vyatkin Andrey Nikolaevich *– Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 19.09.2025.
The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 19.09.2025.

Научная статья
УДК 343.14
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.17

Жандров Владимир Юрьевич
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
vaisvladimir74@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ОПЕРАТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ

***Аннотация*.** Смещение преступной активности в информационно-телекоммуникационную среду предопределило необходимость адаптации оперативно-разыскной деятельности к новым условиям, в которых техническая грамотность, аналитические способности и умение работать с цифровыми следами становятся важнейшими компетенциями сотрудников ОВД. Складывающиеся условия цифровой трансформации требуют пересмотра как доктринальных, так и прикладных основ оперативно-разыскной деятельности и, прежде всего, работы с представляющей оперативный интерес цифровой информацией. Цель: сформировать систему аргументов признания цифровой оперативной информации самостоятельным объектом правового регулирования и заслуживающей установления специального режима ее документирования. Методы: сравнительно-правовой, доктринального толкования норм оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства, изучения судебных решений по уголовным делам, синтеза, формальной и диалектической логики. Результаты: исследование позволило проанализировать международно-правовые требования к обработке цифровых следов преступной деятельности, оценить законодательный опыт западноевропейских государств по обеспечению допустимости цифровых доказательств, выявить противоречия российской судебной практики по признанию процессуально значимой полученной оперативным путем цифровой информации. Делается вывод, что российское оперативно-разыскное законодательство нуждается в формализации цифровой оперативной информации как особого рода сведений, извлекаемых оперативными подразделениями из информационно-телекоммуникационной среды, подвергнутых первичной верификации и способных трансформироваться в процессуально допустимые доказательства. Это снизит риски нарушения законности и позволит сформировать общий подход в правоприменительной практике по документированию цифровых следов преступлений.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативная информация, допустимость доказательств, киберпреступность, цифровизация

© Жандров В.Ю., 2025

Для цитирования: Жандров В.Ю. Цифровая оперативная информация: нормативное регулирование и правовой режим использования в уголовном преследовании / В.Ю. Жандров // – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.17 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 172–186.

Original article

Zhandrov Vladimir Yuryevich
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation, vaisvladimir74@gmail.com

DIGITAL INTELLIGENCE: REGULATORY FRAMEWORK AND LEGAL REGIME FOR USE IN CRIMINAL PROSECUTION

Abstract. The shift of criminal activity to the information and telecommunications environment has predetermined the need to adapt operational investigative activities to new conditions, in which technical literacy, analytical skills and the ability to work with digital traces are becoming the most important competencies of the District Department of Internal Affairs staff. The conditions of digital transformation require a revision of both the doctrinal and applied foundations of operational investigative activities and, above all, work with digital information of operational interest. Purpose: to form a system of arguments for recognising digital operational information as an independent object of legal regulation and deserving the establishment of a special regime for its documentation. Methods: comparative legal, doctrinal interpretation of the norms of operational investigative and criminal procedural legislation, study the court decisions in criminal cases, synthesis, formal and dialectical logic. Results: the study allowed us to analyse international legal requirements for processing digital traces of criminal activity, evaluate the legislative experience of Western European states in ensuring the admissibility of digital evidence and identify contradictions in Russian judicial practice in recognising digital information obtained operationally as procedurally significant. It is concluded that Russian operational–search legislation needs to formalise digital operational information as a special kind of data extracted by operational units from the information and telecommunications environment, subject to primary verification and capable of being transformed into procedurally admissible evidence. This will reduce the risks of violating the law and will allow us to formulate a common approach in law enforcement practice for documenting digital traces of crimes.

Keywords: operational-search activity, operational information, evidence admissibility, cybercrime, digitalisation

For citation: Zhandrov V.Yu. Digital Intelligence: Regulatory Framework and Legal Regime for Use in Criminal Prosecution. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 172–186. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.17.

Современное общество становится все более информационным, о чем свидетельствуют процессы всеобщей цифровизации, радикально изменившей не только формы коммуникации, но и характер преступной активности. Интернет перестал быть лишь пространством для поиска и передачи информации – он превратился в сложную операционную инфраструктуру, активно используемую для совершения, координации и сокрытия преступлений. По данным МВД России, в январе-декабре 2024 года количество зарегистрированных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ) увеличилось на 12,9 %[1].

Правоохранительная деятельность в условиях цифровизации сталкивается с системным вызовом, обусловленным технологическим изменением природы оперативной и доказательственной информации. Расширение цифрового пространства, появление новых форм криминальных коммуникаций и цифровых следов радикально трансформируют как содержание, так и методы функционирования уголовной юстиции.

Информационно-телекоммуникационная среда (далее – ИТКС) формирует не просто новые формы преступности, но и новую операционную плоскость оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), требующую интеллектуального, правового и технического переосмысления. Разворачивающаяся здесь криминальная деятельность характеризуется высокой латентностью, технической сложностью и трансграничным характером, что делает традиционные методы ОРД по сбору информации недостаточно эффективными [1, с. 22; 2, с. 57].

В условиях цифровизации оперативная информация все чаще приобретает электронную форму и поступает из нетрадиционных источников – Telegram-ботов, даркнета, криптовалютных сервисов, публичных утечек из всевозможных баз данных. В этой связи повышается значение работы с активными (оставляемыми сознательно) и пассивными (автоматически фиксируемыми системами) цифровыми следами – метаданными, логами, IP-адресами, хеш-суммами, сведениями о транзакциях и сессионными идентификаторами. На практике эти сведения, обладая высокой оперативной значимостью, зачастую оказываются

[1] Сведения представлены в рамках расширенного заседания коллегии МВД России 5 марта 2025 года [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/73770 (дата обращения: 13.08.2025).

вне правового режима использования. Их нельзя отнести к доказательствам в процессуальном смысле, поскольку они не оформляются надлежащим образом, но также и не могут быть признаны традиционной оперативной информацией ввиду специфики способов их получения и фиксации. Возникает правовая коллизия: оперативно значимая информация существует, подтверждает преступную активность, но не получает доказательственной силы. Существование данной проблемы подтверждается как в теоретических исследованиях [3, с. 80], так и данными МВД России, согласно которым в 2024 году средняя раскрываемость преступлений, совершенных с применением ИКТ, составила лишь 22,5 %, а по отдельным составам не превысила и 2,2 %.

Одной из причин сложившейся ситуации является устаревший правовой механизм, регулирующий оперативно-разыскную деятельность. Нормы, детализирующие порядок получения, закрепления, хранения и легализации электронной информации отсутствуют. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – Закон «Об ОРД») не регулирует правовой режим оперативно значимой цифровой информации, не предусматривает формы получения, фиксации и верификации сведений из сети Интернет и других открытых электронных источников. Аналогичным образом УПК РФ не определяет понятие, процедуру фиксации и оценки цифровых следов, обнаруженных до возбуждения уголовного дела, что приводит к правовой неопределенности на стыке оперативных и следственных мероприятий. В условиях правового вакуума оперативные сотрудники вынуждены действовать по своему усмотрению, применяя различное программное/аппаратное обеспечение, предназначенное для обработки, хранения и передачи информации, а также обеспечения функционирования информационных систем (OSINT, парсинг, мониторинг даркнета, блокчейн-трекеры и др.) без четкой правовой процедуры и процессуального статуса полученных данных. При этом международная правовая практика давно движется в направлении адаптации к цифровой среде.

Развитие цифровых технологий и глобализация преступной деятельности обусловили необходимость международной гармонизации подходов к обработке цифровых следов преступной деятельности. В условиях, когда значительная часть электронных данных, имеющих значение для уголовного преследования, генерируется за пределами национальной юрисдикции, возникает задача формирования согласованных стандартов их получения, верификации и процессуального использования. При этом особое значение приобретают модели обращения с цифровыми сведениями, находящимися на стыке оперативно-разыскной и процессуальной деятельности, не имеющими формального статуса доказательств, но служащими их источником.

В международной правовой практике четко различаются три категории информации с разной степенью значимости для уголовного преследования: (1) непроверенная информация (англ. «knowledge in rawform») – используется для оценки рисков и формирования общего контекста ситуации, (2) разведыва-

тельная информация (англ. intelligence) – оцененная, соотнесенная с другими данными и проверенная в контексте источника и соответствия действительности, служит инициированию расследования и принятия предварительных мер и (3) процессуально значимая информация (англ. evidence)[2] – обретенная в форму доказательств и применяемая в суде при соблюдении строгих правовых и технических требований.

Согласно рекомендациям Управления ООН по наркотикам и преступности (далее – UNODC), сведения, полученные до возбуждения уголовного дела, могут быть допустимы в суде лишь после их надлежащей трансформации. Такая трансформация включает участие сертифицированного специалиста, верификацию источника информации, подтверждение ее целостности и неизменности, включая использование методов хеширования и журналирования всех действий[3]. Это необходимо для соблюдения принципов допустимости цифровых доказательств и исключения манипуляций или потери достоверности данных при их переходе из одной категории в другую.

Подход UNODC строится на признании цифрового следа как динамически изменяющегося феномена, требующего гибкой, но при этом проверяемой модели обращения. Так, в его Рекомендациях по запросу электронных доказательств за 2014 год подчеркивалась необходимость обеспечения целостности, аутентичности и верифицируемости цифровых данных для их включения в уголовно-процессуальное обращение[4]. В Практическом руководстве по запросу электронных доказательств за рубежом (2022)[5]сделан акцент на разграничении оперативной и доказательственной информации и необходимости создания процедурного фильтра между ними. В частности, цифровая информация, полученная из даркнета или мессенджеров, может служить основанием для возбуждения уголовного дела, однако включается в доказательственную базу лишь после прохождения процедурной трансформации, которая основывается на судебном санкционировании и участии квалифицированного специалиста. Такая

---

[2] Criminal Intelligence Manual for Analysts. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Vienna: UNODC, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/Law-Enforcement/Criminal_Intelligence_for_Analysts.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

[3] United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Guidelines for the Investigation and Prosecution of Cybercrime. Vienna: UNODC, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/UNODC_Cybercrime_Guidelines_2022.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

[4] United Nations Office on Drugs and Crime. Practical Tips for Requesting Electronic Evidence. Vienna: UNODC, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/legal-tools/Tip_electronic_evidence_final_Eng_logo.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

[5] United Nations Office on Drugs and Crime. Approaches to Electronic Evidence: Practical Guide for Requesting Electronic Evidence Across Borders. Vienna: UNODC, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/GPTOC/GPTOC2/_ebook.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

модель направлена на обеспечение допустимости и достоверности цифровых доказательств, минимизацию рисков нарушения процессуальных норм и сохранение баланса между оперативностью и законностью.

В свою очередь, Совет Европы, начиная с Будапештской конвенции о киберпреступности (2001), выступает за признание цифровых следов как объектов особого правового режима[6]. Конвенция и ее Второй дополнительный протокол (2022) закрепляют основные принципы срочной фиксации (англ. preservation), изъятия, трансграничного доступа и защиты цифровой информации. Кроме того, в рамках Cloud Evidence Group (2016) были сформулированы базовые стандарты обращения с цифровыми следами, включая соблюдение процедуры получения доказательств, непрерывную цепочку хранения (англ. chain of custody**)**, прозрачность процессов и обязательный судебный контроль[7]. Указанные документы создают правовую основу для унификации подходов к допустимости цифровых доказательств и обеспечению их надежности в международном сотрудничестве по борьбе с киберпреступностью.

Одним из наиболее институционализированных примеров разграничения разведывательных данных и доказательственной информации служит североамериканская правовая модель. В США применяется механизм «исключения доказательств» (exclusionary rule), согласно которой информация, полученная с нарушением порядка ее сбора, признается недопустимой. Согласно Stored Communications Act (1986)[8]и CLOUD Act (2018)[9] любой доступ к цифровой информации требует получения ордера, санкционированного судом. Эта позиция подтверждена решениями Верховного суда США по делам Carpenter v. United States (2018)[10] и Riley v. California (2014)[11]. Прецеденты определили, что

---

[6] Council of Europe. Convention on Cybercrime (Budapest, 23.XI.2001) [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185 (дата обращения: 30.05.2025).

[7] Council of Europe. Cloud Evidence Group Report. Strasbourg, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://rm.coe.int/cloud-evidence-group-report/16806f9334 (дата обращения: 30.05.2025); Council of Europe. Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, concerning the criminalisation of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems (CETS № 189), 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/189 (дата обращения: 30.05.2025).

[8] Stored Communications Act (SCA, codified at 18 U.S.C. Chapter 121 §§2701–2713) [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-121 (дата обращения: 11.08.2025).

[9] Clarifying Lawful Overseas Use of Data (CLOUD) Act, 2018.PublicLaw 115–141. –USA, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4943 (дата обращения: 30.05.2025).

[10] Carpenter v. United States, 585 U.S. (2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/16-402_h315.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

[11] Riley v. California, 573 U.S. 373 (2014) [Электронный ресурс]. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/13-132_8l9c.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

сбор геолокационных и иных метаданных без ордера нарушает Четвертую поправку к Конституции США[12]. Таким образом, только информация, полученная с соблюдением процедурной формы, признается допустимой в суде.

В странах Европейского союза допустимость цифровых доказательств основывается на принципах обеспечения подлинности и непрерывности хранения данных, обязательного получения судебной санкции и привлечения независимого эксперта к процессу сбора цифровых следов, что соответствует правовым стандартам, закрепленным Советом Европы[13]. Например, в Германии вопросы сбора и допустимости цифровых следов определяются положениями Уголовно-процессуального кодекса (StPO), в частности, §§100a–g[14], которые определяют порядок получения телекоммуникационной и электронной информации в рамках уголовного процесса.

В Великобритании допустимость и достоверность цифровых доказательств регулируются техническими стандартами, изложенными в руководстве ACPO[15] и государственной Стратегии по цифровой криминалистике[16].

Кроме того, в западноевропейских странах действуют форензик-протоколы, предусматривающие обязательное соблюдение стандартных процедур: создание точных цифровых копий, использование сертифицированных инструментов анализа, логирование всех действий и ведение подробных технических отчетов (англ. forensic reports)[17].

Особое внимание уделяется защите оригинала цифрового объекта и воспроизводимости всех этапов анализа, что соответствует международным требованиям и рекомендациям, изложенным в стандарте ISO/IEC 27037:2012[18].

---

[12] United States Constitution. Fourth Amendment [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives.gov/founding-docs/amendments-11-27 (дата обращения: 30.05.2025).

[13] Council of Europe. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data [Электронный ресурс]. URL: https://rm.coe.int/16806fddc6 (дата обращения: 30.05.2025).

[14] Strafprozessordnung (StPO) §§100a–g [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/__100a.html (дата обращения: 30.05.2025).

[15] Association of Chief Police Officers (ACPO). Good Practice Guide for Digital Evidence [Электронный ресурс]. URL: https://www.7safe.com/assets/content/guidance/ACPO_Good_Practice_Guide_for_Digital_Evidence_v5.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

[16] UK Government. Digital Forensics Strategy. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/digital-forensics-strategy (дата обращения: 30.05.2025).

[17] Association of Chief Police Officers (ACPO). Good Practice Guide for Digital Evidence. Version 5.0. London, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.7safe.com/assets/content/guidance/ACPO_Good_Practice_Guide_for_Digital_Evidence_v5.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

[18] International Organization for Standardization (ISO). ISO/IEC 27037:2012. Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence [Электронный ресурс]. URL: https://www.iso.org/standard/44381.html (дата обращения: 30.05.2025).

Данный документ представляет собой свод руководящих принципов по идентификации, сбору, получению и сохранению цифровых доказательств. Он устанавливает единые требования к обращению с цифровыми объектами в целях обеспечения их аутентичности, целостности, воспроизводимости и допустимости в судебных и административных процедурах. В соответствии с рассматриваемым стандартом особое внимание следует уделять принципу минимального вмешательства в оригинал цифрового объекта, ведению непрерывной и достоверной цепочки хранения, использованию сертифицированных средств анализа, а также разграничению ролей участников процесса: от лица, первым получившего доступ к цифровому носителю, до эксперта, производящего анализ.

Документ дает конкретные рекомендации по подготовке, обучению и проверке квалификации специалистов, вовлеченных в обработку цифровых доказательств. В нем подчеркивается необходимость документирования всех действий, включая фиксацию времени, места, методов и инструментов, примененных на каждом этапе. Стандарт также вводит понятие «обоснованной целостности» (англ. reasonable integrity), предполагающее возможность независимого воспроизведения всех процедур третьей стороной.

В целях обеспечения объективности и проверяемости ISO/IEC 27037:2012 требует составления технических отчетов, которые могут быть представлены в суде в качестве доказательств правильности проведенных действий. Документ ориентирован не только на правоохранительные органы, но и на организации, занимающиеся инцидент-реакцией и корпоративными расследованиями. Указанные положения делают стандарт универсальной основой для построения национальных форензик-протоколов. В комплексе с ним применяется стандарт ISO/IEC 27050[19], касающийся электронного представления и анализа цифровой информации в правовом контексте. Оба документа закрепляют обязательность идентификации источника, подтвержденной цепочки хранения, технической неизменности объекта и участия квалифицированных специалистов при его обработке. Эти стандарты признаются во многих странах как ориентир для выработки регламентов, обеспечивающих надлежащую процедуру обращения с цифровыми доказательствами.

Значение международного опыта для российской правовой системы заключается не столько в возможности прямого заимствования, сколько в выработке модели, адаптированной к национальным реалиям. В условиях, когда УПК РФ и Закон об ОРД не содержат понятия цифрового следа и не определяют процедуру его легализации, зарубежные практики предоставляют ценные ориентиры: институционализация статуса цифровой информации, пошаговая трансформация ее в доказательственную, судебный контроль, соблюдение процедурной преемственности, техническая достоверность и защита прав субъектов.

---

[19] International Organization for Standardization (ISO). ISO/IEC 27050. Information technology. Security techniques. Electronic discovery [Электронный ресурс]. URL: https://www.iso.org/standard/44382.html (дата обращения: 30.05.2025).

Отправной точкой разработки отечественной модели обращения с цифровой информацией должно стать ее признание в качестве самостоятельного объекта нормативного регулирования и разработки, соответственно, правового режима ее использования. Это должно стать стратегической задачей для российской системы, где цифровая оперативная информация пока используется преимущественно в обход нормативных процедур и без должной гарантии достоверности.

Современные условия цифровизации преступной среды требуют переосмысления существующего понятийного аппарата ОРД. Классические подходы, выработанные в рамках аналогового оборота информации, теряют применимость в отношении сетевых, анонимных и распределенных цифровых форм преступности. На этом фоне все чаще встает вопрос о необходимости выделения нормативного оформления «цифровой оперативной информации» (далее – ЦОИ) как особого рода сведений, извлекаемых оперативными подразделениями из информационно-телекоммуникационной среды до возбуждения уголовного дела. Она должна быть закреплена в Законе об ОРД как самостоятельный вид информации, получаемой в цифровой среде, зафиксированной техническими средствами, подвергнутой первичной верификации и способной в последующем трансформироваться в процессуально допустимое доказательство. В противном случае, без законодательного признания такого переходного статуса оперативная практика обречена на правовую недееспособность, а следственная – на доказательственные риски.

В отсутствии правового режима ЦОИ российская правоприменительная практика сталкивается с противоречием: с одной стороны, цифровая информация необходима для эффективного расследования, с другой – она не вписывается в рамки существующего правового инструментария. Это подрывает как эффективность следствия, так и устойчивость судебных решений, основанных на такой информации.

Проблема надлежащей фиксации цифровых следов особенно актуальная для этапа доследственной проверки. Сведения, полученные в ИТКС, активно используются следственными органами как источник инициативной информации о криминальном событии – на основании ст.ст. 140–145 УПК РФ они могут служить основанием для возбуждения уголовного дела при оформлении их в рапорте, заключении специалиста либо приобщении к сообщению о преступлении. Это особенно характерно для оперативных подразделений полиции, в чьи функциональные задачи, в первую очередь, входит именно выявление преступлений. Тем не менее, отсутствие процессуальной формы и стандартов оценки достоверности цифровой информации создает риск признания ее недопустимой в качестве доказательства.

Российская судебная практика демонстрирует противоречивость в подходах к допустимости цифровых следов. Одни суды признают допустимым исследование локально доступной информации на изъятых устройствах (скриншотов переписок, данных мониторинга сайтов, лог-файлов) без отдельного разрешения, но при наличии протокола осмотра, заключения специалиста и

хеш-сумм[20]. В то же время, отдельные региональные суды занимают более жесткую позицию, исключая доказательства, полученные без санкции суда, если речь идет о сетевых или операторских данных[21]. Следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации[22], как и Верховный Суд Российской Феде-

[20] Об отказе в жалобе адвоката Решетина М. В. на приговор Увельского районного суда Челябинской области на нарушение положения ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ и ч. 6, 7 ст. 186 УПК РФ : апелляционное определение Челябинского областного суда от 30 мая 2016 г. № 10-2537/2016 // Доступ из электронной базы судебных актов, решений и нормативных документов SudAct.ru [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 18.08.2025); Об отказе в удовлетворении ходатайства следователя по особо важным делам о разрешении производства осмотра мобильных телефонов, изъятых в ходе производства обыска в жилище : апелляционное постановление Приморского краевого суда от 2 февраля 2015 г. № 22-455/15 [Электронный ресурс]. URL: http://docs.pravo.ru/document/view/68631850/ (дата обращения: 18.08.2025); Новиков А.В. Использование переписки в мессенджерах в качестве доказательств: анализ судебной практики // Адвокатская газета. – 2022. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolzovanie-perepiski-v-messendzherakh-v-kachestve-dokazatelstv-analiz-sudebnoy-praktiki/ (дата обращения: 18.08.2025).

[21] Об отмене постановления в части отказа удовлетворить жалобу на осмотр SMS-сообщений без судебного решения : кассационное определение Омского областного суда от 24 мая 2012 г. № 22-2225/12 // Доступ из электронной базы судебных актов, решений и нормативных документов SudAct.ru [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения 18.08.2025); О признании недопустимыми протоколов осмотра телефонов, составленных следователем без судебного разрешения : приговор Курганского городского суда Курганской области от 25 июня 2014 г. по делу № 1-230/2014 [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: https://kurgansky--krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34637754&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 18.08.2025); О признании недопустимыми доказательств, получение детализации телефонных соединений через «личный кабинет» без судебного решения : приговор Каргапольского районного суда Курганской области от 31 октября 2017 г. по делу № 1-51/2017 // Доступ из электронной базы судебных актов, решений и нормативных документов SudAct.ru [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 18.08.2025).

[22] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева А. Ю. на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части второй статьи 29, частями первой и второй статьи 75, частями первой, четвертой и пятой статьи 165 и частью третьей статьи 183 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 1773-О // Доступ с сайта юридической информационной системы «Легалакт» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062023-n-1773-o/ (дата обращения: 17.08.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дьячковой Ольги Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 6 и 14 части первой и частью четвертой статьи 6, пунктом 3 статьи 7, частью второй статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», частью второй статьи 7, пунктом 4 части второй статьи 38, статьями 125, 140 и 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 454-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О // Доступ с сайта юридической информационной системы «Легалакт» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/kodeks/UPK-RF/chast-2/razdel-viii/glava-24/statja-176/#101325 (дата обращения: 17.08.2025).

рации[23] допускают возможность осмотра и исследования переписки, хранящейся локально на изъятом устройстве, без отдельного судебного разрешения, при условии соблюдения процессуальной формы и гарантий сохранности. Такое расхождение подтверждает правовую уязвимость цифровых сведений, получаемых на досудебных стадиях, и отсутствие единообразных стандартов их допустимости.

Отсутствие единообразия в судебной практике по этому вопросу лишь подтверждает правовую уязвимость цифровых сведений, полученных в досудебный период.

Особую проблему составляет риск ретроактивной легализации цифровых следов, когда информация о цифровых следах, полученная вне процессуальных процедур (например, в ходе оперативных мероприятий), впоследствии подменяется следственными действиями – повторной выемкой, фиксацией, привлечением специалиста. Это нарушает принцип допустимости доказательств и противоречит запрету использовать те, которые получены незаконным путем, который закреплен в международной практике и подтвержден правовыми позициями Европейского суда по правам человека[24].

Среди практических механизмов, применяемых для легализации цифровой информации, можно выделить несколько вариативных сценариев. Первый – повторная фиксация информации через процессуальные действия: осмотр сайтов, переписки, цифровых носителей. Второй – оформление заключения специалиста по ранее полученной информации. Третий – приобщение цифровых следов к рапорту оперативного сотрудника как приложение к сообщению о преступлении. Четвертый – фиксация цифровой информации в рамках провер-

---

[23] Об оставлении без изменения приговора … (о допустимости осмотра и исследования информации с телефона, изъятого в соответствие со ст. 176 УПК РФ*)* : кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 сентября 2014 г. по делу № 2-18/08 // Доступ из электронной базы судебных актов, решений и нормативных документов SudAct.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0dPzawB0fmm6/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=2-18%2F08&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1755454649779 (дата обращения: 17.08.2025); По апелляционным жалобам на приговор Новосибирского областного суда от 2 октября 2018 года : апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 августа 2019 г. № 67-АПУ19-8 по делу № 2-003/2018 // Доступ из электронной базы судебных актов, решений и нормативных документов SudAct.ru [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/0CTvl5sbeaxc/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=2-003%2F2018&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1755457357391 (дата обращения: 17.08.2025).

[24] Council of Europe. Practice Direction on the “Fruit of the Poisonous Tree” Doctrine [Электронный ресурс]. URL: https://rm.coe.int/practice-direction-fruit-of-the-poisonous-tree/16808e9b19 (дата обращения: 30.05.2025); United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Good practices for the investigation and prosecution of cases involving electronic evidence [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/UNODC_Electronic_Evidence.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

ки сообщений по ст. 144 УПК РФ. Эти подходы позволяют формально легализовать цифровую информацию как оперативную, но не решают проблемы отсутствия ее нормативного статуса и процедурной преемственности.

Традиционно в научной и правоприменительной литературе оперативная информация определяется как совокупность сведений, представляющих интерес для предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, а также розыска лиц, скрывающихся от следствия или отбывания наказания. Так, по определению Д.В. Гребельского, – это первичные и выводные данные о лицах, преступных фактах, состоянии сил и условий ОРД [4, с. 62]. Н.А. Губанова подчеркивает, что оперативная информация представляет собой данные, специфичные по цели, методу получения и режиму применения, подлежащие проверке и доступные только уполномоченным субъектам ОРД [5, с. 71]. Позицию о семиотических и логико-прагматических аспектах информации также развивают Б.Я. Советов, С.С. Овчинский [6] и др. Таким образом, по своему значению «оперативная информация» в российской терминологии сопоставима с «intelligence» – категорией разведывательной информации в международной классификации. В свою очередь, «цифровая оперативная информация» может быть определена как сведения (сообщения, данные), полученные в рамках оперативно-разыскной деятельности из цифровой среды (включая сеть Интернет, даркнет, мессенджеры, блокчейн-структуры), зафиксированные в электронной форме, обладающие оперативной значимостью и потенциальной пригодностью для использования в уголовном процессе после прохождения процедуры легализации.

Формализация цифровой оперативной информации позволит отграничить ее от иной информации уровня оперативной осведомленности, представляющей собой предварительные, часто непроверенные сведения. Скриншоты, логи, блокчейн-отчеты и другие сведения могут обладать значительной фактической ценностью, однако вне надлежащей процедуры фиксации оказываются лишены юридической силы. Отказ от юридического разграничения этих категорий информации приводит к ситуации, при которой цифровые следы могут использоваться на этапе разработки, но не включаются в дело как допустимые доказательства [1, с. 72]. В подобной логике рассуждений цифровую оперативную информацию следует рассматривать как промежуточную категорию, находящуюся между имеющей оперативное значение информацией и электронными доказательствами. В отличие от первой, она технически надлежащим образом зафиксирована и обладает потенциальной доказательственностью, т.е. способностью трансформироваться в надлежащее доказательство. В то же время ЦОИ отличается от вещественных доказательств, так как не имеет материального воплощения, существует исключительно в виде цифрового сигнала или массива данных и требует специальных технологий анализа. Ее статус должен быть связан с определенной процедурой сбора и сопровождаться обязательными требованиями к верификации.

Включение цифровой оперативной информации в структуру нормативного регулирования позволит упорядочить действия оперативных подразделений, создать правовую форму для систематического использования цифровых данных и устранить правовую неопределенность, препятствующую легитимному применению таких сведений в уголовном процессе. В противном случае, процессуальная недопустимость цифровых следов часто вызвана не их ненадежностью, а отсутствием закрепленных процедур обращения с ними [1, с. 72].

Подобного рода «институализация» ЦОИ позволит снизить риски нарушения законности, которые в настоящее время остаются высокими. В первую очередь, это угроза расширительной интерпретации прав оперативных органов на сбор цифровых данных без достаточных оснований и судебного контроля. Возможность получения информации из мессенджеров, даркнета и социальных сетей без ведома пользователя требует баланса между эффективностью преследования и сохранением конституционных гарантий тайны личной жизни, переписки и информации (ст. 23–24 Конституции Российской Федерации). Особую опасность представляет собой практика обращения с цифровой информацией вне рамок уголовного процесса – без ее надлежащей фиксации, хеширования и верификации. Такая информация, оставаясь вне правового поля, формирует так называемый «теневой оборот» цифровых сведений, не обладающих юридическим статусом. Это ведет к подмене установленной уголовно-процессуальной процедуры неформальными оперативными действиями, нарушая принципы допустимости и проверяемости доказательств. В результате подрывается доверие к правосудию и создаются условия для произвольного вмешательства в частную жизнь граждан, не обеспеченного судебным контролем и правовыми гарантиями.

Таким образом, надлежащее обращение с цифровой информацией в современных условиях становится ключевым элементом оперативно-разыскной и процессуальной деятельности. Установление правового режима фиксации и последующего использования ЦОИ устранит риск произвольного использования цифровых следов, обеспечит защиту прав сторон, повысит предсказуемость судебных решений и укрепит легитимность доказательной базы по делам, связанным с цифровой преступностью. Признание ее нормативного статуса позволит легализовать эффективные методы анализа цифровой среды, обеспечить трансформацию фактической информации в правовую форму и сохранить баланс между интересами государства и гражданина. Нормативное оформление ЦОИ как промежуточной категории формирования электронных доказательств представляется необходимым шагом на пути к созданию целостной модели работы с цифровыми следами в российской системе ОРД и уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Собирание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы : монография / С.П. Щерба, Е.А. Архипова, Е.В. Быкова ; под ред. С.П. Щербы. – Москва : Проспект, 2022. – 168 с.

2. Жандров В.Ю. Решение задач оперативно-розыскной деятельности посредством получения сведений в информационно-телекоммуникационной среде / В.Ю. Жандров // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 4. – С. 56–65.

3. Васюков В.Ф. К вопросу о получении оперативно значимой информации из открытых источников информации сети «Интернет» / В.Ф. Васюков, А.Ю. Афанасьев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1 (65). – С. 79–86.

4. Гребельский Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы деятельности органов внутренних дел. – Москва : Академия МВД СССР, 1977. – С. 60–69.

5. Губанова Н.А. Понятие оперативно-розыскной информации / Н.А. Губанова // Научный портал МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 70–72.

6. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / С.С. Овчинский. – Москва : Инфра-М, 2000. – 365 с.

References

1. Shcherba S.P. (ed.). Collection of Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Abroad: Experience and Problems. Moscow, Prospect, 2022. 168 p. (In Russian).

2. Zhandrov V.Yu. Solving the Tasks of Operational-Investigative Activities by Obtaining Information in the Information and Telecommunications Environment. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4, pp. 56–65. (In Russian).

3. Vasyukov V.F., Afanasyev A.Yu. On the Issue of Obtaining Operationally Significant Information from Open Sources of Information on the Internet. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2024, no. 1 (65), pp. 79–86. (In Russian).

4. Grebelsky D.V. Theoretical Foundations and Organisational and Legal Problems of the Internal Affairs Bodies Activities. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977, pp. 60–69. (In Russian).

5. Gubanova N.A. Concept of Operational Search Information. *Scientific Portal of the Russian Ministry of the Interior,* 2014, no. 4 (28), pp. 70–72. (In Russian).

6. Ovchinsky S.S. Operational Search Information. Moscow, Infra-M, 2000. 367 p. (In Russian).

Информация об авторе

Жандров Владимир Юрьевич *– кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники*

Information about the Author

Zhandrov Vladimir Yuryevich *– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Operational Investigative Activities and Special Techniques*

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 23.09.2025.
The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 23.09.2025.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.18

Каширина Татьяна Васильевна
Экспертный совет при Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия, kashirina-tv@ya.ru

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА, ПОВЛЕКШИХ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Технологический прорыв и стремительное развитие Российской Федерации, имея положительную динамику и необходимый социально-экономический эффект, в ряде случаев приводит к пострадавшим с тяжелыми и смертельными последствиями, в том числе по причине нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека. В статье обоснованы предпосылки и критерии создания частной методики расследования нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека, а также методология познания и объектно-предметная организация криминалистического исследования. Цель: выявить предпосылки и основы формирования частной методики расследования нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека. Методы: математический анализ статистических данных официальной статистики, результаты опроса следователей (n=59), методы интерпретации и аналогии, системный, деятельностный и ситуационный подходы. Результаты: обоснована необходимость создания частной методики расследования нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека, выдвинута научная проблема и основная идея, а также рассмотрен объект и предмет исследования, представлено понятие на базе основополагающих закономерностей объективной действительности.

Ключевые слова: криминалистика, методика, основы, предмет, объект, структура, элементы, характеристика, рациональность

Для цитирования: Каширина Т.В. К вопросу о создании частной методики расследования нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека / Т.В. Каширина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.18 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 187–194.

© Каширина Т.В., 2025

Original article

Kashirina Tatiana Vasilyevna
Expert Council under the Business Rights Commissioner in the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russia, kashirina-tv@ya.ru

ON THE CREATING A PRIVATE METHODOLOGY TO INVESTIGATE LABOUR PROTECTION REQUIREMENTS' VIOLATIONS THAT CAUSED THE DEATH OF A PERSON BY NEGLIGENCE

Abstract. The rapid development of the Russian Federation, having positive dynamics and the necessary socio-economic effect, in some cases leads to victims with severe and fatal consequences, including labour protection requirements' violations, resulting the death of a person by negligence. The article substantiates the reasons, prerequisites, criteria for the creation of a private methodology of the investigation the labour protection requirements' violations that caused the death of a person by negligence; the methodology of cognition and the object-subject organisation of forensic research are also observed. Purpose: to identify the prerequisites and foundations for forming a private methodology to investigate labour protection requirements' violations that resulted in the death of a person by negligence. Methods: mathematical analysis of official statistics, survey results of investigators (n=59), methods of interpretation and analogy, systematic, activity-based and situational approaches. Results: the necessity of creating a private methodology for investigating labour protection requirements' violations that caused the death of a person by negligence is substantiated, a scientific problem and the main idea are put forward, and the object and subject of research are considered, the concept is presented on the basis of the fundamental laws of objective reality.

Keywords: criminalistics, methodology, fundamentals, subject, object, structure, elements, characteristics, rationality

For citation: Kashirina T.V. On the Creating a Private Methodology to Investigate Labour Protection Requirements' Violations that Caused the Death of a Person by Negligence. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 187–194. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.18.

По данным Международной организации труда, в мире более девятисот человек в день гибнет от несчастных случаев на работе[1]. В Российской Федерации

[1] Международная организация труда : сайт. URL: https://www.ilo.org/research-and-publications (дата обращения: 03.08.2025).

в 2024 году количество пострадавших со смертельным исходом на производстве составило более одной тысячи человек (т.е. в среднем три человека в день)[2].

Анализируя статистические показатели Социального фонда России, можно сделать вывод, что имеется существенный рост за период 2021–2024 гг. несчастных случаев на производстве с тяжелыми и смертельными последствиями (67 и 44 % соответственно)[3]. Отметим, что по мнению ведущих экспертов в области охраны труда, количество скрытых несчастных случаев увеличилось за последние пять лет в три раза[4], что свидетельствует о скрытой криминалистической проблеме противодействия предварительному расследованию. Как отмечает А.В. Варданян, «криминалистика, разрабатывая рекомендации по повышению результативности деятельности следователя (дознавателя), в том числе и в условиях оказания противодействия расследованию должна в любом случае исходить из требований уголовно-процессуального законодательства, выступающего одним из источников криминалистических рекомендаций» [1]. Также не менее важен вывод профессора А.В. Варданяна о том, что «расследование преступлений, совершенных представителями административно-управленческой элиты, сопровождается колоссальными сложностями, обусловленными прежде всего тем, что данные субъекты, прекрасно понимая фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий, заблаговременно осуществляют комплекс мер, направленных на минимизацию вероятности их разоблачения» [2].

Фактическое состояние требований и условий труда в Российской Федерации, увеличение несчастных случаев на производстве с тяжелыми и смертельными последствиями, изменения в государственной системе управления охраной труда указывают на необходимость криминалистического познания такого вида преступной деятельности как нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ), с акцентом познания на нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности смерть человека (ч. 2).

Анализируя данные официальной статистики, отметим, что в 2024 году осуждено по данной статье 183 человека (ч. 1 – 37 чел., ч. 2. – 132 чел., ч. 3. – 15 чел.), в 2023 году осуждено 138 человек (ч. 1 – 32 чел., ч. 2. – 95 чел., ч. 3. – 11 чел.), в 2022 году осуждено 135 человек (ч. 1 – 39 чел., ч. 2. – 88 чел., ч. 3. – 8 чел.). За три

---

[2] Производственный травматизм в России: о чём говорят цифры? [Электронный ресурс] // Федеральный портал об охране труда : сайт. URL: https://ot-media.ru/pro/statistics/proizvodstvennyy-travmatizm-v-rossii-o-chyom-govoryat-cifry?ysclid=mfditw5amm673751345 (дата обращения: 02.08.2025).

[3] Социальный фонд России : сайт. URL: https://sfr.gov.ru/ (дата обращения 05.08.2025).

[4] Сокрытые несчастные случае на производстве, в России [Электронный ресурс] // Балтийский центр безопасности труда : сайт. URL: https://www.btzbt.ru/labor_protection_news/tpost/e8alt85ey1-sokritie-neschastnie-sluchai-na-proizvod?ysclid=mfdl03ugsq800302350 (дата обращения: 13.08.2025).

года количество осужденных по ст. 143 УК РФ увеличилось на 35,5 %, наибольший рост выявлен по ч. 2 – на 50 %. Криминалистическое познание закономерностей нарушения требований охраны труда, совершенного лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности смерть человека, разработка методико-криминалистических рекомендаций по их расследованию обусловлены теми ошибками, которые допускают следователи в ходе их расследования, что косвенно подтверждается достаточно высоким процентом оправдательных приговоров (3,26 % за 2024 год, тогда как в целом такой процент составляет 0,17 %, т.е. в 20 раз выше от среднестатистических данных, представленных Верховным судом РФ за 2024 год)[5].

Как свидетельствуют результаты опроса 59 следователей, расследовавших преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 143 УК РФ, среди причин сложностей и недостатков в расследовании они отмечают:

– отсутствие современных криминалистических рекомендаций (64 %);

– принятие тактически рискованных либо необоснованных решений при производстве следственных и иных процессуальных действий (47 %);

– внешнее и внутреннее посткриминальное противодействие расследованию, носящее как беспрецедентный, так и адаптивный характер (52 %);

– наличие внутреннего расследования, дублирующего деятельность следователя (31 %);

– необходимость специальных знаний в области охраны труда и производственных процессов (84 %).

Как отмечает профессор Ф.Г. Аминев, «назрела необходимость в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности, привнести новые повышенные требования к уровню компетентности, к разработке требований к процессу формирования компетентности судебного эксперта Российской Федерации, включающей владение современными информационными и компьютерными технологиями» [3], [4], указанное относится, как представляется, и к специальным знаниям следователя при расследовании преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 143 УК РФ.

Итак, статистические данные, результаты проведенного опроса следователей, подтверждающие увеличение количества скрываемых случаев на производстве, рост нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 143 УК РФ), недостатки и ошибки в их расследовании позволяют выйти на научную проблему необходимости создания соответствующей частной методики расследования и выдвижения основной идеи, объекта и предмета исследования, а также методологических подходов.

---

[5] Судебная статистика РФ : сайт. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 10.08.2025); Верховный суд России раскрыл число оправдательных приговоров в 2024 году [Электронный ресурс] // РИА Новости, 17.04.2025 : сайт. URL: https://ria.ru/20250417/sud-2011925793.html?ysclid=mfdpigk36v469180594 (дата обращения: 10.08.2025).

Идея проводимого исследования заключается, с одной стороны, в необходимости разрешения имеющихся недостатков в практике раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 143 УК РФ, а с другой – в восполнении криминалистических знаний посредством создания частной методики расследования нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека, основанной на познании взаимосвязей элементов криминалистической характеристики и разработанных криминалистических рекомендаций.

Относительно объекта исследования отметим, что в процессе проводимого исследования нами последовательно и хронологически, на основе деятельностного и ситуационного подходов, изучаются: преступная и посткриминальная действительность и собственно криминалистическая и уголовно-процессуальная деятельность при раскрытии и расследовании преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 143 УК РФ. Профессор А.В. Варданян справедливо пришел к выводу о том, что «развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности представляет собой закономерный результат поступательного развития науки криминалистики, а формирование понятия, как составляющей языка криминалистики, и дальнейшая разработка теории при познании закономерностей посткриминальной деятельности субъектов, связанных с механизмом преступления, позволит создать эффективные криминалистические методы и средства борьбы с преступностью, особо востребованные в правоприменении при предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений» [5, с. 49].

Касаемо предмета исследования, подчеркнем, что именно ситуативность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 143 УК РФ, на докриминальной, криминальной, посткриминальной фазе, как, впрочем, и самой криминалистической деятельности следователя, позволяет выявить взаимосвязи, относящиеся к предметным закономерностям криминалистики и сформировать базовые основы частной методики расследования преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 143 УК РФ.

При таком понимании и научном подходе основополагающей выступает связь между нарушениями требований охраны труда и наступлением по неосторожности смерти человека. Именно данная связь переопределяет требования как к структуре и содержанию криминалистической характеристики, так и криминалистическим рекомендациям на первоначальном и последующем этапах расследования. То есть содержание обстановки (нарушения требований и условий охраны труда с пространственно-временными характеристиками) в предкриминальной и криминальной фазе развития изучаемой преступной и связанной с ней посткриминальной деятельности выступает главенствующим элементом криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 143 УК РФ. А.С. Андреев подчеркивает, что «посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, не всегда является механизмом преступления, именно объединение замысла способа совершения преступления с действиями после его совершения позволяет включить их в ме-

ханизм преступления. Кроме этого, поведение лиц, случайно оказавшихся на месте преступления, как элемент механизма преступления является весьма условным, поскольку он влияет на содержание, но не является системой преступных действий, то есть механизмом преступления» [6], [7], [8].

Другим, не менее важным вопросом познания в науке криминалистике, как и в расследовании, выступает личностный аспект, а именно влияние свойств личности на нарушения требований охраны труда и выбор посткриминальной деятельности (противодействие или содействие расследованию). Также имеет значение влияние лиц, случайно оказавшихся на месте преступления и их регулярности в деятельности или поведении. А.С. Андреев справедливо считает, что «в преступной и посткриминальной действительности, как части социальной действительности, существует достаточно специфическая, ранее отдельно не изучавшаяся учеными-криминалистами группа закономерностей поведения (деятельности) лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события. Случайность появления очевидца и/или потерпевшего на месте совершения в до-, криминальный и посткриминальный периоды не означает отсутствия в их поведении (деятельности) определенных закономерностей, имеющих криминалистическое значение. «Случайность» поведения (деятельности) лиц, оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события – это свойство, критерий, отношения элемента системы, очерченные конструктом механизма преступления» [9], [10].

Итак, предлагаемая нами методика расследования нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека, является частной, видовой, основанной на уголовно-правовом критерии, но имеющей собственное содержание, ввиду познанных(ваемых) взаимосвязей, относящихся предметно к науке криминалистике. Такое содержание раскрывается в первую очередь в структуре криминалистической характеристики:

– обстановка нарушения требований охраны труда;

– типовые травмы, повлекшие смерть по неосторожности;

– свойства личности субъекта преступления и виктимное поведение жертвы;

– типичные способы посткриминального противодействия расследованию.

На основе познанных элементов предложенной криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ч. 2. ст. 143 УК РФ, разрабатываются ситуационные алгоритмы расследования на первоначальном и последующем этапах.

Таким образом, под частной методикой расследования нарушений требований охраны труда, повлекших по неосторожности смерть человека, нами понимается совокупность научных знаний и криминалистических рекомендаций по эффективной аналитико-рациональной деятельности следователя при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 143 УК РФ, носящая как ретроспективный, так и перспективный характер.

Список источников

1. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии / А.В. Варданян // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 137–145.

2. Варданян А.В. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений, совершенных представителями административно-управленческой элиты / А.В. Варданян // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 81–88.

3. Аминев Ф.Г. О проблемах формирования компетентности судебного эксперта в условиях цифровизации / Ф.Г. Аминев // Криминологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 9–12.

4. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах профессиональной подготовки сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел / Ф.Г. Аминев // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 5. – С. 16–18.

5. Варданян А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики / А.В. Варданян // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1 (17). – С. 44–51.

6. Андреев А.С. Познание закономерностей посткриминальной деятельности и общая теория криминалистики / А.С. Андреев // Философия права. – 2019. – № 4 (91). – С. 144–148.

7. Андреев А.С. Явка с повинной как научная проблема криминалистики и направления ее познания / А.С. Андреев, Е.А. Абаренова // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2023. – № 4. – С. 3–15.

8. Андреев А.С. Маскировка как прием противодействия раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений / А.С. Андреев, Ю.Д. Коряк // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – № 2 (109). – С. 72–78.

9. Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования / А.С. Андреев // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27. – С. 5–22.

10. Андреев А.С. Начальная посткриминальная деятельность и ее влияние на исходную следственную ситуацию расследования тяжких и особо тяжких преступлений / А.С. Андреев // Правовой порядок и правовые ценности. – 2024. – № 2. – С. 38–45.

References

1. Vardanyan A.V. Counteracting to the Preliminary Investigation: Continuing the Scientific Discussion. *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2021, no. 1 (96), pp. 137–145. (In Russian).

2. Vardanyan A.V. Some Criminal Procedure Aspects of Overcoming Counteraction to the Investigation of Crimes Committed by Administrative and Managerial Elite. *Russian Journal of Criminology,* 2024, vol. 18, no. 1, pp. 81–88. (In Russian).

3. Aminev F.G. On the Problems of Forming the Competence of a Forensic Expert in the Conditions of Digitalisation. *Criminological Journal*, 2024, no. 1, pp. 9–12. (In Russian).

4. Aminev F.G. About Some Problems of Professional Training of the Expert-Criminalistic Departments of Internal Affairs Bodies. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 5, pp. 16–18. (In Russian).

5. Vardanyan A.V. Development of Knowledge Systems about the Criminalistics Characteristics of Post-Criminal Activity as a Natural Result of the Progressive Development of the Science of Criminalistics. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2021, no. 1 (17), pp. 44–51. (In Russian).

6. Andreev A.S. Knowledge of Regularities of Post-Criminal Activity and the General Criminology Theory. *Philosophy of Law*, 2019, no. 4 (91), pp. 144–148. (In Russian).

7. Andreev A.S., Abarenova E.A. Statement and Verification of Confession in the Object and Subject of Criminalistics as a Directions of Cognition. *Izvestiya Tula State University*. *Economic and Legal Sciences*, 2023, no. 4, pp. 3–15. (In Russian).

8. Andreev A.S., Koryak Yu.D. Masking as a Method of Counteracting the Discovery and Investigation of Selfish-Violent Crimes. *Jurist-Pravoved*, 2024, no. 2 (109), pp. 72–78. (In Russian).

9. Andreev A.S. Behavior (Activity) of Those Incidentally Involved in a Criminal Event as a Crime Mechanism Element: from Articulation of a Scientific Problem to the Results of Research. *Tomsk State University Journal of Law*, 2018, no. 27, pp. 5–22. (In Russian).

10. Andreev A.S Post-Criminal Behaviour Beginning and Its Influence on the Initial Stage of Investigative Situation of Grave and Especially Grave Crimes. *Legal Order and Legal Values*, 2024, no. 2, pp. 38–45. (In Russian).

Информация об авторе

Каширина Татьяна Васильевна *– член экспертного совета при Уполномоченном по защите прав предпринимателей*

Information about the Author

Kashirina Tatiana Vasilyevna *– Member of the Expert Council under the Business Rights Commissioner*

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 343.982.4
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.19

Рослова Ольга Евгеньевна
Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, roslovaolga1@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0005-8967-8815

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОДПИСЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье обосновывается актуальность применения комплексного подхода и междисциплинарного взаимодействия в процессе исследования нетрадиционных объектов судебно-почерковедческой экспертизы (выполненных на графических планшетах, с помощью автопера (autopen), созданных при помощи искусственного интеллекта (далее – ИИ) (например, AI SignatureGenerator и др.) и других устройств для ввода графической информации) с целью повышения качества экспертных заключений. Цель: рассмотреть понятия «комплексное исследование», «комплексная экспертиза» и «комплекс исследований», которые имеют важное значение для понимания методологических аспектов судебно-почерковедческой деятельности, а также уделить внимание проблеме исследования изображений почерковых объектов в рамках судебно-почерковедческой экспертизы, обосновать значимость соблюдения принципа полноты, всесторонности и объективности в ходе проведения судебно-почерковедческих исследований в современных цифровых условиях. Методы: методология исследования основывается на общих научных принципах, логических законах и комплексном подходе к решению научных проблем. В работе были использованы следующие общенаучные и частно-научные методы познания: системно-структурный, описание, анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение и научный прогноз. Результаты: автором поднимается вопрос о необходимости совершенствования тактики назначения судебно-почерковедческих экспертиз, в том числе по копиям документов. В статье акцентируется внимание на значимости разработки качественных междисциплинарных образовательных программ повышения квалификации экспертов с последующей регулярной актуализацией. Таким образом, статья акцентирует внимание на важности комплексного подхода и междисциплинарного взаимодействия для повышения эффективности судебно-почерковедческой экспертизы и обеспечения высокого уровня профессиональной подготовки экспертов.

Ключевые слова: междисциплинарное взаимодействие, комплексный подход, почерковедческая экспертиза, изображение подписи, специализиро-

© Рослова О.Е., 2025

ванные планшеты, графические планшеты, цифровые следы, цифровые записи, электронный почерковый объект, электронное перо, идентификационная значимость признака, оценка результатов почерковедческого исследования

Для цитирования: Рослова О.Е. Комплексный подход к исследованию подписей в эпоху цифровых технологий / О.Е. Рослова. – 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.19 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 195–204.

Original article

Roslova Olga Evgenievna
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, roslovaolga1@yandex.ru,
https://orcid.org/0009-0005-8967-8815

COMPLEX APPROACH TO SIGNATURE RESEARCH IN THE DIGITAL AGE

Abstract. The article justifies the relevance of using a complex approach and interdisciplinary interaction in the process of researching non-traditional objects of forensic handwriting analysis (made on graphic tablets, using autopen, created using artificial intelligence (AI) (for example, AI Signature Generator, etc.) and other devices for entering graphic information) with the aim to improve the quality of expert opinions. Purpose: to consider the concepts of “complex study”, “multidisciplinary expert evidence” and “complex research”, which are important for understanding the methodological aspects of forensic handwriting, as well as to pay attention to the problem of studying images of handwriting objects in the framework of forensic handwriting expertise, to justify the importance of observing the principle of completeness, comprehensiveness and objectivity in the course of forensic handwriting research in modern digital conditions. Methods: the research methodology is based on general scientific principles, logical laws and an integrated approach to solving scientific problems. The following general and private-scientific methods of cognition were used in the research: system-structural, description, analysis, synthesis, induction, deduction, comparison and scientific prediction. Results: the author pays his attention to the need to improve the tactics of assigning forensic handwriting analysis, including copies of documents. The article focuses on the importance of developing high-quality interdisciplinary educational programs to improve the qualification of experts, followed by regular updating. Thus, the author points up the significance of a complex approach and interdisciplinary interaction that increase the effectiveness of forensic handwriting analysis and ensure a high level of professional training for experts.

Keywords: interdisciplinary interaction, complex approach, handwriting analysis, signature image, special tablets, graphic tablets, digital traces, digital records, electronic handwriting object, electronic pen, evaluation of the results of handwriting analysis

For citation*:* Roslova O. E. Complex Approach to Signature Research in the Digital Age. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 195–204. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.19.

Введение. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью адаптации методического обеспечения почерковедческой экспертизы к новым условиям, в которых подписи, выполненные на графических планшетах, с помощью автопера (autopen), созданные при помощи искусственного интеллекта (далее – ИИ) (например, AI SignatureGenerator и др.) и другие устройства для ввода графической информации становятся все более распространенными в практическом использовании. Как следствие, подписи и записи, созданные с помощью перечисленных средств, все чаще становятся объектами судебно-почерковедческих экспертиз. Соответственно, необходимо адаптировать методику судебно-почерковедческой экспертизы к этим изменениям. Указанные проблемные вопросы требуют проведения углубленного теоретического исследования с последующим применением научно обоснованных решений в практической деятельности.

От бумаги к экрану: трансформация судебно-почерковедческой экспертизы. На сегодняшний день эксперты-почерковеды применяют методики, изначально разработанные для исследования подписей и записей, выполненных традиционно на бумаге. Современная тенденция к цифровизации общественных отношений в целом создает реальные предпосылки для перехода в ряде случаев на безбумажный документооборот в будущем, что обуславливает увеличение числа криминалистических экспертиз в отношении нестандартных объектов. При исследовании нестандартных объектов почерковедческой экспертизы эксперты используют как общепринятые, так и специально разработанные методики и методические рекомендации, разработанные с учетом особенностей создания таких объектов [1; 2]. Особенности исследования цифровых, графических или биометрических подписей обусловлены технологией их формирования. Этот процесс включает цифровое преобразование, интеграцию в электронный документ в виде изображения, а также при наличии соответствующих функций, фиксацию скорости, давления и угла наклона электронного пера. Эти данные обеспечиваются программными драйверами, которые распознают силу нажатия и угол наклона пера, фиксируя индивидуальный ритм исполнителя, возникающий при взаимодействии пера с электромагнитным полем планшета. При этом следует учитывать, что расширенные настройки позволяют пользователю самому задать силу нажатия на электронное перо, при которой

возможно выполнение подписи (записи) – от легкого касания до необходимой степени давления. С учетом специфики выполнения рассматриваемых объектов возникает вопрос о возможности извлечения и анализа цифровой криминалистически значимой почерковой информации, содержащейся в этих объектах, и ее использования для решения диагностических и идентификационных экспертных задач. Следует отметить, что до настоящего времени полноценных научных исследований, включающих алгоритм исследования, работу с программным обеспечением и методологию оценки идентификационной значимости «цифровых» признаков, не проводилось. Основные усилия исследователей были направлены на разработку методов анализа динамики подписи, включая автоматическое распознавание. При этом вопросы судебно-экспертного исследования подписей становятся все более актуальными в научной литературе [3–7]. Как правило, исследования в этой области концентрировались на изучении биометрических параметров, а также на решении отдельных задач и проблем, связанных с анализом цифровых подписей и записей. В настоящее время необходимо проведение экспериментальных исследований, направленных на определение того, как и в какой степени алгоритм программного обеспечения рассматриваемых устройств ввода графической информации изменяет общие и частные признаки подписей в процессе их цифрового преобразования. Определение спектра решаемых диагностических и идентификационных задач представляет собой актуальное и важное направление судебного почерковедения [8, с. 107].

Исследование документов, предоставленных в виде копий: вызовы экспертизе в цифровую эпоху. При изучении копии документа эксперт, как правило, не может исключить вероятность того, что она могла быть создана путем технологического монтажа различных реквизитов или что документ мог быть выполнен при помощи плоттера, автопера (autopen)[1]. Автоперо, по сути, является аналогово-механическим устройством, в котором, используя ручку с чернилами, каждый штрих имитирует движение руки, давление, ускорение, паузы. Имитируется также ритмическая структура нажима, а не просто рисуется картинка. В 2025 году это устройство оказалось в центре внимания, когда выяснилось, что с его помощью подписывались важные документы без участия Президента США. Данный инцидент должен послужить толчком к переосмыслению роли технологий в системе государственного управления[2].

В ряде случаев предоставляются копии неудовлетворительного качества. Исходя из того, что целью доказывания является установление истины, то если эксперт настроен на получение результата и желает провести полное, всесто-

[1] Автоперо (autopen) (воспроизводящее факсимиле) [Электронный ресурс]. URL: https://universal_ru_en.academic.ru (дата обращения: 15.07.2025).

[2] В данном случае напрашивается вывод об использовании «подделки» как формы реализации управленческих решений.

роннее и объективное почерковедческое исследование, чтобы достичь результата, который в последствии не будет поставлен под сомнение и оспорен в суде, то он вполне имеет право, предоставленное ему законодателем, ходатайствовать о предоставлении оригинала документа. При таком подходе будут реализовываться все средства и методы, предоставленные эксперту (п. 2 ст. 85 «Обязанности и права эксперта» ГПК РФ и п. 4 ст. 57 «Эксперт» УПК РФ). Таким образом, соблюдается принцип полноты, всесторонности и объективности исследования, изложенный в ст. 8 «Объективность, всесторонность и полнота исследований» ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Соответственно, вполне обоснованно у экспертов возникает необходимость в предоставлении оригинала документа (если в постановлении (или определении) прямо не указано, что по ряду причин оригинал документа предоставить невозможно). Однако по этому поводу в обзоре по практике производства почерковедческих экспертиз, объектами которых являются изображения почерковых реализаций, в качестве недостатка при производстве почерковедческих экспертиз отмечено: «1. Экспертами запрашиваются документы, вопрос по которым не поставлен инициатором в постановлении о назначении экспертизы: в случае предоставления на экспертизу копии документа и постановки в отношении нее вопросов, экспертом выносится ходатайство о предоставлении оригинала» [9, с. 4]. Данная, на наш взгляд, дискуссионная позиция была обоснована тем, что такой запрос представляется некорректным, поскольку в качестве объекта исследования выступает представленная копия документа, а его оригинал является другим объектом, не подлежащим исследованию в рамках данной экспертизы. Разрешение сложившейся ситуации возможно через разработку рекомендаций для сотрудников органов следствия и дознания, в которых будет изложена актуальная тактика назначения судебно-почерковедческих экспертиз и отбора сравнительного материала, в том числе с указанием в разделе «обстоятельства дела» причин невозможности предоставления на исследование оригинала исследуемого документа [10]. Это позволит предотвратить возможное продление сроков экспертизы в связи с ходатайством о предоставлении оригинала документа и в тоже время не будет ограничивать права эксперта.

Интеграция знаний: как экспертам осваивать новые технологии в почерковедении. При исследовании объектов, выполненных на биометрических и графических планшетах с помощью автопера (autopen) или созданных при помощи искусственного интеллекта и пр., необходимо учитывать возможность комплексного использования специальных знаний. Следует отметить, что такие комплексные исследования возможно проводить одному эксперту (при наличии соответствующих компетенций) либо совместно со специалистами в области технико-криминалистического исследования документов, компьютерно-технических экспертиз и прочих областей.

Профессор Н.П. Майлис справедливо подчеркивает, что недостаточная компетенция эксперта в использовании информационных технологий при про-

ведении судебных экспертиз и исследований может привести к ошибкам в их выводах [11, с. 22]. Поэтому для успешного выполнения задач, кроме специализированной подготовки в области судебно-почерковедческой экспертизы, требуются также знания в области технико-криминалистической документов и компьютерно-технической экспертизы и прочих областей, а при необходимости – производство комплексной экспертизы с привлечением экспертов по перечисленным специальностям. Оптимальным тактическим решением по созданию комиссии экспертов разных специальностей представляется следующее: эксперт-почерковед, имеющий допуск к технико-криминалистическому исследованию и специализирующийся преимущественно на производстве почерковедческих экспертиз (эксперт-организатор); эксперт по технико-криминалистическому исследованию документов, имеющий право производства почерковедческих экспертиз и специализирующийся преимущественно на производстве технико-криминалистических экспертиз; и, при необходимости, эксперт в области компьютерно-технической экспертизы. Кроме того, при назначении комплексной экспертизы необходимо понимание разграничения компетенций судебных экспертов разных специальностей. Сложившаяся ситуация ограничивает возможности эксперта-почерковеда в освоении специфики и навыков исследования подписей, выполненных с использованием устройств ввода графической информации, которые не являются привычными для классического почерковедения. Если базовые знания по технико-криминалистическому исследованию документов входят в программу обучения по специальности «Почерковедческая экспертиза (исследование почерка и подписей)», то получение знаний из области компьютерно-технической экспертизы в настоящее время отсутствует. К решению вопроса о том, что обусловливает необходимость объединения различных знаний в комплексном исследовании, можно подойти, сравнив его формы. В результате гносеологического анализа понятий «комплексное исследование», «комплекс исследований в рамках одной экспертизы» и «комплексная экспертиза» можно сделать несколько выводов. «Комплексное исследование» представляет собой научную характеристику, заключающуюся в теоретической и методической базе, которая служит основой для подготовки ко всем исследованиям. Это понятие является более общим по сравнению с более узкими терминами «комплексная экспертиза» и «комплекс исследований в рамках одной экспертизы». Эти понятия отражают разные способы практической реализации комплексного подхода к экспертным задачам. Критерием, который различает эти формы, выступает характер взаимного использования разнообразной информации, получаемой через применение различных знаний. Таким образом, вне зависимости от конкретной формы комплексного исследования, для участников этого процесса, требующего интеграции различных специальных знаний, общими остаются предмет и задачи криминалистического исследования рассматриваемых объектов. Эксперт может получить такие знания в

процессе получения высшего образования (изучая смежные дисциплины – технико-криминалистическую экспертизу документов, компьютерно-техническую экспертизу и пр.) или через повышение своей квалификации по программам дополнительного профессионального обучения, что представляется наиболее перспективным направлением[3]. При этом создание эффективного механизма обратной связи станет важным условием, позволяющим вносить коррективы в данные программы дополнительного профессионального образования и повышать тем самым качество судебно-почерковедческой экспертизы. Кроме того, регулярная оценка уже принятых программ и использование обратной связи создадут условия для адаптации методов к новым требованиям и достижениям науки. Таким образом, обучающие материалы должны быть сосредоточены на практическом применении этих рекомендаций. Качественные обучающие материалы должны не только передавать знания, но и формировать у экспертов критическое мышление и способность к анализу. Обучение должно побуждать к углубленному изучению тематики и непрерывному поддержанию своих навыков на высоком уровне. Потребность в подобном формате обучения определяется непрерывным прогрессом в области науки и техники, а также необходимостью поддержания актуализации знаний экспертов. Участие в таких семинарах позволяет не просто повысить уровень профессионализма, но и обменяться мнениями о новейших направлениях и подходах, применяемых в экспертизе почерка, что в перспективе способствует улучшению качества экспертных оценок.

Заключение. Заключение эксперта часто зависит от его личного профессионального опыта и знаний, что свидетельствует о важности повышения качества образовательных программ для экспертов в области почерковедения и разработки рекомендаций, адаптированных к специфике каждого случая [12]. Соответственно, здесь очевидна важность междисциплинарного взаимодействия для решения сложных задач в судебно-почерковедческой экспертизе. В дальнейшем целесообразно дополнить соответствующее методическое обеспечение почерковедческой экспертизы, включив в него в более широком аспекте знания из области технико-криминалистической экспертизы документов, а также компьютерно-технической экспертизы с последующим использованием данных материалов в образовательном процессе и на курсах повышения квалификации экспертов-почерковедов. Это позволит увеличить количество сведущих лиц, которые смогут более полно, всесторонне и объективно проводить судебно-почерковедческие экспертизы и исследования. В завершение следует подчеркнуть, что основной задачей данной статьи стало изучение внедрения комплексного подхода в исследование нетрадиционных объектов

[3] Разработка данных направлений будет предметом дальнейших теоретических и практических исследований.

почерковедческой экспертизы. При этом автор не приуменьшает значительный вклад ученых и практиков в решение данной проблемы.

Список источников

1. Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники : методические рекомендации. – Москва : ЭКЦ МВД России, 2021. – 40 с.

2. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. Ю.М. Дильдина, В.В. Мартынова. – Москва : ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с.

3. Россинская Е.Р. Современное состояние и перспективы исследования образов цифровых следов в судебной почерковедческой экспертизе / Е.Р. Россинская, Н.Ф. Бодров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 121–135.

4. Рыбалкин Н.А. Экспертиза почерковых объектов, выполненных с использованием технических устройств: теоретические и практические аспекты : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Н.А. Рыбалкин. – Тула, 2023. – 224 с.

5. Охлупина А.Н. Теоретические, методические и организационно- тактические основы применения интеллектуальных систем в судебно-почерковедческом исследовании подписей : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.Н. Охлупина. – Москва, 2019. – 192 с.

6. Подполухо М.М. Почерковедческое исследование цифровой рукописной биометрической подписи / М.М. Подполухо // Судебная экспертиза Беларуси. – 2022. – № 1 (14). – С. 42–48.

7. Яскина В.Э. О некоторых вопросах исследования почерковых объектов, представленных на экспертизу в электронном виде / В.Э. Яскина, П.И. Лакеев, Л.М. Круглов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. –Т. 18, № 2. – С. 54–61.

8. Майорова О.В. Графический планшет как объект криминалистического исследования / О.В. Майорова, О.Е. Рослова // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 3 ч. / под ред. С.И. Курилова, Ю.Е. Салеевой, Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, М.М. Алиева, О.Е. Рословой, Москва, 25 апреля 2025 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2025. – С. 104–109.

9. Обзор по практике производства почерковедческих экспертиз, объектами которых являются изображения почерковых реализаций в копиях документов. – Москва : ЭКЦ МВД России, 2022. – 10 с.

10. Судебная экспертология : электронный учебник: версия 6.0 / В.А. Шаповалов, А.Ю. Винокуров, А.М. Верескунов, О.Е. Рослова ; ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации. – электрон. дан. и прогр. (1.30 ГБ). – Москва : Военный университет, 2025.

11. Майлис Н.П. Экспертные ошибки, допускаемые при исследовании традиционных и цифровых следов / Н.П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 20–24.

12. Рослова О.Е. Оценка результатов исследования как основа объективности сформированного внутреннего убеждения эксперта при производстве почерковедческих экспертиз / О.Е. Рослова // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 710–715.

References

1. The Study of Images of Handwritten Objects in Documents Made with the Help of Copying Machines. Methodological Recommendations. Moscow, Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 40 p. (In Russian).

2. Dildin Yu.M., Martynov V.V. (eds.). Standard Expert Methods of Physical Evidence Analysis. Part I. Moscow, Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 568 p. (In Russian).

3. Rossinskaya E.R., Bodrov N.F. The Current Status and Prospects of Studying Images of Digital Footprints in Juridical Handmark Examination. *Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow,* 2022, Vol. 21, no. 1, pp. 121–135. (In Russian).

4. Rybalkin N.A. Examination of Handwritten Objects Made Using Technical Devices: Theoretical and Practical Aspects. *Cand. Diss*. Tula, 2023. 224 p. (In Russian).

5. Okhlupina A.N. Theoretical, Methodological, Organisational and Tactical Bases of the Intelligent Systems Use in the Forensic Handwriting Study of Signatures. *Cand. Diss*. Moscow, 2019. 192p. (In Russian).

6. Podpolukho M.M. Forensic Handwriting Examination of Digital Handwritten Biometric Signature. *Forensic Examination of Belarus,* 2022, no. 1(14), pp. 42–48. (In Russian).

7. Yaskina V.E., Lakeev P.I., Kruglov L.M. On Some Issues of Analysing Handwriting Objects Submitted for Examination in Electronic Form. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 54–61. (In Russian).

8. Mayorova O.V., Roslova O.E. Graphic Tablet as an Object of Criminalistic Research. *Criminalistics, Criminal Procedure and Forensic Expertise in the XXI-st Century: Development Vectors (Dedicated to the 70th Anniversary of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the*

Ministry of Internal Affairs of Russia). Collection of Scientific Articles on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 25, 2025. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, pp. 104–109. (In Russian).

9. Review of the Practice of Producing Handwriting Analysis, the Objects of which are Images of Handwriting Implementations in Copies of Documents. Moscow, Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 10 p. (In Russian).

10. Shapovalov V.A., Vinokurov A.Yu., Vereskunov A.M., Roslova O.E. Forensic Expertise: Electronic Textbook: Version 6.0. Moscow, Military University, 2025. (In Russian).

11. Mailis N.P. Expert Errors Made in the Study of Traditional and Digital Traces. *Theory and Practice of Forensic Science,* 2024, vol. 19, no. 1, pp. 20–24. (In Russian).

12. Roslova O.E. Evaluation of Research Results as the Basis for the Objectivity of an Expert's Moral Certainty in the Production of Handwriting Examinations. *St. Petersburg International Forensic Forum: Materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, June 10-11, 2024.* Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024, pp. 710–715. (In Russian).

Информация об авторе

Рослова Ольга Евгеньевна *– адъюнкт*

Information about the Author

Roslova Olga Evgenievna *– Adjunct*

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.20

Надоненко Ольга Николаевна
Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имена А.Я. Сухарева, Екатеринбург, Россия,
expdna@yandex.ru

КОЛЛИЗИЯ НЕКОТОРЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Современное состояние правовой регламентации полномочий судебных экспертов неразрывно связано с историческим процессом формирования правовой системы России в целом и судебной экспертизы в частности. Зарождение судебной экспертизы традиционно связывается с проведением судебно-медицинских исследований, равно как и появление первых экспертных учреждений. Именно поэтому на примере развития правового регулирования данного вида судебной экспертизы можно проследить этапы становления и некоторые особенности формирования системы судебных экспертиз, понять причины возникновения как положительных, так и отрицательных тенденций этого процесса. В статье показаны первопричины возникновения в среде ученых правоведов и судебно-медицинских экспертов взглядов на допустимость вторжения последних в область следственной работы. Отголоски этих взглядов присутствуют и в современных документах, регламентирующих производство судебно-медицинских экспертиз. Автор анализирует положения действующего Приказа № 491н от 25 сентября 2023 года «Об утверждении порядка проведения судебно-медицинской экспертизы», показывает несостоятельность содержания п. 35 и связанных с ним положений, резко противоречащих требованиям УПК РФ.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-медицинский эксперт, научный судья факта, экспертная деятельность, заключение эксперта, следственная деятельность

Для цитирования: Надоненко О.Н. Коллизия некоторых норм, регламентирующих проведение судебно-медицинской экспертизы / О.Н. Надоненко // – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.20 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 205–216.

© Надоненко О.Н., 2025

Original article

Nadonenko Olga Nikolaevna
Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Yekaterinburg, Russia, expdna@yandex.ru

CONFLICT OF NORMS REGULATING THE PRESENTATION OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION

Abstract. The legal regulation of forensic experts' powers is linked with the historical process of the Russian legal system's formation in general and forensic expertise in particular. The origin of forensic expertise is traditionally associated with the forensic medical research, as well as the appearance of the first expert institutions. That is why the development of legal regulation of this type of forensic expertise can be used to trace the stages of development and some features of the forensic expertise system's formation, to understand the reasons for the origin of both positive and negative trends in this process. The article shows the root causes of the legal scholars and forensic experts' views on the admissibility to intrude the latter into the field of investigative work. Echoes of these views are also present in modern documents regulating the production of forensic medical examinations. The author analyses the provisions of the current Order No. 491n of September 25, 2023 "On approval of the procedure for conducting a forensic medical examination", shows the inconsistency of the content of paragraph 35 and related provisions, which sharply contradict the requirements of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: forensic expertise, forensic expert, scientific judge of fact, expert activity, expert opinion, investigative activity

For citation: Nadonenko O.N. Conflict of Norms Regulating the Presentation of Forensic Medical Examination. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 205–216. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.20.

Введение. Институт судебной экспертизы является одним из важнейших элементов современной системы правосудия в России. Этапы его развития представляют интерес, так как позволяют проследить ход формирования и понять текущее состояние данного института, а также первопричины ряда негативных тенденций этого процесса.

Считается, что начало развитию системы судебной экспертизы в России было положено Петром I в 1716 году утверждением Воинского устава, в котором предусматривалось привлечение врачей (лекарей) при административном

и судебном расследовании ряда преступлений[1]. Именно поэтому с проведением судебно-медицинских исследований связывается зарождение судебной экспертизы как основного вида деятельности. В то же время и до введения Воинского устава в России выполнялись как судебно-медицинские, так и иные экспертизы, например, по сличению почерка (рукописных текстов), за производством которых обращались к дьякам и подьячим. Имеются сведения о проведении такого исследования в 1508 году [1, с. 19]. В XVII веке в среде судебно-медицинских экспертиз формируются судебно-токсикологические, судебно-психиатрические, судебно-химические экспертизы. Появление же первых экспертных учреждений в России обычно связывают с работой Аптекарского приказа и Ивановской площади. В начале XIX века создаются врачебные управы – Медицинская контора, Физикат. Также в конце XVIII–XIX веке к производству судебных исследований активно привлекают ученых, академиков Академии наук и в первую очередь по вопросам судебной медицины [2]. 28 июля 1912 г. Николаем II принят и утвержден закон о создании первого в России специализированного судебно-экспертного учреждения – кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской Судебной Палаты [3, с. 53]. Подобные кабинеты были организованы в Москве, Одессе и Киеве. В них проводились как судебно-медицинские, так и все существовавшие в тот период криминалистические экспертизы.

На протяжении всего периода формирования системы судебных экспертиз в первых рядах ее выступали судебно-медицинские исследования, которые не только самостоятельно развивались, но явились родоначальниками других видов судебных экспертиз, например, судебной химии, широко применявшейся при изучении документов и рукописных текстов на предмет их фальсификации. Не удивительно, что и отношение к специалистам судебной медицины, к их функционалу в рамках правосудного следствия ощутимо отличалось от специалистов других направлений.

История и современное состояние правовой регламентации полномочий судебно-медицинского эксперта. В опубликованной в 1910 году работе видный российский ученый Л.Е. Владимиров выдвинул концепцию, в соответствии с которой заключение эксперта не является доказательством и потому не может быть оценено следствием и судом. По его мнению, заключение эксперта являлось научным приговором, а экспертов он разделял на две категории – научные судьи и справочные свидетели. К первой категории относились судебные медики и психиатры, именно их заключения являлись научным приговором, ко второй – все остальные эксперты и их заключения могли оцениваться

[1] История медицины. Проект кафедры истории медицины Российского университета медицины [Электронный ресурс]. URL: https://www.historymed.ru/dental/forensic_dentistry/forensic_medical_examinationXVIII/ (дата обращения: 20.08.2025).

следственными и судебными органами [4]. Вполне ожидаемо, что его позицию разделяли представители судебно-медицинского сообщества, что нашло свое отражение в нормативных документах, принятых в первые годы советской власти.

Принятое в феврале 1919 года положение о правах и обязанностях государственных медицинских экспертов[2] утверждало судебно-медицинское заключение обязательным для частных лиц и учреждений всех ведомств (п. 3), а также позволяло и даже обязывало судебно-медицинского эксперта для наиболее правильного разрешения вопросов, поставленных перед ним, «производить осмотры местностей и помещений, опрашивать потерпевших, свидетелей и сведущих лиц и принимать другие меры для выяснения тех обстоятельств, которые имеют существенное значение для выполнения экспертизы» (п. 4). В том случае, если для разрешения поставленных вопросов эксперту было необходимо производство дополнительных вспомогательных исследований внутренностей тела трупа или иных вещественных доказательств, выполняемых другими специалистами, он должен был изъять, упаковать соответствующий материал и направить их соответствующем эксперту (п. 22).

Указанные положения этого документа наглядно демонстрируют совпадение позиции должностных лиц, его составивших, со взглядами Л.Е. Владимирова и в части неоспоримости заключения (то есть научного приговора), и в части вторжения судебного медика в область следственной работы. Более того, в Положении о судебно-медицинской экспертизе 1921[3] года статья № 6 начинается с утверждения о том, что судебно-медицинский эксперт является ни более, ни менее как научным судьей фактов. Присутствуют в нем и указание на обязательность и неоспоримость заключения эксперта, на допустимость проведения им следственных действий в случае необходимости их для дачи полноценных ответов. Однако пересылка изъятых экспертом объектов для вспомогательных исследований другим специалистам закреплена уже не за экспертом, а за судебно-следственными властями (ст. 25).

Принятый в 1922 году Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР предписывал рассматривать заключение эксперта как доказательство, не выделял судебно-медицинские заключения из общего ряда экспертных заключений, никакого разделения экспертов по категориям не делал, наделяя всех экспертов

---

[2] О правах и обязанностях государственных медицинских экспертов : постановление Народного комиссара здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348977#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 20.08.2025).

[3] О судебно-медицинских экспертах (Положение) : постановление Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции от 24.10.1921 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350709#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 20.08.2025).

равными правами и обязанностями и не предоставлял судебно-медицинским экспертам права самостоятельного производства следственных действий. Данная редакция была опротестована Народным комиссариатом здравоохранения в ходе пересмотра УПК РСФСР осенью 1922 года [5, с. 40]. Однако все притязания по данным положениями были отклонены Народным комиссариатом юстиции.

Неверно будет полагать, что на этом закончилось противостояние представителей судебно-медицинской экспертизы и уголовно-процессуального законодательства. Отголоски этих взглядов присутствовали и в последующих документах, регламентировавших производство судебно-медицинских экспертиз, а также приобретали новые формы.

Так, с середины XX века представителями судебно-медицинского сообщества активно продвигалась идея о том, что медицинский эксперт является консультантом следователя не только в вопросах экспертизы как таковой, но и в правовой оценке. Сторонниками этой позиции выступали такие известные ученые, как Райский М.И., Сапожников С.Ю., Кубицкий Ю.М., Гамбург А.М. и другие. Так, в предисловии к работе профессора Гамбург А.М. Сапожников С.Ю. определял сущность судебной медицинской экспертизы следующим образом: «именно врачами-экспертами там, где это возможно, должен быть четко определен переход от медицинских данных к правовой трактовке всего происшествия, в чем и состоит сущность судебно-медицинской экспертизы» [6, с. 4]. Данные взгляды нашли свое отражение не только в научных трудах, но и в ведомственных документах, например, в циркулярном письме СССР № 306 от 29.02.1956 г. «О пределах компетенции судебно-медицинского эксперта», разрешающем экспертам медикам давать заключение о роде насильственной смерти (убийство, самоубийство, несчастный случай)[4]. При этом Верховный Суд СССР и в тот период в своей практике придерживался иной позиции, определяя, что «заключение экспертизы не должно содержать в себе формулировку обвинения, что является компетенцией органов следствия»; «установление особой жестокости убийства как отягчающего вину обстоятельства относится к компетенции суда, а не эксперта» [7, с. 45–46]. Кроме разрешения юридических вопросов «Инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР», утвержденная Минздравом СССР 13.12.1952[5], напрямую обязывала судебных медиков «доводить до сведения соответствующих следственных и судебных органов о всех новых данных, выявленных при производстве эксперти-

[4] См. например, Циркулярное письмо СССР № 306 от 29.02.1956 «О пределах компетенции судебно-медицинского эксперта» [Электронный ресурс]. URL: https://www.forens-med.ru/book.php?id=2931 (дата обращения: 20.08.2025).

[5] Инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР. Утв. Минздравом СССР 13.12.1952 [Электронный ресурс]. URL: https://meganorm.ru/mega_doc/norm/instrukciya/4/instruktsiya_o_proizvodstve_sudebno-meditsinskoy_ekspertizy.html (дата обращения: 20.08.2025).

зы и не отраженных ранее в деле, а также в порядке личной инициативы обращать внимание следственных и судебных органов на обстоятельства и факты, имеющие значение для расследования и судебного разбирательства» (п. 42). Обращает на себя внимание формулировка «не отраженных ранее в деле», т.е. эксперт-медик должен был ознакомиться для этого со всеми материалами уголовного дела, а также оценить их, чтобы иметь возможность изложить следователю и суду, что еще, по его мнению, имеет значение для следствия. В этой и в следующей инструкции от 1978 г.[6] все также присутствует положение о том, что эксперт обязан делать заявление в процессе судебного разбирательства в том случае, если его заключение неправильно истолковано одной из сторон, т.е. ему предписывалось находиться в суде на протяжении всего судебного слушания (п.п. 39, 2.30 соответственно) и оценивать то, как его заключение воспринято участниками разбирательства. Кроме этого, обе инструкции предписывают обязанность должностным лицам различного уровня осуществлять ведомственный контроль за работой экспертов в форме оценки выполненных экспертиз на предмет их правильности и полноты. А в случае выявления неточностей или сомнительности в результатах заключения обязаны сообщить об этом следственно-судебным органам (п.п. 50д, 54г, 54д инструкции 1952 года и п. 3 инструкции 1978 года). Таким образом, им опять же вменяется в обязанность оценка доказательства, что выходит за пределы процессуальных полномочий этих лиц. Только в приказе Министерства здравоохранения РФ № 407 от 10 декабря 1996 года «О введении в практику правил производства судебно-медицинских экспертиз»[7] мы наблюдаем отсутствие данных положений, как в рекомендательном, так и обязывающем формате.

До сих пор остается дискуссионным вопрос и о субъекте собирания доказательств. Например, высказываются предложения о предоставлении права сбора доказательств экспертам при производстве судебно-медицинских экспертиз трупа и живых лиц [8, с. 116–117]. Орлов Ю.К. относит всех экспертов к субъектам собирания доказательств, поскольку полагает производство экспертизы следственным действием [9, с. 3]. Ряд ученых считают расширение данного перечня путем включения в него экспертов недопустимым [10, с. 61]. Одна-

[6] Об утверждении инструкции о производстве судебно-медицинской экспертизы, положения о бюро судебно-медицинской экспертизы и других нормативных актов по судебно-медицинской экспертизе : приказ Министерства здравоохранения СССР от 21.07.1978 № 694 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/9046976 (дата обращения: 20.08.2025).

[7] О введении в практику правил производства судебно-медицинских экспертиз : приказ Министерства здравоохранения РФ № 407 от 10 декабря 1996 [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=22683 (дата обращения: 20.08.2025).

ко пока ученые дискутируют, судебно-медицинское сообщество для себя решило данный вопрос однозначно. Начиная с положения о судебно-медицинской экспертизы 1919 г. и по настоящий день во всех документах, регламентирующих производство судебно-медицинских экспертиз присутствуют пункты, определяющие порядок изъятия экспертом объектов, для производства дополнительных и (или) лабораторных исследований, необходимых для дачи им квалифицированного заключения. По положению от 1919 г. эксперт должен был самостоятельно их изъять, упаковать и направить соответствующему специалисту с утвержденными положением сопроводительными документами. В положениях от 1921 и 1952 года передача материалов на дополнительные и (или) лабораторные исследования возлагалась на следственно-судебные органы. Инструкция от 1978 г. и приказ от 1996 г. снова разрешают направление материалов самому эксперту. Кроме этого, в инструкции от 1978 г. основаниями для изъятия и перенаправления объектов от эксперта, которому назначена экспертиза, к другому эксперту для проведения лабораторных исследований указаны не только необходимость разрешения вопросов, поставленных следствием или судом, но и для разрешения вопросов, возникших лично у эксперта (п. 2.19). Для передачи материалов эксперт заполняет специальный бланк, разработанный ведомством, в котором не только сообщает сведения об обстоятельствах дела, результаты своего исследования, но и самостоятельно определяет цели запрашиваемого исследования. Таким образом, опять усматриваются отголоски положений о том, что судебный медик может выходить за пределы поставленной перед ним задачи в рамках экспертной инициативы и оказания помощи следственно-судебным органам. В приказе от 1996 года отсутствует формулировка о возможности разрешения вопросов, возникших лично у эксперта в ходе производства экспертизы. Однако п. 7.1 гласит «Количество и характер изымаемых объектов, а также необходимые виды их исследований определяет судебно-медицинский эксперт, исходя из поставленных на разрешение экспертизы вопросов и особенностей данного случая». На наш взгляд, смысл конструкции «особенностей данного случая» ничем не отличается от «вопросов, возникших лично у эксперта».

Приказом № 346н от 12 мая 2010 г. «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» определено, что перечень и количество объектов, виды инструментальных и (или) лабораторных исследований составляет эксперт, исходя из результатов проведенного им исследования, предоставленных ему материалов уголовного дела и заявленной следователем или судом экспертной задачи (п. 50). Сама передача объектов осуществляется экспертом, но по согласованию с органом или лицом, назначившим судебную экспертизу (п. 51).

В настоящий момент документом, регламентирующим деятельность судебно-медицинских подразделений, является приказ № 491н от 25 сентября

2023 года «Об утверждении порядка проведения судебно-медицинской экспертизы»[8]. Его положения в части изъятия объектов и направления их на инструментальные и (или) лабораторные исследования отличаются от положений приказа № 346н отсутствием упоминания о том, что передачу надлежит делать по согласованию с органом или лицом, назначившим судебную экспертизу.

Однако действующий приказ содержит одно весьма примечательное, на наш взгляд, нововведение. В п. 35 приложения № 2 к приказу № 491н речь идет все о тех же изымаемых экспертом объектах для проведения дополнительных инструментальных и (или) лабораторных исследований (п. 32, 34), а не о самостоятельной судебной экспертизе, выполняемой на основании постановления следователя. Данный пункт начинается следующим предложением: «Результаты экспертного исследования биологических объектов от трупа оформляются в виде **заключения эксперта**» (выделено автором). Далее прописано, что заключение эксперта оформляется в трех экземплярах, так как один остается в архиве структурного подразделения экспертной организации, а два направляются эксперту, инициировавшему производство исследования, для приобщения к его заключению.

Все предыдущие инструкции и приказы предусматривали оформление таких действий эксперта именно как части общего исследования, выполненного в ходе производства экспертизы по постановлению следователя. По сути, следственно-судебные органы получали одно заключение эксперта, выполненное несколькими экспертами. Прямого запрета выполнять одну экспертизу несколькими экспертами в уголовно-процессуальном законодательстве нет. Хотя и такое выполнение судебной экспертизы вызывало в ряде случаев вопросы относительно того, что следствие, защита не имели сведения о всех экспертах, принимавших участие в ее выполнении. Возникал вопрос, не является ли это нарушением п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК РФ. Однако, по нашему мнению, подобная исторически сложившаяся практика производства судебно-медицинской экспертизы не нарушала общих правил проведения судебной экспертизы в уголовном процессе.

Совсем иначе обстоит дело с правовой оценкой последней редакции приказа № 491н в части оформления результатов исследования. Теперь следственно-судебные органы, вынося одно постановление с конкретными вопросами, получают от экспертного учреждения два, три и более самостоятельных заключений экспертов. При этом только одно из них составляется на основании постановления следователя или суда. Остальные – на основании направлений, вынесенных экспертом, и по вопросам, поставленным экспертом. Согласно п. 35 приказа № 491н «передача объектов сопровождается **заполнением направлений**, в которых указывают, кем и когда вынесено постановление (определение) о назначении экспертизы, обстоятельства дела, вопросы, **под-**

[8] Об утверждении порядка проведения судебно-медицинской экспертизы : Приказ № 491н от 25.09.2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лежащие разрешению при проведении дополнительного инструментального и (или) лабораторного экспертного исследования в конкретном структурном подразделении судебно-экспертной организации» (выделено автором).

Проиллюстрируем это конкретным примером. По факту обнаружения трупа гр. Т. с телесными повреждениями в области головы и тела было возбуждено уголовное дело № 12502**********10[9] и назначена судебно-медицинская экспертиза, производство которой было поручено ГБУ Республика Марий Эл «Бюро судебно-медицинской экспертизы» Звениговского РСМО. На разрешение эксперта следователем были поставлены вопросы:

– Какова причина смерти Т.?

– Имеются ли у Т. телесные повреждения? Если да, то каковы их количество, точное расположение, локализация, механизм и время образования?

– Каково количество травмирующих воздействий, какова их последовательность?

– Какова давность причиненных прижизненных повреждений?

– Какова степень тяжести каждого телесного повреждения, имеющихся у Т.?

– Каким предметом могли быть причинены телесные повреждения Т.?

– Принимал ли Т. незадолго до смерти алкоголь, и если да, то какой степени крепости, в каком количестве, за какое время до наступления смерти, какой степени опьянения соответствует обнаруженное количество алкоголя?

– В течение какого времени после нанесения телесных повреждений Т. мог передвигаться и совершать активные самостоятельные действия?

По окончанию экспертного исследования следователь получил пять самостоятельных заключений разных экспертов, за разными номерами. В заключении четырех экспертов было указано, что основанием для производства экспертизы является направление судебно-медицинского эксперта З. и постановление следователя С.

На разрешение экспертов, в частности, были поставлены вопросы (предлагаемый перечень не содержит все вопросы из 4 заключений экспертов):

– Количество травматологических воздействий.

– Механизм образования повреждений.

– Определение количества глюкозы, лактата в крови из синусов твердой мозговой оболочки и в крови из нижней полой вены.

Совершенно очевидно, что эти вопросы не были поставлены перед экспертами следователем. Если бы оформление результатов исследования оставалось частью общего экспертного исследования, то эти вопросы соответствовали бы этапам экспертного исследования. Однако в текущем варианте самостоятельных экспертиз мы приходим к тому, что первый эксперт (эксперт, полу-

[9] Материалы уголовного дела № 12502**********10 // Архив Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева».

чивший постановление следователя) сам изъял материал у трупа и сам его направил на экспертизу. Первый эксперт сам назначил новые экспертизы и сам сформулировал перед другими экспертами новые вопросы по своему усмотрению. Таким образом, мы, как и в 1919 г., наблюдаем очередное вторжение судебных медиков в область следственной работы.

Ст. 195 УПК РФ четко и однозначно определяет, кто может назначить судебную экспертизу, и в ней нет упоминания ни об экспертах вообще, ни о судебно-медицинских экспертах в частности. Даже если судебно-медицинские эксперты будут ссылаться на достаточно широко распространенную практику регистрации в экспертном учреждении одного постановления следователя несколькими номерами экспертов, это не то же самое, что выполняется ими сейчас в соответствии с приказом № 491н. Как правило, на одно постановление о назначении экспертизы регистрируют несколько номеров экспертиз по следующим основаниям: во-первых, если вопросы, поставленные в постановлении, относятся к компетенции различных судебных экспертиз, выполняются разными экспертами, не связаны и между собой производством. Во-вторых, если при постановлении предоставлено большое количество объектов исследования, так как в экспертных учреждениях присутствует та же «галочная» система учета работы экспертов. Если эксперт будет заниматься одной многообъектной экспертизой месяц, то по формальной оценке руководства это недостаточная нагрузка. Надо в месяц делать, например, три экспертизы. Поэтому за постановлением с большим количеством объектов регистрируют несколько номеров экспертных исследований. Но при этом основанием производства экспертиз является постановление следователя, а не другого эксперта. Вопросы, которые решаются в ходе выполнения этих нескольких экспертиз, сформулированы следователем, а не другим экспертом. Можно дискутировать, насколько это допустимо, но в любом случае это не нарушает положений УПК РФ, в то время как положение п. 35 приказа № 491н резко противоречит требованиям УПК РФ.

Представляется, что приказ № 491н от 25 сентября 2023 года «Об утверждении порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» не соответствует общим требованиям уголовно-процессуального законодательства о проведении судебных экспертиз. Следует пожелать, чтобы п. 35 и все связанные с ним положения приказа № 491н были отменены, как нарушающие законность.

Список источников

1. Россинская Е.Р. История становления института судебной экспертизы в России / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 12 (16). – С.18–37.

2. Горский М.В. Зарождение криминалистики в России в XIX веке / М.В. Горский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 3 (34). – С. 320–335.

3. Голобородько А.В. История развития судебно-экспертных учреждений в период Российской Империи / А.В. Голобородько, А.Г. Рябченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 10-3 (85). – С. 52–54.

4. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 462 с.

5. Чельцов М.А. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе / М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. – Москва : Госюриздат, 1954. – 280 с.

6. Гамбург А.М. Судебно-медицинская экспертиза саморанений : краткое пособие для врачей / А.М. Гамбург. – Киев ; Харьков : Госмедиздат УССР, 1946. – 72 с.

7. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России : монография / А.В. Кудрявцева. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. – 411 с.

8. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 / Р.С. Белкин. – Москва : Юрист, 1997. – 478 с.

9. Орлов Ю.К. Производство экспертизы в уголовном процессе : учебное пособие / Ю.К. Орлов. – Москва : ВЮЗИ, 1982. – 79 с.

10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография / С.А. Шейфер. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2024. – 240 с.

References

1. Rossinskaya E.R., Zinin A.M. History of the Institute of Forensic Expertise Formation in Russia. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),* 2015, no. 12, pp. 18–37. (In Russian).

2. Gorsky M.V. The Origin of Criminalistics in Russia in the 19th Century. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo,* 2018, no. 3, pp. 320–335. (In Russian).

3. Goloborodko A.V., Ryabchenko A.G. History of the Development of Forensic Institutions in the Period Russian Empire. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, no. 10–3 (85), pp. 52–54. (In Russian).

4. Vladimirov L.E. The Doctrine of Criminal Evidence. Tula, Autograph, 2000. 462 p. (In Russian).

5. Cheltsov M.A., Cheltsova N.V. Carrying out Expert Examination in Soviet Criminal Proceedings. Moscow, State Publ. House of Legal Literature, 1954. 277 p. (In Russian).

6. Hamburg A.M. Medical Examination of Self–Injury. Kyiv, Kharkov, State Medical Publ. House of the Ukrainian Soviet Socialist Republic. 1946. 72 p. (In Russian).

7. Kudryavtseva A.V. Forensic Expertise in Criminal Proceedings in Russia: Monograph. Chelyabinsk, Publ. House of SUSU, 2001. 411 p. (In Russian).

8. Belkin R.S. Course of Criminalistics. Moscow, Jurist. 478 p. (In Russian).

9. Orlov Yu.K. The Expertise Production in Criminal Proceedings. Moscow, All-Union Correspondence Institute of Law, 1982. 79 p. (In Russian).

10. Sheifer S.A. Evidence and Proving in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation: Monograph. 2nd ed. Moscow, Norma, INFRA-M, 2024. 240 p. (In Russian).

Информация об авторе

Надоненко Ольга Николаевна *– кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики*

Information about the Author

Nadonenko Olga Nikolaevna *– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Criminalistics*

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 22.09.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 22.09.2025.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.21

Славгородская Ольга Александровна
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
slavkur-htc@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6652-0744

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТАКТИКИ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ: К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАХ

Аннотация. В статье рассматривается важная роль нравственности в криминалистике, подчеркивается ее фундаментальное значение в борьбе с преступностью. Исследуется парадокс, при котором нравственные категории, несмотря на их значимость в процессе расследования преступлений, не имеют должного правового закрепления. В статье акцентируется внимание на том, что вопросы нравственности формируют общественные отношения, которые являются носителями базовых ценностей и психологических установок, необходимых для нормального функционирования общества и государства. Освещаются вопросы подготовки, а также работы следователей через призму моральных установок. Рассматриваются позиции нравственно-исторического подхода в криминалистике. Отдельное внимание уделено влиянию воспитательного процесса допроса свидетелей при расследовании преступных последствий буллинга. Делается вывод о целесообразности развития нравственных основ тактики допроса свидетелей.

Ключевые слова: допрос, информация, несовершеннолетний, нравственность, психологический контакт, свидетель, следователь, буллинг

Для цитирования: Славгородская О.А. Перспективы развития тактики допроса свидетеля: к вопросу о нравственных основах / О.А. Славгородская. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.21 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 217–228.

Original article

Slavgorodskaya Olga Alexandrovna
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, slavkur-htc@yandex.ru
https://orcid.org/ 0000-0001-6652-0744

PROSPECTS FOR THE WITNESS QUESTIONING TACTICS: ON THE MORAL FOUNDATIONS

© Славгородская О.А., 2025

Abstract. The article examines the important role of morality in forensic science, emphasising its fundamental significance in the fight against crime. It is a paradox that moral categories, despite their importance in the process of investigating crimes, do not have proper legal anchoring. The article highlights that the questions of morality form social relations, which embody the basic values and psychological attitudes necessary for the normal functioning of the society and the state. The questions of training, as well as the work of investigators through the lens of moral attitudes are covered. The author discusses the moral-historical approach in forensic science. The special attention is given to the influence of the educational process during the questioning of witnesses while investigating the criminal consequences of bullying. It is concluded that the development of a moral framework for the witnesses' interrogation is desirable.

Keywords: questioning, information, minor, morality, psychological contact, witness, investigator, bullying

For citation: Slavgorodskaya O. A. Prospects for the Witness Questioning Tactics: on the Moral Foundations**.** *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 217–228. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.21.

Введение. Нравственность для криминалистики является особенной категорией. Общая задача криминалистики, состоящая в содействии правоохранительным органам в борьбе с преступностью, по своей сути ориентирована на решение вопросов нравственного характера. Нарушение норм морали, закрепленное в праве, издревле образует категорию преступления. Криминалистика, разрабатывая эффективные способы раскрытия и расследования преступлений, опирается на фундамент, в котором наряду с иными базовыми категориями важное место занимает нравственная составляющая. Одновременно складывается парадоксальная ситуация, когда нравственность, имея фундаментальное значение, не имеет правового закрепления. В тоже время вопросы нравственности в различных вариантах являются объектом пристального исследования [1–3]. В том числе, оценивая современное состояние данного понятия, следует отметить, что его характеризуют через общественные отношения, выступающие носителями фундаментальных ценностей, психологических установок, условий нормального функционирования и развития общества и государства [4, с. 10].

Решение задач тактического характера при производстве допроса, несомненно, требует обращения к рассмотрению вопросов нравственности. Этими обстоятельствами предопределено обращение к рассмотрению особенностей тактики допроса свидетелей через призму нравственных основ.

Нравственные основы тактики допроса свидетелей. В ходе расследований преступлений показания, предоставляемые свидетелями, играют важную роль источника криминалистически значимой информации. Однако сбор и ис-

пользование этих сведений традиционно сопровождается определенными сложностями.

Будучи субъективными по своей природе, свидетельские показания отражают информацию о конкретном происшествии или лицах через индивидуальное восприятие. Это обстоятельство обуславливает, с одной стороны, исключительную ценность и неповторимость получаемых данных, а с другой – вероятность присутствия в сообщаемой информации неточностей или искажений. Подобные искажения могут оказать существенное влияние на установление всех обстоятельств в ходе уголовного судопроизводства.

Повышение качества получаемой при допросе свидетелей информации представляет одно из направлений совершенствования криминалистической тактики. Процесс поиска возможностей решения данной задачи ведется по различным направлениям. К одному из таких направлений следует отнести рассмотрение возможностей оказания воспитательного воздействия на свидетелей в процессе допроса. В современной криминалистике вопросы морали и нравственности на протяжении долгого времени не относились к первостепенным областям исследования. Последствия ухода вопросов нравственности на второй план порождают множество проблем в правоприменительной практике и негативно сказываются на определении направления развития научных изысканий. Смещение вектора научных исследований в сторону цифровизации и технологизации несомненно обусловлено объективными процессами прогресса. Однако подобная переориентация неизбежно приводит к тому, что вопросы изучения человека, который является центральным объектом в криминалистике, приобретают статус второстепенных. Преступления всегда совершаются человеком, и расследуются преступления тоже человеком, и оснащенность человека достижениями прогресса является продуктом человеческой деятельности. Наука и нравственность всегда находились в тесной взаимосвязи.

Академик А.Д. Александров полагал, что ответственное отношение к делу проявляется в стремлении учитывать все обстоятельства объективно, в духе науки, в неустанном поиске наилучших способов достижения нравственной цели [5, с. 66]. Нравственность науки всегда представлялась как аксиома. Наука и нравственность в своей взаимосвязанности обуславливали прочный фундамент получения знаний.

В связи с этим возникает вопрос: как оценивать текущую ситуацию в криминалистике? Ведь это наука, ориентированная на оптимизацию расследования преступлений и, следовательно, напрямую связанная с вопросами нравственного характера.

В свое время в работе профессора В.И. Комиссарова, посвященной следственной тактике, в качестве ее базиса были определены нравственные основы, сформированные из положений морали и этики. При этом, как отмечал ученый, нравственные основы следственной тактики способствуют формированию и эти-

ческих основ, и морального наполнения криминалистических рекомендаций для возможности их использования в практической деятельности [6, с. 95].

На сегодняшний день нравственные принципы не получили однозначного и конкретного отражения в правовой системе. Примечательно, что действующее законодательство не содержит моральных и нравственных императивов, которые могли бы служить ориентиром при оценке действий в сфере уголовного судопроизводства. Поскольку криминалистика и уголовный процесс находятся в тесной взаимосвязи, то и ориентированность разрабатываемых рекомендаций на закрепленные в законе требования должна наиболее полно отражать сложившуюся парадигму развития.

Субъективность нравственных понятий, выражающаяся в отсутствии устоявшихся категорий, на основе которых возникают криминалистические рекомендации, требует обращения к базовым принципам уголовного процесса. В свою очередь принципы уголовного процесса соотносятся с традиционными нормами морали и этики, отражающими представление о нравственности на текущем этапе общественного развития [7, с. 436].

В монографии Н.С. Алексеева, В.Г. Даева, Л.Д. Кокорева «Очерк развития науки советского уголовного процесса» подчеркивалось, что «в юридической литературе никем не оспаривается положение о том, что любые приемы, связанные с проведением следственных, судебных действий, должны непременно соответствовать правовым и нравственным требованиям» [8, с. 90].

Следовательно, можно констатировать необходимость соответствия нравственным требованиям всего, что приходит в криминалистику вместе с новыми технологиями, достижениями прогресса, использованием искусственного интеллекта. Опора на сложившиеся традиции и принципы позволяет сбалансированно внедрять новые достижения и учитывать имеющийся опыт. Это требование должно быть ориентиром для всех разделов и элементов криминалистики. Тактика допроса свидетелей не является исключением. Необходимо отметить, что именно при допросе свидетелей у следователя возникает возможность максимально реализовать воспитательное воздействие на свидетелей. Однако такая возможность может быть реализована при соответствии самого лица, осуществляющего расследование, самым высоким нравственным ориентирам. Это осуществимо, если нравственное отношение к процессу расследования становятся его неотъемлемой частью.

Следователь, осуществляющий допрос, должен обладать рядом качеств и навыков, которые помогут ему не только собрать информацию, но и реализовать воспитательную функцию во взаимодействии со свидетелями. Среди этих качеств следует отметить: эмпатию, помогающую создать доверительную атмосферу; коммуникабельность, способствующую установлению психологического контакта; наличие моральных принципов, которые проявляются в понимании своей роли в судьбах людей и стремлении к справедливости. Воспита-

ние и развитие всех этих качеств является одним из элементов, характеризующих высокий уровень деятельности лица, осуществляющего расследование. Однако, по справедливому утверждению профессора И.А. Макаренко, в настоящее время поднимать эти вопросы в научной среде представляется достаточно сложным [9, с. 58]. Высокий уровень нагрузки при отсутствии надлежащих материальных стимулов порождает проблему профессионального выгорания, которая требует самостоятельного изучения. Однако, несмотря на непростую ситуацию, необходимо предпринимать попытки ее изменения. Одним из таких способов может явиться придание ей публичности через научные публикации и выступления. В данном контексте, всё, что связано с исследованием вопросов нравственности, представляет интерес.

Один из подходов обращения к вопросам нравственности ориентирован на активное развитие и популяризацию нравственно-исторической школы криминалистики. В контексте данного направления в качестве приоритетного рассматривается необходимость обучения будущих и практикующих юристов тактическим приемам, технологиям и методикам, основанным на четких моральных принципах. В процессе обучения важно демонстрировать негативные последствия злоупотреблений на конкретных исторических примерах, показывая их влияние на жизнь людей. При этом приоритетом должно быть воспитание гуманизма, гражданской смелости, патриотизма, преданности делу борьбы с преступностью и способности противостоять коррупции. Отдельно подчеркивается, что обладание профессиональными навыками без развитого нравственного компаса делает выпускника юридического вуза неэффективным, а в худшем случае – подверженным злоупотреблениям, что может привести к негативным последствиям для окружающих и для него самого. Важность исторического подхода в преподавании криминалистики также обусловлена недостаточным знанием важной исторической информации среди молодого поколения, как в общественной жизни, так и в сфере следствия и правоприменения [10, с. 84].

Вопросы высоких требований к лицу, осуществляющему расследование, всегда были интересом ученых, особенно тех, кто успешно сочетал научную и практическую деятельность и знал истинную цену всем аспектам следственной деятельности. Профессор В.А. Дубривный отмечал, что «следователь не может работать, «добру и злу внимая равнодушно». Он должен быть противником зла и неустанным поборником добра, верно служить своему делу, своему народу. Бездеятельностью ума, отсутствием совести можно объяснить такое отношение следователя к делу, когда он не желает глубоко анализировать обстоятельства совершенного преступления, ленится разобраться в имеющихся противоречиях, утешая себя при этом мыслью, что если и допущена с его стороны ошибка, то ее исправит прокурор или суд» [11, с. 17–18]. Профессор Л.Л. Каневский отмечал творческий характер работы следователя и необходимость оказания воспитательного воздействия на всех участников уголовного судопроизводства [9, с. 59]. Следовательно, избегать ошибок, устанавливать максимально полно и

объективно все обстоятельства совершенного преступления позволяют не только полученные знания, навыки, но и осуществление своей профессиональной деятельности через призму нравственного отношения. Формирование подобного отношения должно начинаться еще в период обучения.

Лицо, осуществляющее расследование, обладающее всеми качествами настоящего профессионала, имеет возможность провести допрос свидетеля таким образом, что информация, которой он обладает, будет сообщена максимально полно и объективно, поскольку лицо будет ориентированно на выполнение своей функции оказания содействия следствию.

Реализация нравственно-исторического подхода к передаче знаний представляется весьма интересной, но не единственной гранью нравственных основ в криминалистике.

Влияние следователя на правосознание несовершеннолетних свидетелей. Рассматривая нравственные основы воспитательного воздействия лица, осуществляющего производство по уголовному делу, принято в первую очередь исследовать воздействие, оказываемое на подозреваемых, обвиняемых и потерпевших. Свидетелям как субъектам, на которых процесс участия в уголовном судопроизводстве способен также оказать существенное влияние, традиционно практически не уделяется внимание. Однако участие свидетелей, особенно несовершеннолетних, в уголовном судопроизводстве способно повлиять на формирование активной жизненной позиции либо, напротив, подтолкнуть несовершеннолетних к позиции правового нигилизма. Ключевая роль в подобных ситуациях отводится непосредственно лицу, производящему расследование. По мнению В.И. Комиссарова, нравственные основы следственной тактики проявляются в формировании наиболее правильных и этически оправданных взаимоотношений между участниками предварительного расследования. В результате их взаимодействия оказывается положительное влияние на воспитание лиц, проходящих по делу, и перевоспитание преступников [6, с. 95]

Осуществление производства по уголовному делу, как уже отмечалось ранее, требует от лица, его производящего, значительных физических, моральных, эмоциональных, психологических затрат. Процесс расследования при подобных условиях вызывает у следователя состояние эмоциональной опустошенности, которая способствует формированию чувства отстраненности, формального отношения к проведению допроса свидетелей и в целом отсутствия доверия к сообщаемой свидетелями информации. Негативная трансформация проявляется в оказании недопустимого воздействия на свидетелей, путем угроз, а в результате в совокупности с иными обстоятельствами формирует отрицательное отношение свидетелей к выполнению своей обязанности по даче показаний.

Нарастающее отрицательное воздействие участия в допросах усиливается и перерастает в общее нигилистическое отношение лица к возможности участвовать в уголовном судопроизводстве. Нежелание, возникающее у свиде-

телей применительно к необходимости являться по вызову лица, производящего расследование, и суда для дачи показаний, укрепляется при дополнении его негативным отношением со стороны лиц, производящих допрос.

Свидетели, участвовавшие в опросе относительно личного восприятия обстановки проведенного допроса, отмечают формальное отношение к ним со стороны самого следователя, недоверие к сообщаемой информации, отсутствие должного уважения и даже оказываемое на свидетеля давление. Выявление данных закономерностей определяет в качестве первоочередных задач потребность выделения таких базовых элементов тактики допроса свидетелей, как ориентированность на изучение свидетеля, создание условий для формирования психологического контакта и установление базовых способов оценки показаний свидетеля с позиции их полноты и объективности.

Определяющим элементом успешно проведенного допроса свидетелей, несомненно, можно назвать установление психологического контакта, который реализуется посредством уважительного, внимательного и корректного отношения следователя к свидетелю [6, с. 127].

Влияние личности следователя на процесс формирования правосознания несовершеннолетних традиционно связывалось с оказанием воспитательного воздействия на несовершеннолетнего обвиняемого. К качествам, которыми должен обладать следователь, вполне обосновано отнесены нравственная чистота, политическая зрелость, высокое чувство ответственности за результаты своего труда, нетерпимость к фактам правонарушений, наличие фундаментальных знаний юридических наук, общая широкая образованность, стремление к постоянному совершенствованию своих знаний. Отдельное внимание привлекает необходимость любви к подрастающему поколению, умение понимать их внутренний мир, потребности, владение основами педагогических знаний и др. Однако, указывая на необходимость формирования у несовершеннолетних понимания важности соблюдения законов, поддержания порядка, исследователи подчеркивают возможность использования авторитета личности следователя, его позитивные личностные качества и профессиональные черты применительно только к правонарушителям [12, с. 13].

Но при совершении правонарушений несовершеннолетними, помимо самих нарушителей, в данный процесс очень часто оказывается вовлечено значительное количество иных подростков, на которых происходящие события зачастую оказывают весьма значительное воздействие и способны определить вектор развития личности. К их числу необходимо относить не только потерпевших, но и свидетелей [13, с. 195]. Аналогичный подход к формированию отношения ко всем участникам уголовного судопроизводства, обеспечивающего уважение к закону и нравственным нормам и правилам в целях максимального достижения задач расследования, встречается в различных источниках [14].

Воспитательная функция следователя в контексте допроса несовершеннолетних свидетелей буллинга. Несовершеннолетние участвуют в качестве

свидетелей по разнообразным категориям преступлений и в каждой ситуации имеются свои особенности последствия привлечения подростков и молодежи к свидетельствованию. В настоящее время достаточно распространенными стали ситуации, когда явление, известное как «буллинг», приводит к последствиям, имеющим уголовно-правовой характер. Это может проявляться и в том, что жертва, пытаясь прекратить мучения, принимает решение уйти из жизни. В 13,4% случаев суицид у несовершеннолетних происходит из-за травли в школе[1]. В иных случаях жертва буллинга принимает решение расправится со своими обидчиками и зачастую такая расправа осуществляется весьма жестокими способами. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что в 75% стрельба в школах является последствием буллинга[2]. При проведении расследования следователи сталкиваются с необходимостью общаться с большим числом сверстников тех, чьи действия привели к возникновению криминальных ситуаций. Эти лица, являются свидетелями многих обстоятельств, которые предшествовали расследуемому событию. Допросы данных свидетелей имеют свою специфику не только в тактическом плане, но и несут на себе необходимость реализовать воспитательную функцию, опирающуюся на чувство нравственного долга самого следователя.

Следователь должен не только суметь определить уровень доверия, который испытывают к нему подростки, чтобы, оценивая характер сообщаемой информации, понимать степень ее объективности. В сложных случаях возникает необходимость в привлечении специалистов для полноценного решения данного вопроса. Однако подобные возможности одновременно характеризуются неоднозначностью получаемых результатов [15]. Следователю при работе с подобной категорией свидетелей необходимо уметь осуществлять профилактическое воздействие на подростков в сочетании с укреплением у них чувства защищенности. Выясняя обстановку, в которой происходила травля, устанавливая роли каждого из ее участников, лицо, осуществляющее расследование, начинает взаимодействовать с теми, кто долгое время являлся очевидцем. По результатам проведенных исследований имеются данные о том, что они порой даже чаще, чем жертвы, сообщают о симптомах депрессии, тревоге и чувстве незащищенности. В поведении свидетелей присутствуют навязчивые мысли, печаль, эмоциональное истощение, стыд, чувство вины, гнев, страх, беспокойство, вспышки гнева и уход в себя. В сравнении с теми

[1] Озерова Л. Факторы, провоцирующие суицидальное поведение у подростков [Электронный ресурс]. URL: https://psygazeta.ru/rubriki/god-nauki/4973-faktory-provotsiruyushchie-suitsidalnoe-povedenie-u-podrostkov.html (дата обращения: 29.07.2025)

[2] Лантратова Я. Буллинг является самой частой причиной подростковых суицидов [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/video/2024/01/29/yana-lantratova-bulling-yavlyaetsya-samoy-chastoy-prichinoy-podrostkovykh-suicidov.html (дата обращения: 23.07.2025)

детьми, которые не сталкивались с издевательствами, у свидетелей буллинга выше уровень тревоги и риск возникновения депрессии [16, 17].

Роль следователя не является ключевой при решении вопросов о стабилизации психического состояния подростков. Однако его авторитет, влияние и значимость как лица, осуществляющего от имени государства функцию расследования, способны оказать наиболее серьезное влияние на несовершеннолетних.

Высокий уровень профессионализма следователя, его небезразличие к судьбам подростков – это те нравственные ориентиры, опираясь на которые при проведении допроса, возможно не только достичь цели получения полных и объективных показаний, но и сформировать у свидетелей чувство защищенности, понимания возможностей дальнейшего развития, уверенности в собственных силах, укрепления доверия к правоохранительным органам.

Заключение. Вопросы нравственности играют ключевую роль в развитии тактики допроса свидетелей. В целях повышения полноты и достоверности свидетельских показаний необходимо учитывать моральные основы их получения. Проблема недостаточного акцента на нравственные принципы в уголовном процессе требует пересмотра подходов к обучению и дальнейшей деятельности следователей. Внимание следует уделять развитию эмпатии, коммуникабельности и этических стандартов, реализуемых в сочетании с воспитательным воздействием на несовершеннолетних свидетелей при проведении допроса. В совокупности, изменение всей парадигмы развития тактики допроса свидетелей в развитии нравственных основ будет способствовать повышению качества расследования преступлений.

Список источников

1. Гришина Е.П. Нравственный критерий криминалистической тактики производства следственных действий как теоретико-прикладной феномен / Е.П. Гришина, Ю.Е Левеев // Вестник Российской таможенной академии. – 2008. – № 2 (3). – С. 90–94.

2. Козявин А.А. Уголовное судопроизводство современной России как объект ценностно-нравственного обоснования / А.А. Козявин // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 30–36.

3. Нравственные начала в уголовном процессе. К 177-й годовщине со дня рождения А.Ф. Кони : материалы Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 13 февраля 2021 г. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – Санкт-Петербург, 2021. – 64 с.

4. Фомичев А.А. Содержание нравственности как объекта конституционно-правовой защиты / А.А. Фомичев // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. – 2019. – № 1. – С. 5–12.

5. Александров А.Д. Научная установка нравственности / А.А. Александров // Наука и нравственность : сборник статей. – Москва : Политиздат, 1971. – С. 26–73.

6. Комиссаров В.И. Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.И. Комиссаров. – Москва, 1977. – 191 с.

7. Подольный Н.А. Система принципов уголовного судопроизводства как система нравственных ценностей / Н.А. Подольный // Lex Russica. – 2014. – № 4. – С. 429–436.

8. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1980. – 251 с.

9. Макаренко И.А. Развитие идей профессора Л.Л. Каневского в современной криминалистике / И.А. Макаренко // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 56–59.

10. Жегалов А.Е Нравственно-историческая школа криминалистики / А.Е. Жегалов // Юридическая наука и практика. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 82–86.

11. Дубривный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений / В.А. Дубривный. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 94 с.

12. Белякова И.М. О воспитательном воздействии следователя в отношении несовершеннолетних в условиях становления правового государства / И.М. Белякова, И.А. Ложкова // Эпоха науки. – 2017. – № 9. – С. 11–15.

13. Зайнуллин Р.И. Криминалистическая защита прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Постановка проблемы / Р.И. Зайнуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 2. – С. 194–204.

14. Носов Ю.М. Соблюдение следователем нравственных правил при производстве предварительного следствия по уголовному делу / Ю.М. Носов // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. – 2009. – № 2. – С. 77–79.

15. Халиуллина А.Ф. К вопросу о достоверности заключения эксперта и специалиста при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних / А.Ф. Халиуллина // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 1 (25). – С. 216–221.

16. Волкова Е.Н. Социально-психологические и личностные особенности подростков – свидетелей буллинга / Е.Н. Волкова, И.В. Волкова // Вестник Минского университета. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 10.

17. Щербаков В.В. Последствия школьной травли для свидетелей // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2023. – № 1. – С. 36–41.

References

1. Grishina E.P., Leveev Yu.E. Moral Criterion of Forensic Tactics of Investigative Actions as a Theoretical and Applied Phenomenon. *Vestnik of Russian Customs Academy*, 2008, no. 2 (3), pp. 90–94. (In Russian).

2. Kozyavin A.A. Criminal Proceedings in Modern Russia as an Object of Moral Justification. *Judicial Authority and criminal proces*, 2015, no. 4, pp. 30–36. (In Russian).

3. Kalinovsky K.B., Zashlyapin L.A. (eds.). Moral Principles in Criminal Proceedings. *On the 177th Anniversary of A.F. Koni Birth. Proceedings of the All-Russian Round Table, St. Petersburg, February 13, 2021*. North-West Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, 2021. 64 p. (In Russian).

4. Fomichev A.A. Content of Morality as an Object of Constitutional and Legal Protection. *IKBFU's Vestnik*, 2019, no.1, pp. 5–12. (In Russian).

5. Aleksandrov A.D. Scientific Attitude to Morality. *Science and Morality: Collection of Articles.* Moscow, Politizdat, 1971, pp. 26–73. (In Russian).

6. Komissarov V. I. Scientific, Legal and Moral Bases of Investigative Tactics. *Cand. Diss.* Moscow, 1977. 191 p. (In Russian).

7. Podolny N.A. The System of Criminal Proceedings' Principles as a System of Moral Values. *Lex Russica*, 2014, no. 4, pp. 429–436. (In Russian).

8. Alekseev N.S. Essay on the Development of the Science of Soviet Criminal Procedure. Voronezh, Publ. House of Voronezh University, 1980. 251 p. (In Russian).

9. Makarenko I.A. The Development of Professor L.L. Kanevsky's Ideas in Contemporary Criminalistics. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2024, no. 2, pp. 56–59. (In Russian).

10. Zhegalov A.E. Moral and Historical School of Criminalistics. *Juridical science and practice*, 2020. vol. 16, no. 2, pp. 82–86. (In Russian).

11. Dubrivny V.A. Activities of the Investigator in Investigating Crimes. Saratov, Saratov University Publ. House, 1987. 94 p. (In Russian).

12. Belyakova I.M., Lozhkova I.A. On the Educational Influence of the Investigator on Minors in the Context of the Rule of Law State Formation. *Epoch of Science*, 2017, no. 9, pp. 11–15. (In Russian).

13. Zainullin R.I. Criminalistic Protection of the Rights of Minor Victims and Witnesses. Problem Statement. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2021, no. 2, pp. 194–204. (In Russian).

14. Nosov Yu.M. The Investigator's Moral Rules Compliance during the Preliminary Investigation of a Criminal Case. *Bulletin of the Ural Branch of the International Union of Assistance to Justice,* 2009. no. 2, pp. 77–79. (In Russian).

15. Khaliullina A.F. On the Credibility of Expert and Specialist Findings in Crime Investigations Involving Minors· *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 1 (25), pp. 216–221. (In Russian).

16. Volkova E.N., Volkova I.V. Socio-Psychological and Personal Characteristics of Adolescents Who Witness Bullying. *Vestnik of Minsk University*, 2020, vol. 8, no. 4. 10 p. (In Russian).

17. Shcherbakov V.V. Consequences for School Harassing for Witnesses. *Scientific Review. Pedagogical Science*, 2023, no. 1, pp. 36–41. (In Russian).

Информация об авторе

Славгородская Ольга Александровна *– кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики*

Information about the Author

Slavgorodskaya Olga Alexandrovna *– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Criminalistics*

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.
The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.22

Халиуллина Айгуль Фаатовна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
aigul229@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-4193-2832

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СВЕДУЩИМ ЛИЦАМ, ПРИВЛЕКАЕМЫМ К РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В публикации раскрываются основные требования, предъявляемые к сведущим лица, которых привлекают в ходе расследования или судебного рассмотрения уголовных дел, совершаемых с участием несовершеннолетних. Большая роль в расследовании этих преступлений принадлежит лицам, которые обладают специальными знаниями. В свою очередь, выбор указанных лиц определяется уровнем их компетенции. В статье проводится анализ самого понятия «компетенция сведущих лиц», расписаны основные требования к компетенциям сведущих лиц и способ их формирования. Также в статье уделено отдельное внимание тому, что специалист и эксперт, участвующие в расследовании преступлений, должны быть независимыми и незаинтересованными в исходе дела. Цель: рассмотреть и обосновать значимость, целесообразность участия компетентных, независимых и незаинтересованных сведущих лиц в расследовании преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних. Методы: положения материалистической диалектики, теория познания и общая теория криминалистики. В ходе исследования использовались общенаучные и частно-научные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, научный прогноз, описание, формально-правовой, исторический, сравнительно-правовой и статистический методы. Результаты: исследование позволило разработать систему криминалистически значимых критериев, обуславливающих выбор лиц, обладающих специальными знаниями, при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, специальные знания, эксперт, специалист, форма использования специальных знаний, способ совершения преступления, сведущие лица, компетентность, независимость, незаинтересованность

Для цитирования: Халиуллина А.Ф. Требования, предъявляемые к сведущим лицам, привлекаемым к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних/ А.Ф. Халиуллина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.22 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 229–236.

© Халиуллина А.Ф., 2025

Original article

Khaliullina Aigul Faatovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
aigul229@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-4193-2832

REQUIREMENTS FOR EXPERTS INVOLVED IN THE CRIMES INVESTIGATION WITH MINORS

Abstract. The paper reveals the main requirements for experts who are involved in the criminal cases investigation with minors. A major role in the investigation of these crimes belongs to persons who have special knowledge. At the same time, the selection of such persons is determined by their level of competence. The article analyses the very concept of "experts' competence", the basic requirements for the experts' competence and the method of their formation. The author also pays special attention to the fact that specialists and the experts involved in the investigation of crimes must be independent and disinterested in the case. Purpose: to examine and justify the importance and appropriateness of the participation of competent, independent and disinterested knowledgeable persons in the crimes investigation with minors. Methods: the principles of materialist dialectics, epistemology and general criminology theory are used. The author also uses general and specific scientific methods: analysis, synthesis, deduction, induction, scientific forecasting, and description, formal legal, historical, comparative legal and statistical methods. Results: the study allowed us to develop a system of forensically significant criteria that determine the selection of persons with special knowledge when investigating crimes with minors.

Keywords: minors, special knowledge, expert, specialist, form of using special knowledge, modus operandi, experts, competence, independence, disinterest

For citation: Khaliullina A. F. Requirements for Experts Involved in the Crimes Investigation with Minors. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, № 3, pp. 229–236. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.22

Введение. Значимую роль в расследовании преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних, занимают сведущие лица, которые должны обладать определенным набором компетенций, подтверждающих их профессионализм. Проверка сведущих лиц на соответствие предъявляемым требованиям формирует не только доверие к ним как участникам уголовного судопроизводства, оказывающим содействие сторонам и суду в установлении обстоятельств преступления, но и позволяет убедиться в отсутствии препятствий к использованию специальных познаний при производстве по конкретному уго-

ловному делу. Именно качества, подтвержденные проверкой, способны гарантировать привлечение сведущих лиц вполне компетентных и профессионально подготовленных для решения конкретных задач. Здесь, однако, мало иметь специальное образование или квалификацию, нужен ещё и опыт использования наиболее эффективных методов и средств для достижения этих целей. Только с опытом сведущие лица приобретают и репутацию в профессиональной среде, и доверие со стороны правоохранительных и судебных органов. «Доверие к сведущим лицам как к достоверным источникам специальной информации, – писал А.А. Эксархопуло, – в общественном сознании формировалось по мере приобретения ими репутации людей, честно и профессионально исполняющих свой служебный долг». И далее, рассуждая о развитии института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России, автор отметил, что этих качеств «сведущие лица добивались в прошлом, благодаря своей безукоризненной репутации высоких профессионалов, к которым судебные деятели могли относиться с полным доверием и убежденностью в их объективности, беспристрастности, бескомпромиссности в решении принципиальных вопросов» [1, с. 30].

Проблемы проверки компетентности сведущих лиц. Только убедившись, что сведущее лицом обладает нужными качествами, следователь или суд вправе ожидать получения от него достоверной информации об исследуемом событии. Некомпетентность же, необъективность, личная заинтересованность сведущих лиц в исходе дела способны привести при решении поставленных перед ними задач не только к ошибкам, но и к более серьёзным последствиям – даче заведомо ложных заключений, утрате или умышленному искажению полученной доказательственной информации и, в итоге, к принятию неправосудных решений по уголовному делу. По делам о преступлениях несовершеннолетних риск осуждения невиновного на основании результатов неквалифицированной или заведомо некачественной работы сведущего лица приобретает характер особо опасного явления, формирующего мировоззрение и психику подростка, осознающего явную несправедливость по отношению к нему, допущенную системой порочного правосудия.

Важно, однако, не просто провозгласить требования к качествам сведущих лиц, обладание которыми является обязательным условием их участия в деле и обосновать необходимость им соответствовать, но и обеспечить проверку наличия этих качеств у сведущих лиц. Между тем, в значительной части работ, посвящённых проблеме использования специальных знаний в уголовном процессе, авторы ограничивались в основном перечислением самих требований, предъявляемых законом к сведущим лицам, и кратким описанием общих правил проведения проверок, позволяющих в лучшем случае предположительно оценивать качества проверяемых лиц. По мнению Е.Р. Россинской, компетенции судебных экспертов рассматриваются в нескольких позициях: «Во-первых, это круг полномочий, прав и обязанностей эксперта, которые определены законодательством. Во-вторых, это комплекс знаний в области

теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида. Различают объективную компетенцию, т.е. объем знаний, которыми должен владеть эксперт, и субъективную компетенцию (компетентность) – степень, в которой конкретный эксперт владеет этими знаниями» [2, с. 43].

О.Г. Дьяконова перечисляет следующие элементы компетентности сведущих лиц: «1) знания в одной или нескольких областях специальных знаний; 2) знания в области судебной экспертологии, включая концептуальные основы судебной экспертологии, правовое и организационное обеспечение применения и использования специальных знаний в юрисдикционной деятельности, а также судебно-экспертные технологии; 3) знания в области цифровых технологий, в число которых входит не только владение компьютерно-техническими средствами и программным обеспечением, но и прежде всего знания об изменяющейся природе объектов под влиянием цифровизации и о новых методах их исследования» [3, с. 18].

Главным элементом компетентности экспертов является наличие высшего образования в сфере экспертологии, а к специалистам, по мнению многих ученых, таких требований выдвигать не обязательно.

В частности, каков статус и пределы полномочий тех участников производства по делу, на ком лежит обязанность проводить такую проверку, в каких источниках следует искать информацию.

Что касается обладания нужными качествами конкретным сведущим лицом, привлекаемым к производству по делу, то способы их проверки также сводились исключительно к мерам, рекомендованным законом. А этого часто оказывалось недостаточно. За рамками формально проводимых проверок оставалось множество вопросов, которым не уделялось должного внимания. О компетентности, степени зависимости или заинтересованности сведущих лиц. Наконец, каковы могут оказаться последствия ошибочной оценки качеств сведущих лиц, допущенных к участию в расследовании и рассмотрении уголовного дела, и кто должен нести ответственность за результаты их работы. И это далеко не полный перечень вопросов, нуждающихся в решении.

Легко сказать, что сведущее лицо должно быть компетентным, независимым, беспристрастным, объективным, незаинтересованным в деле и т.д. Но по каким критериям оценивать те или иные качества сведущих лиц, ни закон, ни наука, по большому счёту, не говорят. Достаточно ли для подтверждения, например, его компетентности представления документов об образовании и стаже работы по специальности? Можно ли вполне естественную для законопослушного гражданина заинтересованность в раскрытии любого злодеяния рассматривать в качестве препятствия для привлечения разделяющего такую позицию сведущего лица к производству по уголовному делу? Наверное, нет. И можно ли быть уверенным в независимости сведущего лица, установив, что ни родственные, ни дружеские отношения не связывают его с участниками рас-

следования или судебного рассмотрения дела и что у сведущего лица не существует с ними никаких иных отношений – ни личных, ни деловых? Гарантирует ли неустановленное в ходе проверки существование таких связей и отношений независимость сведущего лица, привлекаемого к участию в деле? Тем более что его зависимость или заинтересованность может быть обусловлена и иными причинами, например, завистью к успехам обвиняемого, с которым сведущее лицо может быть даже не знакомо, желанием мстить определенной категории граждан, сформированным нечистоплотной пропагандой, ненавистью, воспитанной на национальной почве, в частности антисемитизмом, и т. д.

Несоответствие сведущих лиц предъявляемым к ним требованиям, исключает возможность выполнения ими своих обязанностей, основанных на использовании специальных знаний и навыков. Однако судить об отсутствии у сведущих лиц нужных качеств можно, только проведя соответствующую проверку. Важнейшее качество, которому должны соответствовать все сведущие лица и которое надлежит проверить первым, – это обладание специальными знаниями или навыками, необходимыми для решения поставленных перед ними задач. Выявленная в ходе проверки некомпетентность или её недостаточный уровень, с одной стороны, является основаниями для отвода сведущего лица (ст.ст. 69, 70, 71 УПК РФ[1]), с другой –порождает его обязанность самоустраниться от участия в производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 62 УПК РФ[2]). При осознании специалистом или экспертом собственной некомпетентности такое самоустранение, выраженное в форме отказа от выполнения поручения следователя (суда), становится одновременно и их законным правом (п. 6 части 3 ст. 57, п. 1 части 3 ст. 58 УПК РФ[3]). Из этих нормативных правил следует, что проверка компетентности сведущих лиц имеет смысл только в случаях, когда отказ участвовать в производстве по делу от них не последовал либо последовал, но без изложения его мотивов.

Что касается компетентности экспертов и специалистов, которые проводят исследования и дают заключения по делам, где субъектами таких исследований являются несовершеннолетние, мы выявили следующие особенности:

1) специалист, участвующий в осмотре места происшествия, должен уметь проводить диагностические исследования следов на предмет возможности оставления обнаруженных следов несовершеннолетними;

2) педагог или психолог, участвующий в производстве следственных действий, должен хорошо владеть психологией подростков и желательно участие в таких следственных действиях нейропсихологов, которые способны

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

установить когнитивные способности подростков и дать оценку показаниям несовершеннолетних;

3) в ходе производства судебно-медицинской экспертизы потерпевших несовершеннолетних экспертам стоит проводить такие исследования с участием врача-психиатра для того, чтобы определить, не наступило ли у несовершеннолетнего потерпевшего психическое расстройство, которое можно квалифицировать как причинение тяжкого вреда здоровью;

4) при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 242.1 УК РФ[4], следует назначать комплексные экспертизы материалов с предположительно порнографическими изображениями несовершеннолетних, приглашая при этом специалистов искусствоведов, сексологов, психологов и судебной медицины.

Законом и ведомственными нормативными актами определен также круг должностных лиц, обязанных проводить проверку компетентности и соответствия сведущих лиц иным требованиям. Кто из них и кого должен проверять, зависит от процессуального статуса самого сведущего лица и места его работы. В частности, если речь идёт о направлении в распоряжение следователя специалиста, работающего в судебно-экспертном учреждении (в системе МВД – экспертно-криминалистическом подразделении – ЭКП), то первым, кто обязан проверить и убедиться в его компетентности, должен быть руководитель данного учреждения. Об этом говорится в «Наставлении по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России»[5], которое обязывает руководителя ЭКП поручить «конкретному сотруднику ЭКП, обладающему специальными познаниями в объеме, требуемом для оказания необходимого содействия», участие в следственном действии в качестве специалиста (п. 59.1 «Наставления»). Это положение дублируется в другой статье Наставления, но уже как отсутствие у руководителя ЭКП права направлять для участия в следственных действиях специалиста, не владеющего соответствующими знаниями или навыками. В частности, в п. 61.1. говорится, что руководитель экспертно-криминалистического подразделения не вправе: «Направлять для участия в проведении процессуального действия сотрудника ЭКП, не обладающего специальными познаниями в объеме, необходимом для оказания необходимого содействия».

Возлагая на руководителя СЭУ (ЭКП) обязанность направить в распоряжение следователя вполне компетентного специалиста, разработчики Наставления исходили, надо полагать, из вполне рационального соображения о том, что

---

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России : приказ МВД России от 11.01.2009 № 7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

никто не может знать научно-технический потенциал своего сотрудника лучше, чем его непосредственный начальник. И тем не менее, посчитали необходимым установить как бы двойной «заслон» на пути направления в распоряжение следователя некомпетентных специалистов. Именно как отсутствие права у руководителя ЭКП направлять для участия в производстве по уголовному делу некомпетентного сотрудника воспринимаются эти положения и учеными [4, с. 83].

Между тем знания о потенциальных способностях специалиста ещё недостаточно для принятия обоснованного решения о его направлении для участия в проводимых следователем процессуальных действиях. Чтобы не ошибиться в оценке компетентности своего сотрудника, руководитель СЭУ должен ясно понимать, какие конкретно задачи ему предстоит решать и какую работу придётся выполнять по заданию следователя. Все такого рода вопросы целесообразно заранее выяснить у следователя, направившего в адрес СЭУ (ЭКП) соответствующий запрос.

Заключение. Рекомендуя проверять компетентность сведущих лиц только по документам об их образовании или профессиональной подготовке, и законодатель, и представители науки не принимали во внимание то обстоятельство, что документально можно подтвердить только так называемую «объективную компетенцию» сведущего лица, то есть тот «объем знаний, которым должен владеть эксперт» [5, с. 264]. Дополнительными знаниями, обусловленными личностью несовершеннолетних преступников, должны обладать и другие сведущие лица, привлекаемые к участию в следственных действиях или к производству судебных экспертиз, где объектом их изучения могут стать дети. Их компетентность в этих вопросах также нуждается в проверке. В проверке нуждается не в последнюю очередь, и это относится ко всем без исключения сведущим лицам, привлекаемым к производству по делам несовершеннолетних.

Список источников

1. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А.А. Эксархопуло. – Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 277 с.

2. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) : монография / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. – Москва : Проспект, 2017. – 269 с.

3. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / О.Г. Дьяконова. – Москва, 2021. – 647 с.

4. Гусев А.В. Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / А.В. Гусев. – Краснодар, 2015. – 541 с.

5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – Москва : Издательство БЕК, 1997. – 341 с.

References

1. Exarchopulo A.A. Special Knowledge and Its Application in the Study of Criminal Case Materials. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg State University, 2005. 277 p. (In Russian).

2. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Forensic Expertise: History and Modernity (Scientific School, Expert Practice, Competence Approach): Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 269 p. (In Russian).

3. Dyakonova O.G. Special Knowledge in Judicial and Other Jurisdictional Activities of the EAEU Member States: Theory and Practice. *Doc. Diss.* Moscow, 2021. 647 p. (In Russian).

4. Gusev A.V. The Formation Concept of the Special Criminalistic Knowledge and the Mechanism of Its Implementation in Criminal Proceedings outside of Forensic Expertise. *Doc. Diss.* Krasnodar, 2015. 541 p. (In Russian).

5. Belkin R.S. Criminalistic Encyclopedia. Moscow, BEK Publ. House, 1997. 341p. (In Russian).

Информация об авторе

Халиуллина Айгуль Фаатовна *– кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики*

Information about the Author

Khaliullina Aigul Faatovna *– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Criminalistics*

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 14.09.2025; принята к публикации 19.09.2025.
The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 14.09.2025; accepted for publication 19.09.2025.

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.23

Харисова Зарина Ирековна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
zarinaid@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3902-3459

ПРОГРАММНЫЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье представлен комплексный обзор имеющихся на сегодняшний день программных технико-криминалистических средств, обеспечивающих наиболее эффективное собирание, фиксацию, изъятие и исследование цифровых доказательств. Сделан вывод, что в условиях цифровизации общества рассматриваемое программное обеспечение приобретает стратегическое значение в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, обеспечивая в автоматизированном виде помимо фиксации верификацию цифровых данных, проверку их подлинности и сохранности, восстановление удаленных и зашифрованных сведений, выдачу прогнозов и рекомендаций по расследованию, а также удобство и оперативность обработки больших массивов данных за счет использования технологий машинного обучения, распознавания текстовых, графических и биометрических данных. Показано, что только программные технико-криминалистические средства смогут обеспечить эффективное противодействие атакам, управляемым искусственным интеллектом в будущем, что подчеркивает насущность их рассмотрения в настоящее время.

Ключевые слова: компьютерные преступления, киберпреступления, технико-криминалистическое средство, программное обеспечение, цифровая криминалистика, расследование киберпреступлений, искусственный интеллект, анализ данных

Для цитирования: Харисова З.И. Программные технико-криминалистические средства как основа современной методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации / З.И. Харисова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.23 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 237–250.

© Харисова З.И., 2025

Original article

Kharisova Zarina Irekovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, zarinaid@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-3902-3459

SOFTWARE FORENSIC EQUIPMENT AS THE BASIS FOR MODERN METHODS TO INVESTIGATE CYBERCRIME

Abstract: The article provides a comprehensive overview of the software forensic equipment available to date that provide the most effective collection, recording, seizure and examination of digital evidence. It was concluded that in the context of the society digitalisation, the software in question acquires strategic importance in the fight against crimes in the cyber realm, providing in an automated form, in addition to fixing, verification of digital data, verification of their authenticity and safety, recovery of deleted and encrypted data, issuance of forecasts and recommendations for investigation, as well as convenience and efficiency of processing large amounts of data through the use of machine learning technologies, authorisation of text, graphic and biometric data. It is shown that only software forensic equipment will be able to provide an effective response to attacks controlled by artificial intelligence in the future, which underlines the urgency of their consideration at present.

Keywords: computer crimes, cybercrimes, software forensic equipment, software, digital forensics, cybercrime investigation, artificial intelligence, data analysis

For citation: Kharisova Z.I. Software Forensic Equipment as the Basis for Modern Methods to Investigate Cybercrime. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 237–250. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.23.

Введение. С точки зрения уголовно-процессуального законодательства поиск, фиксация и изъятие цифровых следов производятся в ходе таких следственных действий как следственный осмотр, обыск и выемка, при которых непосредственно компьютерную информацию невозможно изъять, но можно осуществить ее копирование. Чтобы эффективно провести собирание, фиксацию, оценку или копирование цифровых доказательств необходимо не только наличие специальных знаний, но и применение специальных технических средств. В целях снижения временных и трудовых затрат при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, неоправданного назначения компьютерно-технических экспертиз, важно понимать, где и какие цифровые доказательства целесообразно искать, как их фиксировать и, соответственно, с помощью каких средств осуществлять их копирование и последующую оценку.

С целью подтверждения вышеуказанного необходимо рассмотреть особенности фиксации цифровых доказательств на электронных носителях данных и возможности расследования преступлений в сфере компьютерной информации с применением программных технико-криминалистических средств в виде отечественных и зарубежных решений.

Особенности фиксации цифровых доказательств на электронных носителях информации. Обнаружение цифровых следов преступлений является поисковой деятельностью следователя, которая направлена на собирание доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации, что возможно с использованием различных технических устройств (компьютерных, мобильных и пр.), а также программных технико-криминалистических средств. Под фиксацией цифровых доказательства предполагается сохранение фактических данных, находящихся в электронной форме, которое осуществляется в следующем порядке [1, с. 108]:

производится трансформация доказательственных электронных данных, содержащихся на электронном носителе информации, в форму, доступную для восприятия ее человеком;

устанавливаются сведения о носителе информации, на котором найдена криминалистически значимая компьютерная информация, владелец носителя, возможность передачи данных, хранящихся на нем, операционная система устройства с установленным накопителем, файлы и каталоги данных, в которых найдены доказательства, а также сведения об их создании или изменении;

обеспечивается фильтрация значимых данных о событии преступления из массива всех имеющихся сведений на носителе информации, выявление способов их получения, а также сохранение доказательственной информации для неоднократного ее использования в процессе доказывания, например, в процессе судебно-экспертного исследования, предъявления как доказательства в ходе допроса и т. д. [2, с. 18] путем фотографирования (формирования скриншота) экрана с выведенной криминалистически значимой компьютерной информацией;

криминалистически значимая компьютерная информация изымается вместе с носителем информации, либо создается клон носителя, в случае, когда его изъятие невозможно или нецелесообразно.

Цифровые доказательства находятся в сложных формах, обусловленных структурой носителя информации [3, с. 41], соответственно, работа с ними осуществляется в рамках процессуальных действий, к производству которых, как правило, привлекаются специалисты. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), при производстве обыска или выемки, в ходе которых планируется изъятие компьютеров или иных носителей компьютерной информации, необходимо участие специалиста, обладающего специальными знаниями в области компьютерной техники, средств связи и передачи цифровой информации [4, с. 170]. Носителем компьютерных данных на международном уровне признается электронный но-

ситель информации, представляющий из себя любой предмет или материал, с которого можно воспроизводить информацию с помощью или без помощи какого-либо устройства[1]. Действующая в настоящее время процедура изъятия носителя информации сопряжена с рядом трудностей и не всегда обеспечивает достаточную эффективность, а допустимость электронных доказательств в значительной степени определяется участием при обыске и выемке компьютерной информации специалиста. Однако данный факт все чаще вызывает сложности у практических работников и обширные дискуссии в научных кругах[2]. Сторонники обязательного привлечения специалиста указывают на его роль в предотвращении утраты или искажения изымаемой информации [5, с. 81; 6, с. 23; 7, с. 82]. Ряд исследователей считают требование, закрепленное ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, избыточным [8, с. 66; 9, с. 18; 10, с. 13], аргументируя это ограничением процессуальной самостоятельности следователя, усложнением организационных мероприятий при подготовке и проведении следственных действий, увеличением затрачиваемого на уголовное судопроизводство времени. Придерживаясь второй позиции, необходимо отметить, что имеется ряд ситуаций, когда участие специалиста безусловно обязательно, например, в случае изъятия энергозависимых носителей или вмешательства в конструкцию сложных технических средств. При этом очевидно, что при изъятии съемных носителей информации участие специалиста не требуется, поскольку достаточно лишь их герметичного упаковывания.

Сложность исследования электронных носителей информации зависит от его вида. Наиболее просты в работе объекты, не имеющие функций, ограничивающих к ним доступ, в отличие от мобильных средств связи [11, с. 2] и компьютеров. Стоит отметить также сложности, возникающие при осмотре IoT-устройств, а также удаленно расположенных носителей данных (веб-ресурсов), облачных хранилищ, распределенных реестров, аппаратных криптокошельков [12, с. 72], сетей с туннелированием [13, с. 105] и т. п. объектов и сред, которые могут потребовать участия в раскрытии и расследовании не только специалистов Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но и дополнительного привлечения сотрудников специализированных компаний в сфере информаци-

---

[1] National Cybercrime Strategy : Guidebook (Национальная стратегия борьбы с киберпреступностью: руководство) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международной организации уголовной полиции (Интерпол). URL: https://www.interpol.int/content/download/16455 /file/Cyber_Strategy_Guidebook.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

[2] Flander, B. Erbeznik, A. Toolkit for handling and admissibility of electronic evidence empowering legal practitioners to critically. Review electronic evidence from the procedural rights perspective [Электронный ресурс] // Официальный сайт научно-исследовательского центра «ZRS Koper» (Словения). URL: https://www.zrs-kp.si/wp-content/uploads/2024/07/innocent_monografija_online_edition.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

онных технологий. Кроме того, требование участия специалиста при производстве копирования изымаемой информации в ходе производства следственных действий представляется оправданным, поскольку это объясняется необходимостью отождествления изъятой и скопированной информации. По этой причине предполагается рациональным закрепление за следователем права, но не обязанности привлечения специалиста при изъятии электронных носителей информации, исходя из собственных компетенций [14, с. 420] (в зависимости от реальной необходимости в использовании специальных знаний при проведении следственных действий). Если в ходе следственных действий не проводится исследование информации, содержащейся на носителе, как, например, в случае его осмотра или копирования информации, то решение вопроса об участии специалиста вполне может осуществляться следователем (дознавателем) самостоятельно в порядке, предусмотренном ст. 168 УПК РФ [15, с. 48].

Обращение с простыми электронными носителями информации, например, USB-накопителями, является на сегодняшний день бытовым навыком [16, с. 67], по этой причине, целесообразным представляется следующее дополнение ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ: «Энергозависимые электронные носители информации подлежат изъятию с обязательным участием специалиста. В иных случаях специалист привлекается по усмотрению следователя при отсутствии у последнего компетенций, исключающих риск повреждения, модификации или уничтожения данных. Изъятие или копирование информации сопровождается видеозаписью, за исключением ситуаций изъятия энергонезависимых носителей без исследования их содержимого».

Рассматриваемая проблема также требует учета современных технологических вызовов, включая распространение облачных хранилищ и IoT-устройств, не подпадающих под традиционное понимание электронного носителя информации и совершенствования системы подготовки следователей в области цифровой криминалистики. Дополнительно следует рассмотреть вопрос о разработке рекомендаций по изъятию цифровых доказательств, адаптируемых к изменяющимся условиям технического прогресса, а также провести комплексный обзор существующих в настоящее время программных технико-криминалистических средств, которые можно использовать при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации.

Отечественные и зарубежные технико-криминалистические средства, используемые при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Так, в отношении неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) программные технико-криминалистические средства позволяют автоматизировать собирание доказательств, проводить анализ носителей данных (программное обеспечение «Мобильный криминалист (десктоп,

эксперт, эксперт плюс)»[3], «Elcomsoft Premium Forensic Bundle»[4], «Sleuth Kit», «Autopsy», «Caine», «HDDScan» и пр.), исследовать метаданные («jExifToolGUI», «Metadata», «ExifTool» и др.), идентифицировать факт несанкционированного доступа («SQL Forensics», «DB Shield» и пр.), восстановить удаленную информацию («EnCase» и «FTK Forensic Toolkit», «PC-3000»[5]), зафиксировать сетевой трафик (программное обеспечение «TcpDump», «Wireshark», «Zeek»), а также сформировать журнал событий и активности злоумышленника («IBM QRadar», «Splunk» и др.). Использование указанного программного обеспечения позволяет автоматизировать и ускорить поиск и исследование цифровых доказательств, сводя к минимуму человеческий фактор. Тем не менее, интерпретация полученных данных зачастую требует экспертных знаний, что во многом зависит от полноты исходных данных по делу.

В рамках расследования незаконного использования, передачи, сбора и хранения компьютерной информации, содержащей персональные данные граждан (272.1 УК РФ), программные технико-криминалистические средства могут обеспечивать фиксацию утечек конфиденциальных сведений (программное обеспечение «Maltego», «SpiderFoot», «Symantec Data Loss Prevention», «Have I Been Pwned» и др.), в том числе запрещенных к распространению данных (поисковая система «Seus»)[6], выявление маршрутов передачи данных («Wireshark» и др.), мониторинг трафика, в том числе выявление продаж баз данных с персональными данными в сети даркнет («Darknet Tracer», «CipherTrace» и пр.), и предотвращение утечек информации

[3] Программное обеспечение «Мобильный Криминалист Эксперт Плюс» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://reestr.digital.gov.ru/reestr/423110/?sphrase_id=5937674 (дата обращения: 25.06.2025 г.).

[4] Программное обеспечение «Elcomsoft Premium Forensic Bundle» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://reestr.digital.gov.ru/reestr/436808/?sphrase_id=5929589 (дата обращения: 25.06.2025 г.).

[5] Программное обеспечение «PC-3000 Portable» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://reestr.digital.gov.ru/reestr/310277/?sphrase_id=5929598 (дата обращения: 25.06.2025 г.).

[6] Программное обеспечение «Поисковая система SEUS» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://reestr.digital.gov.ru/reestr/305124/?sphrase_id=5929711 (дата обращения: 25.06.2025 г.).

(DLP-системы (от англ. «Data Loss Prevention» – предотвращение утечки данных) Symantec, InfoWatch и пр.). Преимуществами использования указанного программного обеспечения являются возможность анализа значительных объемов данных, мониторинга подозрительной активности в реальном времени, высокая эффективность выявления мест хранения скомпрометированных данных, автоматизация поиска утечек конфиденциальных сведений на теневых рынках. При этом недостатками являются высокая вычислительная нагрузка, вероятность ошибок при автоматизированном анализе, а также риск нарушения конфиденциальности при обработке персональных данных.

В отношении создания, использования и распространения вредоносного программного обеспечения (ст. 273 УК РФ) программные технико-криминалистические средства позволяют исследовать вредоносный код, например, идентифицируя способы его распространения и алгоритмы исполнения (программное обеспечение «IDA Pro», «OllyDbg», «Ghidra», «VirusTotal» и пр.), проводить динамический анализ и эмуляцию поведения вирусов («Cuckoo Sandbox», «Any.Run» и пр.), фильтровать подозрительный трафик («Snort», «Suricata» и пр.) и фиксировать вредоносную активность («Kaspersky», «Symantec», «McAfee» и пр.). Преимуществами использования вышеуказанных средств являются высокая точность в определении функционала вредоносных программ, обновляемые базы данных сигнатур, автоматизированное обнаружение новых угроз и возможность отслеживания цепочек их распространения.

В целях обнаружения нарушений правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) используются программные технико-криминалистические средства: средства, фиксирующие действия пользователей и системных администраторов (программное обеспечение «QRadar», «ArcSight» и пр.); средства централизованного мониторинга нарушений требований информационной безопасности и фактов несанкционированного доступа или неправильной эксплуатации программного обеспечения («Solar Dozor», «Snort», «Suricata» и пр.); средства выявления уязвимостей в сетевых устройствах («Nessus», «OpenVAS»), средства анализа журналов событий и изменения программ («AlienVault», «ArcSight», «Graylog», «LogRhythm» и пр.). Несмотря на все преимущества использования указанных средств и возможность предотвращения инцидентов информационной безопасности общим их недостатком являются трудоемкость сбора и интерпретации данных. В целях выяснения обстоятельств, связанных с нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ), программные технико-криминалистические средства также позволяют осуществлять мониторинг и анализ сетевого трафика, отслеживание производительности сети (программное обеспечение «Wireshark», «Network Miner», «SolarWinds Network Performance Monitor»), обнаруживать вредоносную активность («IDA Pro», «OllyDbg»,

«Ghidra», «VirusTotal» и пр.), восстанавливать удаленные или поврежденные данных с носителей информации с последующим их анализом («Elcomsoft Premium Forensic Bundle», «PC-3000», «Sleuth Kit», «Autopsy», «Caine», «HDDScan» и пр.), исследовать метаданные («jExifToolGUI», «Metadata», «ExifTool» и др.), проводить аудит управления учетными записями (средства автоматизации управления доступом «IDM» (от англ. «identity management» – управление идентификацией), «IAM» (от англ. (identity and access management» – управление идентификацией и доступом) и «IGA» (от англ. «identity governance & administration» – управление идентификацией и ее администрированием), а также формировать журнал событий и активности злоумышленника («IBM QRadar», «Splunk» и др.). Помимо указанного непосредственно субъектами критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, может применяться иное вспомогательное программное обеспечение, позволяющее идентифицировать нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, а также расследовать инциденты информационной безопасности.

В отношении неправомерного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) программные технико-криминалистические средства, например, могут обеспечить обнаружение атак на промышленные системы (программное обеспечение «Wireshark», «Tofino Xenon», «Radiflow», «Nozomi Networks» и пр.), мониторинг сетевого трафика и выявление аномалий в режиме реального времени («Splunk», «ELK Stack», «NetFlow» и пр.), анализ трафика и журналов событий («IBM X-Force», «FireEye» и пр.).

В целях выявления нарушений правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ) программные средства могут позволить, например, выявлять нарушения при управлении интернет-трафиком (программное обеспечение «Суверенный Рунет», «NetWitness», «Deep Packet Inspection», «BGPmon», «RIPEstat» и пр.), проводить аудит управления учетными записями (средства автоматизации управления доступом «IDM», «IAM» и «IGA»), проводить расследования инцидентов и отслеживать запрещенные ресурсы, контролировать доступ к ресурсам («Ревизор», «FireEye SORM», «Farsight Security», «Cisco Umbrella», «Palo Alto» и пр.).

Таким образом, применение специализированных программных технико-криминалистических средств является основой современной методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации, которая обеспечивает оперативное выявление и анализ инцидентов в режиме реального времени, восстановление и реконструкцию цифровых следов с высокой точностью,

интеграцию данных из различных источников и уровней инфраструктуры. Приведенный перечень средств не является исчерпывающим, однако позволяет показать широту их потенциала в расследовании преступлений в сфере компьютерной информации.

Стоит также отметить, что на сегодняшний день в работе органов внутренних дел широко применяются сервисы обеспечения повседневной и оперативно-служебной деятельности системы ИСОД МВД России, а также различные информационные системы поискового и экспертного назначения. Однако стоит отметить сложившийся недостаток оснащения техническими средствами [17, с. 206], которые позволяют иметь конкурентное преимущество в борьбе с преступностью, что снижает эффективность деятельности органов внутренних дел по расследованию, раскрытию и предотвращению преступных деяний. Оптимизации сроков осуществления следственных действий и иных процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, будет способствовать закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве более четких оснований и процессуальных регламентов, регулирующих собирание цифровых доказательств с применением информационных технологий и программных технико-криминалистических средств.

Соответственно, можно сделать вывод, что в условиях цифровизации общества программные технико-криминалистические средства приобретают стратегическое значение в борьбе с преступностью, обеспечивая, во-первых, непосредственное собирание, фиксацию, изъятие и исследование цифровых доказательств (за счет использования экспертных и поисковых систем), во-вторых, их верификацию и проверку подлинности и сохранности (например, за счет использования алгоритмов хеширования для создания контрольных сумм цифровых объектов и последующей проверки их неизменности), в-третьих, восстановление удаленных и зашифрованных данных (например, за счет применения методов цифровой стеганографии или интеграции блокчейн-технологий), а также удобство и оперативность обработки больших массивов разнородной информации (за счет использования технологий машинного обучения и хранения данных в распределенных реестрах, распознавания текстовых, графических и биометрических данных и пр.), выдачи прогнозов и рекомендаций (на базе предиктивного анализа и корреляции данных).

В настоящее время в свободном доступе имеется разнообразное программное обеспечение для поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств, однако его применение сотрудниками органов внутренних дел ограничено в силу отсутствия четкого нормативного регулирования. Так, на примере OSINT-инструментов для поиска информации из открытых источников можно констатировать, что в силу действующего законодательства применение подобного метода сбора данных возможно лишь при наличии судебного решения, однако даже в этом случае возникают риски нарушения конституционных прав граждан, включая неприкосновенность частной жизни, личную и семей-

ную тайну, а также тайну переписки. Соответственно, для эффективного выявления и пресечения преступной деятельности в сфере компьютерной информации необходима правовая регламентация применения программных технико-криминалистических средств, обеспечивающая баланс между возможностями правоохранительных органов и соблюдением конституционных прав граждан.

Поскольку предполагаемым вектором развития киберпреступности является использование различных генеративных алгоритмов машинного обучения, соответственно, для противодействия таким угрозам необходимы программные средства, способные самостоятельно, на основе гибких алгоритмов искусственного интеллекта, без участия человека, например, идентифицировать аномалии в сетевом трафике, анализировать вредоносный код и, соответственно, адаптироваться к новым видам атак. Определенную трудность будет также представлять появление квантовых компьютеров, способных взламывать современные криптографические алгоритмы. Для противодействия этой угрозе программные комплексы цифровой криминалистики должны будут включать гибридные квантовые алгоритмы взлома шифрования, сочетающие традиционные методы криптоанализа с вероятностными вычислениями квантовых систем.

Таким образом, только программные технико-криминалистические средства смогут эффективно бороться с атаками, управляемыми искусственным интеллектом, в будущем, что подчеркивает насущность их рассмотрения в настоящее время.

Заключение. С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что особенности киберсреды исключают применение традиционных технико-криминалистических средств, поскольку цифровые следы не имеют физических характеристик в классическом понимании, являются легко изменяемыми и уничтожаемыми, кроме того, большие массивы цифровой информации зачастую размещены в различных средах и (или) хранилищах, что исключает возможность их ручного анализа. В отличие от традиционных вещественных доказательств, цифровые доказательства требуют специфических подходов к собиранию, хранению и анализу, так как они легко поддаются модификации. Автоматизацию исследования цифровой информации, точность и воспроизводимость результатов ее анализа, обеспечение своевременного собирания и использования криминалистически значимой информации в электронной форме позволяют обеспечить только программные технико-криминалистические средства.

Таким образом, программные технико-криминалистические средства играют ключевую роль в расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, что обусловлено предоставляемыми ими возможностями поиска, фиксации, собирания, исследования и хранения криминалистически значимой компьютерной информации.

Список источников

1. Бычков В.В. Электронное следообразование преступной деятельности в сети Интернет / В.В. Бычков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – № 1 (27). – С. 106–111.

2. Цифровые следы преступлений : монография / А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.Ю. Скобелин, Н.Н. Ильин. – Москва : Проспект, 2023. – 168 с.

3. Masmoudi S. Unveiling the Human Factor in Cybercrime and Cybersecurity: Motivations, Behaviors, Vulnerabilities, Mitigation Strategies, and Research Methods / S. Masmoudi // Cybercrime Unveiled: Technologies for Analysing Legal Complexity. – 2025. – V. 1181. – P. 41–91.

4. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Методика расследования преступлений в сфере экономической деятельности. Методика расследования преступлений против общественной безопасности, других видов и групп преступлений : учебник / М.А. Григорьева, Н.А. Данилова, С.Г. Евдокимов и др. ; под ред. О.Н. Коршуновой. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2024. – 752 с.

5. Гаврилин Ю.В. Процессуальный порядок собирания доказательств на энергонезависимых локальных электронных носителях информации / Ю.В. Гаврилин, А.А. Балашова // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 2 (89). – С. 77–82.

6. Вехов В.Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства / В.Б. Вехов // Российский следователь. – 2013. – № 10. – С. 22–24.

7. Федулова А.Е. Участие специалиста в производстве следственных действий с электронными носителями информации / А.Е. Федулова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 1 (63). – С. 80–87.

8. Шигуров А.В. Новеллы и проблемы правового регулирования порядка проведения следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации / А.В. Шигуров // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2021. – № 2 (13). – С. 64–73.

9. Козловский П.В. Участие специалиста в изъятии электронных носителей / П.В. Козловский, П.В. Седельников // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 1 (52). – С. 17–19.

10. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Балашова. – Москва, 2020. – 30 с.

11. Jian X. Towards a Joint Semantic Analysis in Mobile Forensics Environments / X. Jian, M. Siegel, D. Labudde, M. Spranger // Forensic Science International: Digital Investigation. – 2025. – V. 52 (3):301846. – P. 1–26.

12. Тисен О.Н. Методика обнаружения, фиксации и изъятия электронно-цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют / О.Н. Тисен // Уголовное право. – 2024. – № 3. – С. 69–80.

13. Смушкин А.Б. Криминалистические аспекты исследования даркнета в целях расследования преступлений / А.Б. Смушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 102–111.

14. Мещеряков В.А. К вопросу об оценке компетенции судебного эксперта / В.А. Мещеряков, О.Ю. Цурлуй, Ю.С. Кудрявцев // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 марта 2021 г. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2021. – С. 417–422.

15. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Гаврилин // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 45–50.

16. Рудаков Б.В. К вопросу о проблемах использования цифровых (электронных) данных в доказывании по уголовным делам / Б.В. Рудаков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 1 (28). – С. 65–71.

17. Горбунова Е.Ю. Проблемы качества судебно-экспертных исследований (судебная компьютерно-техническая экспертиза) / Е.Ю. Горбунова // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 марта 2021 г. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2021. – С. 202–207.

References

1. Bychkov V. V. Electronic Tracing of Criminal Activity on the Internet. *Investigation of Crimes: Problems and Solutions*, 2020, no. 1 (27), pp. 106–111. (In Russian).

2. Bagmet A. M., Bychkov V. V., Skobelin S. Yu., Ilyin N. N. Digital Crimes Traces: Monograph. Moscow, Prospect, 2023. 168 p. (In Russian).

3. Masmoudi S. Unveiling the Human Factor in Cybercrime and Cybersecurity: Motivations, Behaviors, Vulnerabilities, Mitigation Strategies, and Research Methods. Cybercrime Unveiled: Technologies for Analysing Legal Complexity, 2025, V. 1181, pp. 41–91. (In English).

4. Korshunova O. N. (ed.). Forensic Science Course: Collection of Scientific Papers: in 3 Volumes. Methodology for Investigating Crimes in the Sphere of Economic Activity. Methodology for Investigating Crimes against Public Safety, Other Types and Groups of Crimes: Textbook. Saint Petersburg, Legal Center Press, 2024. 752p. (In Russian).

5. Gavrilin Yu. V., Balashova A. A. Procedural Procedure for Collecting Evidence on Non–Volatile Local Electronic Media. *Siberian Law Herald*, 2020, no. 2 (89), pp. 77–82. (In Russian).

6. Vekhov V. B. Working with Electronic Evidence in the Context of Changed Criminal Procedure Legislation. *Russian Investigator,* 2013, no. 10, pp. 22–24. (In Russian).

7. Fedulova A. E. Participation of a Specialist in the Process of Conducting of Investigative Actions Involving Electronic Information Carries. *Legal Science and Law Enforcement Practice,* 2023, no 1 (63), pp. 80–87. (In Russian).

8. Shigurov A. V. News and Problems of Legal Regulation of the Procedure for Conducting Investigative Actions Related to Withdrawal of Electronic Media of Information. *Humanitarian and Political-Law Studies*, 2021, no. 2 (13), pp. 64–73. (In Russian).

9. Kozlovsky P. V., Sedelnikov P. V. Specialist's Involvement in Seizing of Electronic Media. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Interior of Russia,* 2014, no. 1 (52), pp. 17–19. (In Russian).

10. Balashova A. A. Electronic Information Carriers and Their Use in Criminal Procedural Evidence. *Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2020. 30 p. (In Russian).

11. Jian X., Siegel M., Labudde D., Spranger M. Towards a Joint Semantic Analysis in Mobile Forensics Environments. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2025, V. 52 (3):301846, 1–26. (In English).

12. Tisen O. N. Methodology for Detecting, Recording and Seizing Electronic-Digital Traces in Cases of Crimes Committed Using Cryptocurrencies. *Criminal law*, 2024, no. 3, pp. 69–80. (In Russian).

13. Smushkin A. B. Forensic Aspects for the Dark Net Study for Crimes Investigation Purposes. *Actual problems of Russian Law*, 2022, no. 3(136), pp. 102–111. (In Russian).

14. Meshcheryakov V. A., Tsurluy O. Yu., Kudryavtsev Yu. S. On the Issue of Assessing the Competence of a Forensic Expert. *Discussion Issues of the Theory and Practice of Forensic Science. Materials of the IV International Scientific Conference, Moscow, 25–26 March 2021.* Moscow, Russian State University of Justice, 2021, pp. 417–422. (In Russian).

15. Gavrilin Yu. V. Electronic Memory Devices in Criminal Procedure. Works *of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia*, 2017, no. 4 (44), pp. 45–50. (In Russian).

16. Rudakov B. V. On the Issue of the Use of Digital (Electronic) Data in Evidence in Criminal Cases. *Legal Order: History, Theory, Practice*, 2021, no. 1 (28), pp. 65–71. (In Russian).

17. Gorbunova E. Yu. Problems of the Quality of Forensic Research (Forensic Computer and Technical Expertise). *Discussion Issues of the Theory and Practice of Forensic Science. Materials of the IV International Scientific Conference, Moscow, 25–26 March 2021.* Moscow, Russian State University of Justice, 2021, pp. 202–207. (In Russian).

Информация об авторе

Харисова Зарина Ирековна *– кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права*

Information about the Author

Kharisova Zarina Irekovna *– Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Chair of Criminalistics, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 10.09.2025.
The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 18.08.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Научная статья
УДК 343.985
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.24

Ячменева Мария Андреевна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
yachmenevalaw@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. Применение специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних, – один из важнейших аспектов эффективного предупреждения и расследования данной категории преступлений. Исследование данной темы является актуальным, а его результаты могут быть успешно использованы в правоприменительной деятельности. Цель: выявление областей специальных знаний, способствующих процессу расследования, и аргументация необходимости их внедрения в практическую деятельность. Методы: в ходе исследования автором были использованы методы классификации, анализа и обобщения. Результаты: исследование позволило выявить области специальных знаний, необходимые для успешного расследования наркопреступлений, совершенных несовершеннолетними, установить проблемы их применения на практике и предложить пути разрешения данных проблем.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, специальные знания, несовершеннолетний, экспертиза

Для цитирования: Ячменева М.А. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних / М.А. Ячменева. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.24 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 251–260.

© Ячменева М.А., 2025

Original article

Yachmeneva Maria Andreevna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, yachmenevalaw@yandex.ru

THE SPECIAL KNOWLEDGE USE IN INVESTIGATION CRIMES ON ILLEGAL DRUG TRAFFICKING WITH THE INVOLVEMENT OF MINORS

Abstract. The use of special knowledge in the crimes investigation on illegal drug trafficking with the involvement of minors is one of the most important aspects of effective prevention and investigation of such crimes. The study of this topic is relevant, and its results can be successfully used in law enforcement activities. Purpose: to identify areas of special knowledge that help the investigation process and to argue for the need to implement them in practice. Methods: the author used the methods of classification, analysis and generalisation. Results: the study allowed us to identify areas of special knowledge necessary for the successful investigation of drug crimes committed by minors, to identify problems of their application in practice and to propose ways to resolve these problems.

Keywords: drug trafficking, special knowledge, minor, expertise

For citation: Yachmeneva M.A. The Special Knowledge Use in Investigation Crimes on Illegal Drug Trafficking with the Involvement of Minors**.** *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 251–260. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.24.

Применение специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с участием несовершеннолетних, играет важнейшую роль. Во-первых, это связано со спецификой предмета преступного посягательства. При проверке сообщения о преступлении самым первым и важным этапом является его установление, а именно: входит ли обнаруженное вещество или средство в список запрещенных к обороту в Российской Федерации, а также вес данного вещества для верной квалификации совершенного деяния. Именно от того, как на данном этапе будут зафиксированы и изъяты обнаруженные следы, зависит дальнейший ход расследования. Безусловно, помощь специалиста здесь необходима, ведь сотрудники следственных органов в большинстве случаев не имеют достаточных знаний для разрешения вопросов, связанных с обнаруженным веществом и его следами. Во-вторых, так как большинство преступлений на сегодняшний день совершаются с использованием сети «Интернет», важнейшим моментом первоначального этапа расследования является незамедлительное обнаружение и

фиксация электронных следов преступления, и только лица, обладающие специальными знаниями, способны эффективно это сделать. В-третьих, необходимость применения специальных знаний обусловлена особенностью субъекта преступления. Для разрешения вопроса: подлежит ли несовершеннолетний уголовной ответственности, необходимо проведение исследований, которые способны осуществить только эксперты. Также, безусловно, участие специалиста необходимо в процессе многих следственных действий для более высокого результата их производства.

Чаще всего при обнаружении признаков состава преступления на место происшествия с оперативно-следственной группой выезжает дежурный эксперт-криминалист или изъятие и описание вещества вовсе производится оперативными работниками. И несмотря на то, что описание изъятого вещества, казалось бы, не вызывает труда, и сотрудники имеют опыт расследования данных дел, на практике зачастую уже на данном этапе возникает проблема. Так, например, при описании цвета вещества возникают противоречия в протоколе следственного действия и в последующем заключении эксперта. На практике это объясняется следующим образом: цветовосприятие у каждого человека индивидуально и подвержено влиянию внешних факторов, таких как освещение, внешние раздражители и другие [1, с. 40]. Далее, в процессе расследования, данный вопрос разрешается посредством указания экспертом в заключении того, что при «естественном освещении» цвет вещества установлен следующий, а также эксперту задаются соответствующие вопросы в ходе его допроса. Еще одним важным моментом является взвешивание вещества в ходе его изъятия. Возникают случаи, когда в ходе следственного действия сотрудниками следствия или оперативными работниками осуществляется взвешивание на весах, не предназначенных для таких измерений, что приводит к расхождению в сведениях, указанных в процессуальных документах. По нашему мнению, вес вещества должен определяться исключительно сотрудником ЭКП в лабораторных условиях для исключения возможных погрешностей.

Помимо самого вещества на месте преступления могут быть оставлены следы, характерные именно для данного вида преступления [2, с. 166]. На данном этапе очень важно обнаружение, фиксация и изъятие микроследов, которые могут быть на самом задержанном. Например, подногтевое содержимое, следы, оставленные на ладонях рук и одежде несовершеннолетнего. При изучении судебно-следственной практики по рассматриваемой категории дел были выявлены случаи, когда несовершеннолетние сбрасывали наркотик, поэтому фиксация этих самых микроследов очень важна для установления факта совершения преступления. Такие микроследы для устранения возможности их исчезновения должны изыматься в строгом соблюдении определенных правил. Например, смывы с каждой руки делаются отдельными ватными тампонами и должны быть упакованы в разные пакеты, предоставляются такие образцы обязательно с чистым тампоном, который должен быть взят из той же

упаковки. Несоблюдение данных правил влечет за собой повреждение или вовсе уничтожение изъятых следов.

Учитывая всё вышесказанное, мы считаем, что при обнаружении признаков состава наркопреступления, на место происшествия в составе следственно-оперативной группы обязательно должен выезжать специалист-химик. Высокая загруженность сотрудников, а также зачастую невозможность прогнозирования проведения следственного действия по данной категории преступлений, безусловно, затрудняют участие специалиста именно данной области, но для эффективного производства следственного действия, фиксации и изъятия всех следов и, как следствие, успешного расследования, следственным органам всё-таки необходимо привлекать специалистов этой категории.

Самым первым и важным на этапе проверки сообщения о преступлении, как указывалось выше, является установление вида и размера обнаруженного вещества. Установление этих фактов осуществляется путем проведения предварительных исследований и экспертизы. Несмотря на то, что ст. 144 УПК РФ уже на протяжении долгого времени разрешено проводить экспертизу на этапе проверки сообщения о преступлении, при изучении судебно-следственной практики нами выявлено большое количество уголовных дел, по которым проводились предварительные исследования вещества. Такое положение дел обусловлено сжатыми процессуальными сроками и стремлением со стороны следствия не продлять их. Однако не во всех ситуациях возможно проведение предварительного исследования обнаруженного вещества, о чем зачастую забывают сотрудники следственных органов. Так, например, в случае применения разрушающих методов в ходе исследования, исследуемое вещество может быть полностью израсходовано, что приводит к утере им доказательственного значения. При этом после возбуждения уголовного дела не исключена возможность подачи ходатайства со стороны защиты о производстве экспертизы, которое следователь обязан удовлетворить. Но как быть, если объекты исследования видоизменены или уничтожены [3, с. 171]? Данный вопрос остается дискуссионным, однако мы обращаем внимание, что сотрудникам следственных органов при назначении предварительного исследования или сразу экспертизы необходимо рассматривать все возможные варианты развития событий и их влияние на дальнейший процесс расследования.

Важным моментом является постановка вопросов эксперту при назначении экспертизы. При изучении заключений судебно-химических экспертиз нами было установлено, что вопросы в большинстве случаев ставятся следующие:

1. Содержится ли в представленном веществе наркотическое средство, психотропное или сильнодействующее вещество?

2. Если да, то какое именно и какова его масса?

Данные вопросы соответствуют главной цели проведения экспертизы, но более детальная их постановка в некоторых случаях также необходима. Так,

например, постановка вопроса об однородности вещества в случае совершения сбыта наркотического средства, а также изъятого в ходе обыска, безусловно, будет целесообразна. По мнению Е.Р. Россинской, перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы: «Является ли данное вещество наркотическим средством, и если да, то каким наркотическим средством оно является и к какой группе средств относится? Является ли данное вещество сильнодействующим, если да, то каким именно? Имеются ли на представленных объектах следы наркотических или сильнодействующих веществ, если да, то каких именно? Каково количество наркотического средства в представленном на экспертизу веществе? Каким способом получены наркотические средства? Можно ли описываемым способом получить наркотическое средство?» [4, с. 430]. Эта же экспертиза, по ее утверждению, может дать ответы на следующие вопросы: «Получены ли представленные на исследование наркотические средства по единой технологии? Изготовлены ли наркотические средства или сильнодействующие вещества на конкретном заводе? Обладают ли данные наркотические средства общей групповой принадлежностью по сырью, примененному для их получения?» [4, с. 430]. По нашему мнению, постановка перед экспертом развернутых и уточняющих вопросов позволила бы вывести расследование рассматриваемой нами категории дел на новый уровень и доказать не просто вину несовершеннолетнего, а продвинуться дальше и установить иных лиц, причастных к преступной деятельности.

Далее хотелось бы остановиться на использовании специальных знаний при производстве отдельных следственных действий. В ходе осмотра места происшествия при совершении преступления с использованием сети «Интернет» обязательно производится осмотр мобильных устройств сотовой связи. При производстве данного действия могут быть обнаружены как материальные, так и виртуальные следы, которые способствуют формированию полноценной доказательственной базы [5, с. 246]. Эффективный осмотр сотовых устройств может быть произведен только при участии специалиста, так как, исходя из анализа теории и практики, следователь не обладает достаточными знаниями по данному вопросу и навыками извлечения криминалистически значимой информации, содержащейся на мобильном устройстве. Специалист в области компьютерных технологий в данном случае может оказать помощь в описании внешних признаков устройства, как общих, так и частных. На данном этапе следователем совместно со специалистом может быть принято решение либо о продолжении осмотра мобильного устройства, либо о последующем назначении компьютерно-технической экспертизы. При изучении судебно-следственной практики нами выяснено, что в большинстве случаев правильный осмотр мобильных устройств, а также других электронных носителей может быть достаточно эффективен и по его результатам могут быть установлены все необходимые данные, не требующие дальнейшего назначения компьютерно-технической экспертизы. При принятии решения о продолжении осмотра необ-

ходимо участие высококвалифицированного специалиста в области компьютерных технологий. На данном этапе специалист проводит осмотр аппаратного обеспечения, установление IMEI (англ. International Mobile Equipment Identity – международного идентификатора мобильного оборудования), описание модели сотового устройства, серийного номера телефона, операционной системы, версии прошивки, телефонного номера сим-карты, IP адреса, MAC адреса.

В случае, если необходим осмотр персонального компьютера, что встречается реже, также обязательно участие специалиста в области компьютерных технологий. На первоначальном этапе производится внешний осмотр и описание внешних признаков ПК, также на данном этапе необходимо указать устройства, подсоединенные к нему. Далее специалист в рамках осмотра определяет операционную систему ПК, устанавливает IP-адрес, изучает и анализирует данные браузеров, сайтов, которые посещались пользователем, изучает социальные сети и средства синхронизации данных. Также специалист помогает в выявлении способов и средств анонимизации. При верном проведении всех вышеперечисленных действий с участием высококвалифицированного специалиста, полученных данных может быть достаточно для установления факта виновности лица, а также событий, предшествующих совершению преступления, и иных лиц, принимавших в нем участие.

Использование специальных знаний необходимо и при допросе задержанного лица. Так, уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что задержанный должен быть допрошен в течение 24 часов после задержания. В то же время при изучении судебно-следственной практики нами установлено, что имеют место случаи нахождения несовершеннолетнего в состоянии наркотического опьянения, которое было установлено путем производства медицинского освидетельствования. Мы согласны с мнением, высказанным Когосовым А.П., о том, что допрос лица в состоянии наркотического опьянения или абстиненции невозможен по двум причинам. Во-первых, у несовершеннолетнего нарушена способность верно воспринимать внешние обстоятельства и давать, соответственно, показания, объективно отражающие действительность. Во-вторых, лицо не в полной мере может осознавать свое процессуальное положение, свои права и обязанности на данном этапе и, соответственно, не может их реализовать [6, с. 25]. Установленный законодательством 24-часовой срок не всегда достаточен для выведения наркотического вещества из организма и проведения допроса в трезвом состоянии. В такой ситуации важно учитывать мнение специалиста-нарколога, который участвовал в освидетельствовании задержанного несовершеннолетнего и предусмотреть возможность отсрочки допроса такого подозреваемого до момента, когда он будет в состоянии полностью осознавать происходящее.

В соответствии со ст. 425 УПК РФ при допросе несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но

страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. Однако, по нашему мнению, в остальных случаях также следует привлекать к допросу специалиста-психолога. Мы согласны с мнением А.Ф. Халиуллиной, что основными причинами сообщения несовершеннолетними недостоверных сведений являются не только осознанная ложь, но и издержки восприятия или недостатки воспроизведения воспринятых событий и явлений, характерные для несовершеннолетних [7, с. 207]. Выявлению таких причин может способствовать привлечение специалиста-психолога. Специальные знания психолога могут быть использованы в непроцессуальной форме: при получении консультации о свойствах нервной системы допрашиваемого несовершеннолетнего и тактике общения с ним в ходе допроса, и в процессуальной – непосредственное участие в допросе и дача заключения. Участие психолога в допросе, по нашему мнению, приведет к его высокой эффективности и получению максимально возможного количества информации. Однако на практике, к сожалению, психолог привлекается к участию в допросе лишь в случаях, прямо установленных законом, в то время как привлечение специалиста-психолога, даже для дачи консультаций, позволило бы получить более высокие результаты при проведении допроса.

Также стоит отметить, что, так как большинство наркопреступлений совершается несовершеннолетними с использованием сети «Интернет», рационально привлечение к производству допроса специалиста в области информационных технологий. Обладая более высоким уровнем знаний в указанной сфере, он способен оказать помощь следователю в понимании терминов и определений, указываемых несовершеннолетним. Также, зная механизм работы тех или иных каналов коммуникации с помощью электронных устройств, специалист способен помочь следователю в постановке вопросов несовершеннолетнему.

Следующим следственным действием, в котором незаменимо участие специалиста, является обыск. В ходе обыска специалист-криминалист может помочь следствию в разрешении следующих вопросов:

– в эффективном использовании средств поисковой техники;

– в обнаружении, фиксации и изъятии следов, а также образцов для сравнительного исследования;

– в проведении предварительных исследований объектов в ходе проведения обыска;

– в применении научно-технических средств.

При изучении материалов уголовных дел нами установлено, что специалист привлекался к участию в обыске в большинстве случаев, что явилось, по нашему мнению, одной из составляющих его успешного производства.

Далее мы хотели бы остановиться на важнейшей области применения специальных знаний по делам рассматриваемой нами категории преступлений, а именно на назначении и производстве экспертиз, направленных на установление

психического и психологического состояния несовершеннолетних. Производство данных экспертиз обусловлено нормами действующего законодательства.

При изучении судебно-следственной практики установлено, что в большинстве случаев по уголовным делам о наркопреступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних, назначаются судебно-психиатрические экспертизы. Выбор производства такого вида экспертиз, по нашему мнению, не всегда является верным. И.А. Макаренко в своем диссертационном исследовании указывает, что «проведение одной только судебно-психиатрической экспертизы дает возможность следствию ответить лишь на вопрос: является ли подросток вменяемым или нет. Однако этой информацией нельзя ограничивать изучение психических особенностей несовершеннолетнего» [8, с. 207].

Из анализа заключений психиатрических экспертиз следует вывод, что, действительно, по результатам ответов на поставленные перед экспертом вопросы, может быть установлен лишь факт вменяемости или невменяемости несовершеннолетнего. Ответ на данный вопрос является важнейшим для разрешения вопроса о том, должны ли лицу быть назначены принудительные меры медицинского характера. Однако для полного исследования личности несовершеннолетнего и успешного расследования рассматриваемой нами категории преступлений установление лишь данного факта недостаточно. Необходимо установление причин, повлиявших на девиантное поведение несовершеннолетнего. На эти вопросы отвечает судебно-психологическая экспертиза.

В изученных нами уголовных делах судебно-психологическая экспертиза назначалась в единичных случаях, что объясняется желанием следователей ускорить процесс расследования и опираться лишь на факт вменяемости или невменяемости лица.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что проведение лишь одного вида экспертизы не установит достаточных данных для всестороннего и полного расследования. Поэтому по делам о наркопреступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних, необходимо назначение комплексных экспертиз. В случае, когда необходимо установление возраста лица – комплексную медико-психолого-психиатрическую экспертизу, если возраст подтвержден имеющимися документами – комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. По нашему мнению, только такой подход будет верным и в полной мере обеспечит права всех участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, использование специальных знаний при расследовании наркопреступлений играет важнейшую роль. Для эффективного и всестороннего процесса расследования привлечение специалистов необходимо при производстве осмотра места происшествия: обязательно участие эксперта-химика для изъятия обнаруженных веществ, а также фиксации и изъятия микроследов; обязательно участие специалиста в области компьютерных технологий для правильного осмотра мобильных устройств и персональных компьютеров. Также

привлечение специалиста по рассматриваемой нами категории дел необходимо при производстве допроса несовершеннолетнего, обыска и др. Важнейшим аспектом применения специальных знаний является производство экспертиз, самыми главными из которых является: судебно-химическая экспертиза, а также судебные экспертизы психологического состояния несовершеннолетнего.

Список источников

1. Косыгина Т.А. Актуальные аспекты применения специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Т.А. Косыгина // Информационная безопасность регионов. – 2016. – № 3 (24). – С. 40–44.

2. Ушверидзе Н.О. Актуальность криминалистических исследований при расследовании дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Н.О. Ушверидзе, С.Б. Рябухина // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2013. –№ 4 (8). – С. 165–168.

3. Земцова С.И. Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / С.И. Земцова. – Москва, 2017. – 271 с.

4. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – Москва : Проспект, – 2016. – 448 с.

5. Земцова С.И. О некоторых элементах криминалистической характеристики сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемого с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) / С.И. Земцова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 1 (18). – С. 245–252.

6. Когосов А.П. Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.П. Когосов. – Челябинск, 2011. – 30 с.

7. Халиуллина А.Ф. Некоторые аспекты криминалистической оценки достоверности доказательств, полученных с использованием специальных знаний, при расследовании преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 205–212.

8. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого // дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Макаренко. – Саратов, 2006. – 404 с.

References

1. Kosygina T.A. Some Pressing Aspects of Using Specialised Knowledge in the Investigation of Drug Trafficking Crime. *The Regions Information Security,* 2016, no. 3 (24), pp. 40–44. (In Russian).

2. Ushveridze N.O., Ryabukhina S.B. Forensic Examination of the Relevance of the Investigation of Cases Involving Drug Trafficking. *Bulletin of the North Caucasus Humanitarian Institute*, 2013, no. 4 (8), pp. 165–168. (In Russian).

3. Zemtsova S.I. A Specialist's Participation in the Detection and Investigation Crimes Connected with the Illegal Drugs Trafficking, Psychotropic and Potent Substances. *Cand. Diss.* Moscow, 2017. 271 p. (In Russian).

4. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Table-Book of the Judge. Forensic Expertise. Moscow, Prospect, 2016. 448 p. (In Russian).

5. Zemtsova S.I. About Some Elements of Criminalistic Characteristic of Sale of Narcotics, Psychotropic Substances and Their Analogues Performed with the Use of Electronic or Information and Telecommunication Networks (Including Internet). *Criminalist Library. Scientific Journal*, 2015, no. 1 (18), pp. 245–252. (In Russian).

6. Kogosov A.P. Forms of Using Special Knowledge in the Crimes Investigation on the Illegal Trafficking of Drugs, Psychotropic Substances or Their Analogues. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2011. 30 p. (In Russian).

7. Khaliullina A.F. Some Aspects of the Criminalistic Assessment of the Reliability of Evidence Obtained Using Special Knowledge in the Investigation of Crimes Committed Involving Minors. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1 (79), pp. 205–212. (In Russian).

8. Makarenko I.A. Forensic Doctrine on a Minor Accused Personality. *Doc. Diss.* Saratov, 2006. 404 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ячменева Мария Андреевна –
ассистент кафедры криминалистики

Information about the Author

Yachmeneva Maria Andreevna –
Teaching Assistant of the Chair of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 23.09.2025.
The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 23.09.2025

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW

Научная статья
УДК 341
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.25

Зарубин Дмитрий Викторович
Севастопольский филиал Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Севастополь, Россия, dimaaa95.95@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2273-8626

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ, ПРИНЯТЫЕ В РАМКАХ МОТ

Аннотация. Африканский континент включает в себя 54 независимых государства, все из которых являются членами Международной организации труда (МОТ). Вместе с тем у каждая из этих стран имеет свой объем принятых международных обязательств в рамках данной международной организации. Высокий показатель численности населения в Африке (порядка 1,4 млрд человек) свидетельствует о необходимости исследования вопросов, связанных с обеспечением прав человека, в том числе в сфере труда, на этой территории. Цель: получить представление об объеме принятых африканскими государствами международных обязательств в рамках МОТ. Методы: для достижения поставленной цели были использованы общие и частные методы научного исследования, к которым относятся методы формальной логики, теоретического и эмпирического познания, сравнительно-правовой и др. Результаты: половина основополагающих конвенций МОТ ратифицированы 54 государствами Африки, а Протокол 2014 г. к Конвенции 1930 г. о принудительном труде, который также относится к числу основополагающих инструментов, ратифицирован только 14 африканскими государствами. Среди приоритетных конвенций нет тех, которые были бы ратифицированы всеми африканскими государствами, а 4 из них и вовсе не приняли международные обязательства ни по одному из этих актов. Вместе с тем пять государств Африки ратифицировали все приоритетные конвенции МОТ. Единственным африканским государством, которым ратифицированы все основополагающие инструменты, а также все приоритетные конвенции, является Мадагаскар. Наибольшее число ратификаций юридически обязывающих документов, принятых в рамках МОТ, имеет Джибути,

© Зарубин Д.В., 2025

а наименьшее – Занзибар, входящий в состав Танзании, однако имеющий индивидуальное членство в МОТ.

Ключевые слова: международное трудовое право, международное регулирование труда, Международная организация труда, Африка, африканские государства, международные обязательства

Для цитирования: Зарубин Д.В. Международные обязательства африканских государств, принятые в рамках МОТ / Зарубин Д.В. – DOI 10.33184/vestlaw-bsu-2025.27.25 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 261–268.

Original article

Zarubin Dmitry Viktorovich
Sevastopol Branch of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Sevastopol, Russia, dimaaa95.95@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2273-8626

INTERNATIONAL OBLIGATIONS OF AFRICAN STATES IN THE ILO

Abstract. The African continent includes 54 independent States, all of which are members of the International Labour Organisation (ILO). However, each of these countries has its own volume of accepted international obligations within the framework of ILO. The high population of Africa (approximately 1.4 billion people) indicates the need for research issues related to ensuring human rights, including in the field of labour, in this territory. Purpose: to gain an understanding of the extent of international commitments undertaken by African States within the ILO. Methods: to achieve this goal, general and specific methods of scientific research are used, which include methods of formal logic, theoretical and empirical cognition, comparative law, etc. Results: half of the fundamental ILO conventions have been ratified by 54 African States, while the Protocol of 2014 to the Forced Labour Convention, which is also a fundamental instrument, has been ratified by only 14 African States. Among the priority conventions, there are none that have been ratified by all African States, and four of them have not accepted international obligations under any of these instruments. However, five African States have ratified all the priority ILO conventions. The only African State that has ratified all the fundamental instruments, as well as all the priority conventions, is Madagascar. Djibouti has the highest number of ratifications of legally binding documents adopted within the ILO, and Zanzibar, which is part of Tanzania but has individual membership in the ILO, has the lowest number of ratifications.

Keywords: international labour law, international labour regulation, International Labour Organisation, Africa, African States, international obligations

For citation: Zarubin D.V. International Obligations of African States in the ILO. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 261–268. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.25.

Введение. Африканский континент включает в себя 54 независимых государства[1], что составляет практически 28 % от всех государств, являющихся членами Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Кроме того, согласно сведениям статистической комиссии ООН, представленным в 2023 г., численность людей, проживающих в Африке, превысила 1,4 млрд[2]. Данные показатели свидетельствуют о необходимости исследования вопросов, связанных с обеспечением прав человека, в том числе в сфере труда, на африканском континенте. В рамках данного исследования основной акцент будет сделан на международных обязательствах африканских государств, принятых ими в рамках Международной организации труда (далее – МОТ).

Все обозначенные ранее государства Африки являются членами МОТ, которая, как отмечает Д.К. Бекяшев, «является всемирным форумом, на котором обсуждаются трудовые и социальные проблемы, имеющие значение для всего мира» [1, с. 37]. В это же время, у каждой из этих стран свой объем принятых международных обязательств в сфере труда.

Основная часть. Прежде всего, заострим внимание на основополагающих конвенциях, которые Административный совет МОТ обозначил в качестве базовых для прав человека в сфере труда вне зависимости от уровня развития отдельных государств-членов данной международной организации [2, с. 7]. Это подчеркивает важность и универсальность данных международных актов. В их число входят десять конвенций, сгруппированных исходя из основополагающих принципов МОТ, сформулированных в Декларации 1998 г. (с поправками 2022 г.)[3], а именно: а) свобода объединения и коллективные переговоры[4]; б) упразднение принудительного труда[5]; в) равное обращение и равные воз-

---

[1] Региональные группы государств-членов в ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/dgacm/ru/content/regional-groups (дата обращения: 01.05.2025).

[2] Статистическая комиссия ООН предоставила показатели населения Африки [Электронный ресурс]. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/statisticheskaya-komissiya-oon-predostavila-pokazateli-naseleniya-afriki-/ (дата обращения: 01.05.2025).

[3] ILO Declaration on Fundamental Principles and Rights at Work (1998), as amended in 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:62:0::NO:62:P62_LIST_ENTRIE_ID:2453911:NO (дата обращения: 01.05.2025).

[4] Конвенции № 87 «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы» и №98 «О применении принципов права на объединение в профсоюзы и на ведение коллективных переговоров».

[5] Конвенции № 29 «О принудительном или обязательном труде» и № 105 «Об упразднении принудительного труда».

можности[6]; г) запрещение детского труда[7]; д) безопасная и здоровая рабочая среда[8].

Р.Ш. Давлетгильдеев, анализируя в 2015 г. международные обязательства государств-членов Африканского союза в области труда на универсальном уровне, отметил, что «в части ратификации основополагающих конвенций внешне картина очень позитивная» [3, с. 67]. Данная тенденция продолжает сохраняться и в 2025 году. Хотя с 2015 г. по настоящее время количество основополагающих конвенций МОТ увеличилось на две, тем не менее половина из них также признаны в качестве обязательных 54 государствами Африки. В группу данных конвенций вошли: а) Конвенция № 98; б) Конвенция № 29; в) Конвенция № 105; г) Конвенция № 111; д) Конвенция № 182.

В части оставшейся половины основополагающих конвенций МОТ ситуация выглядит следующим образом. Конвенции № 100 и № 138 не ратифицированы лишь Сомали, а международные обязательства по Конвенции № 87 не приняты Кенией, Марокко и Южным Суданом.

Касательно Конвенций № 155 и № 187 ситуация менее позитивная. Так, первая из них ратифицирована только 24 африканскими государствами, а вторая лишь 18. В этой связи важно сделать акцент на том, что Резолюция[9], дополнившая ряд основополагающих конвенций МОТ Конвенциями № 155 и № 187, была принята Международной конференцией труда только в 2022 году. Исходя из этого, представляется возможным считать, что по прошествии определенного времени показатель их ратификаций африканскими государствами вырастет по аналогии с отмеченными ранее фактами признания ими международных обязательств по другим основополагающим конвенциям МОТ.

Следует отметить, что некоторые африканские государства уже приняли международные обязательства по всем десяти основополагающим конвенциям МОТ. В их числе, например, Замбия, Кот-д'Ивуар, Лесото, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Нигер, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сьерра-Леоне. В этой связи интересно отметить, что по состоянию на май 2025 г. 42 государства-члена МОТ, включая Российскую Федерацию, несут междуна-

---

[6] Конвенции № 100 «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» и № 111 «О дискриминации в области труда и занятий».

[7] Конвенции № 138 «О минимальном возрасте для приема на работу» и № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда».

[8] Конвенции № 155 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» и № 187 «Об основах, содействующих безопасности и гигиене труда».

[9] Resolution on the inclusion of a safe and healthy working environment in the ILO's framework of fundamental principles and rights at work [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_norm/%40relconf/documents/meetingdocument/wcms_848632.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

родные обязательства по всем десяти основополагающим конвенциям[10]. Из этого следует, что 28,6 % их числа составляют африканские государства.

Сделаем акцент на том, что многие из основополагающих конвенций МОТ вовсе не ратифицированы рядом экономически развитых государств. Так, например, США несут международные обязательства лишь по двум основополагающим конвенциям (№ 105 и № 182). Семь основополагающих конвенций ратифицированы, в частности, Новой Зеландией. По восьми основополагающим конвенциям несут международные обязательства, например, Израиль, Швейцария, Япония. Девять основополагающих конвенций ратифицированы, в частности, Хорватией и Южной Кореей. Представляется, что такое положение дел свидетельствует о направленности политики африканских государств на уважительное отношение к международным трудовым стандартам.

В 2014 г. был принят Протокол к Конвенции 1930 г. о принудительном труде[11] (далее – Протокол), который МОТ, наряду с обозначенными выше конвенциями, относит к числу основополагающих инструментов. Данный документ требует от ратифицировавших его государств принятия эффективных мер по предупреждению принудительного труда, защите жертв и обеспечению им доступа к правосудию. Протокол дополняет Конвенцию № 29, поэтому его ратификация возможна только государствами-членами МОТ, принявшими международные обязательства согласно обозначенной конвенции [4, с. 4]. По состоянию на май 2025 г. Протокол ратифицирован 61 государством-членом МОТ, из которых 14 – африканские страны. В их число вошли, в частности, Джибути, Зимбабве, Коморы, Кот-д'Ивуар, Лесото, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Мали, Мозамбик, Намибия, Нигер, Судан, Сьерра-Леоне.

Наряду с основополагающими конвенциями и Протоколом, отдельную группу конвенций в МОТ составляют приоритетные, выделенные Административным советом МОТ в целях стимулирования их ратификации государствами ввиду особой важности данных документов для функционирования системы международных трудовых норм [5, с. 29–30]. В число данных актов входят четыре конвенции, сгруппированные по таким сферам, как: а) государственная

---

[10] Ratifications of fundamental instruments by number of ratifications [Электронный ресурс]. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=1000:10011:::::P10011_DISPLAY_BY:2 (дата обращения: 03.05.2025).

[11] Протокол к Конвенции 1930 года о принудительном труде [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_249755.pdf (дата обращения: 03.05.2025).

политика в сфере занятости[12]; б) организация и деятельность инспекции труда[13]; в) трехсторонние консультации[14].

В сравнении с обозначенными выше сведениями по ратификации государствами Африки основополагающих конвенций МОТ, ситуация, связанная с признанием международных обязательств по приоритетным конвенциям, выглядит менее позитивно. Среди приоритетных конвенций нет тех, которые были бы ратифицированы всеми африканскими государствами-членами МОТ, а четыре из них (Гамбия, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Южный Судан) и вовсе не приняли международные обязательства ни по одному из этих актов. В это же время отдельные государства Африки ратифицировали все приоритетные конвенции МОТ. В их числе, например, Буркина-Фасо, Замбия, Мадагаскар, Марокко, Того. Отталкиваясь от того, что 45 государств-членов МОТ приняли международные обязательства по всем четырем приоритетным конвенциям, можно отметить, что 11,1 % из них – это африканские государства.

Таким образом, государством Африки, ратифицировавшим все основополагающие конвенции и Протокол, а также все приоритетные конвенции, можно назвать лишь островное государство у юго-восточного африканского побережья – Мадагаскар. Вместе с тем, данная страна не является лидирующей по принятию международных обязательств в рамках МОТ в целом. Так, среди африканских государств наибольшее число ратификаций юридически обязывающих документов, принятых в рамках МОТ, имеет Джибути (ратифицированы 68 конвенций и Протокол, из которых в настоящее время 50 имеют юридическую силу). По данным показателям Джибути опережает ряд европейских государств, например, Австрию (ратифицированы 55 конвенций и Протокол, из которых в настоящее время 44 имеют юридическую силу), Исландию (ратифицированы 26 конвенций и Протокол, из которых в настоящее время 23 имеют юридическую силу) и др. В это же время, наименьшее число ратификаций таких документов мы встретим у Занзибара (ратифицированы 5 конвенций, из которых в настоящее время 1 имеет юридическую силу), входящего в состав Танзании, однако имеющего индивидуальное членство в МОТ.

Заключение. В завершение, сформулируем основные выводы, полученные по итогам проведения данного исследования. Африканский континент включает в себя 54 независимых государства, все из которых являются членами МОТ. Вместе с тем, у каждой из этих стран свой объем принятых международных обязательств в сфере труда.

---

[12] Конвенция № 122 «О политике в области занятости».

[13] Конвенции № 81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» и № 129 «Об инспекции труда в сельском хозяйстве».

[14] Конвенция № 144 «О трехсторонних консультациях для содействия применению международных трудовых норм».

Пять основополагающих конвенций МОТ из десяти ратифицированы 54 государствами Африки, а Протокол, который также относится к числу основополагающих инструментов ратифицирован лишь 14 африканскими государствами. Среди приоритетных конвенций нет тех, которые были бы ратифицированы всеми африканскими государствами, а четыре из них и вовсе не приняли международные обязательства ни по одному из этих актов. В это же время, пять государств Африки ратифицировали все приоритетные конвенции МОТ.

Единственным африканским государством, являющимся членом МОТ, которым ратифицированы все основополагающие конвенции и Протокол, а также все приоритетные конвенции, является Мадагаскар. Вместе с тем, наибольшее число ратификаций юридически обязывающих документов, принятых в рамках МОТ, имеет Джибути. Наименьшее же число ратификаций таких документов есть у Занзибара, входящего в состав Танзании, однако имеющего индивидуальное членство в МОТ.

Список источников

1. Бекяшев Д.К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты) : учебник / Д.К. Бекяшев. – Москва : Проспект, 2023. – 280 с.

2. The International Labour Organisation’s Fundamental Conventions. Second Impression. – Geneva : ILO, 2003. – 78 p.

3. Давлетгильдеев Р.Ш. Региональные модели международно-правового регулирования труда / Р.Ш. Давлетгильдеев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 176 с.

4. ILO Standards on Forced Labour – The New Protocol and Recommendation at a Glance. – Geneva : ILO, 2016. – 23 p.

5. Sengenberger W. The International Labour Organisation: Goals, Functions and Political Impact / W. Sengenberger. – Berlin : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2013. – 70 p.

References

1. Bekyashev D.K. International Labour Law (Public Law Aspects). Moscow, Prospekt Publ., 2023. 280 p. (In Russian).

2. The International Labour Organisation’s Fundamental Conventions. Second Impression. Geneva, ILO, 2003. 78 p. (In English).

3. Davletgildeev R.Sh. Regional Models of International Legal Regulation of Labour. Kazan, Kazan University Publ. House, 2015. 176 p. (In Russian).

4. ILO Standards on Forced Labour – The New Protocol and Recommendation at a Glance. Geneva, ILO, 2016. 23 p. (In English).

5. Sengenberger W. The International Labour Organisation: Goals, Functions and Political Impact. Berlin, Friedrich-Ebert-Stiftung, 2013. 70 p. (In English).

Информация об авторе

Зарубин Дмитрий Викторович *– кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник*

Information about the Author

Zarubin Dmitry Viktorovich *– Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher*

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 22.09.2025.
The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 16.09.2025; accepted for publication 22.09.2025.

Научная статья
УДК 341
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.26

Мухаметгареева Наталья Михайловна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
nmch77@mail.ru

Юсупова Зиля Анасовна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
zilya_iousupova@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА КЛИМАТИЧЕСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Аннотация. Статья посвящена анализу правового статуса и международно-правовой защиты климатических беженцев, численность которых стремительно растет в условиях глобального изменения климата. В этой связи необходимо рассмотреть причины формирования правового вакуума: отсутствие общепринятого определения, неприменимость Конвенции о статусе беженцев от 1951 года и ограниченность региональных соглашений. Цель: анализ действующих подходов, таких как использование норм права, развитие механизмов «мягкого права», заключение региональных соглашений, а также формирование предложений о создании отдельного международного режима защиты. Методы: исследование выполнено с использованием общенаучных (логический, анализа, синтеза, индукции, дедукции) и частнонаучных (формально-юридический, толкования правовых норм) методов. Результаты: обосновывается необходимость сочетания адаптации существующих норм с формированием новых институтов, а также акцентируется внимание на использовании превентивных мер в рамках международного экологического права.

Ключевые слова: климатические беженцы, климатическая миграция, международное право, мягкое право, региональные соглашения, защита

Для цитирования: Мухаметгареева Н.М. Правовой статус и международно-правовая защита климатических беженцев / Н.М. Мухаметгареева, З.А. Юсупова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.26 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 269–276.

© Мухаметгареева Н.М., Юсупова З.А., 2025

Original article

Mukhametgareeva Natalya Mihailovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
nmch77@mail.ru

Yusupova Zilya Anasovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
zilya_iousupova@mail.ru

LEGAL STATUS AND INTERNATIONAL LAW PROTECTION OF CLIMATE REFUGEES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal status and international law protection of climate refugees, whose number is rapidly growing in the context of global climate change. In this regard, it is necessary to consider the reasons for the formation of a legal vacuum: the lack of a generally accepted definition, the inapplicability of the 1951 Convention on the Status of Refugees and the limited number of regional agreements. Purpose: to analyse current approaches, such as the use of legal norms, development of "soft law" mechanisms, conclusion of regional agreements, as well as the formation of proposals for the creation of a separate international protection regime. Methods: the research is carried out using general scientific (logical, analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal legal, interpretation of legal norms) methods. Results: the article substantiates the need to combine the adaptation of existing norms with the formation of new institutions, as well as focuses on the use of preventive measures within the framework of international environmental law.

Keywords: climate refugees, climate migration, international law, soft law, regional agreements, protection

For citation: Mukhametgareeva N.M., Yusupova Z.A. Legal Status and International Law Protection of Climate Refugees. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2025, no. 3, pp. 269–276. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.27.26.

Введение. Глобальное изменение климата становится одной из основных причин массовых перемещений, так, к 2050 году число вынужденных мигрантов может достигнуть 200 миллионов. Уже сейчас стихийные бедствия нередко превосходят вооруженные конфликты по масштабу переселений [1, с. 92]. Однако правовой статус так называемых «климатических беженцев» остается

неопределенным, поскольку они не подпадают под критерии Конвенции о статусе беженцев от 1951 года[1].

Между тем рост климатической миграции особенно затрагивает наименее развитые регионы – от островных государств Тихого океана до стран Африки и Азии. Указанное вызывает необходимость поиска международно-правовых механизмов защиты лиц, вынужденных покидать свои дома вследствие климатического кризиса.

Современные проблемы международно-правовой защиты климатических беженцев. На сегодняшний день в международном праве отсутствует общепринятое определение «климатического беженца», вследствие чего не закреплены ни их статус, ни механизмы защиты. Предложенное Международной организацией по миграции определение носит описательный характер и лишено юридической силы, к тому же оно не учитывает, что климатические факторы редко выступают единственной причиной миграции.

При этом Конвенция о статусе беженцев 1951 года и Протокол 1967 года не охватывают данную категорию, так как их критерии связаны с преследованием по определенным основаниям, а климатические катастрофы действуют неизбирательно. Региональные акты, включая Конвенцию ОАЕ 1969 года и Картахенскую декларацию 1984 года, лишь теоретически допускают защиту пострадавших от бедствий, но на практике государства ограничиваются временными гуманитарными мерами. В итоге лица, вынужденные покинуть свои дома из-за изменения климата, фактически находятся в правовом вакууме [2, с. 147].

Правовой вакуум обостряется тем, что изменение климата порождает ситуации, не предусмотренные существующими нормами. Так, при полном затоплении островного государства его население рискует лишиться не только жилья, но и гражданства, оказавшись в положении апатридов. В отсутствие собственного государства и признанного международного статуса такие лица остаются без какой-либо правовой защиты.

Международно-правовая защита климатических мигрантов пока ограничена. Классический институт убежища не охватывает перемещения, вызванные природными явлениями. Принцип невысылки, закрепленный в ст. 33 (1) Конвенции о статусе беженцев 1951 г., предлагается толковать расширительно, включая ситуации, когда возвращение в страну происхождения означает угрозу жизни из-за климатических факторов.

Прецедентом стало дело Тейтиота против Новой Зеландии в 2020 году, в котором Комитет ООН по правам человека указал, что лица, чья жизнь и достоинство поставлены под угрозу вследствие климатических изменений, не могут

[1] Конвенция о статусе беженцев. Принята Конференцией полномочных представителей 28.08.1951 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 14.08.2025).

быть возвращены в страну происхождения. Хотя жалоба заявителя была отклонена, решение фактически признало применимость принципа невысылки к климатической миграции[2].

Тем не менее международное право в области прав человека не создает особого статуса «климатических беженцев» и не обеспечивает их комплексной защиты. В отличие от традиционных беженцев, за которых отвечает УВКБ ООН, для климатических мигрантов отсутствует специализированный институт.

Заполнение этого пробела частично осуществляется через механизмы «мягкого» права. Так, Сендайская рамочная программа, действующая до 2030 года, Цели устойчивого развития ООН от 2015 года и Глобальный договор о миграции от 2018 года закрепили климат как фактор перемещений. Особое значение имела Инициатива Нансена, выработавшая «Повестку защиты», а также созданная на ее основе Платформа по перемещению вследствие бедствий, координирующая международные усилия. Хотя эти акты носят необязательный характер, они отражают постепенное формирование международных стандартов защиты климатических мигрантов [3, с. 55].

Отмечаются попытки вписать климатических мигрантов в рамки существующего режима беженцев за счет нового толкования норм. В 2020 году УВКБ ООН выпустило руководство, где подчеркнуло необходимость учитывать социально-политический контекст: последствия климатических бедствий часто усугубляются неэффективным управлением, нехваткой ресурсов, неравенством и дискриминацией. В таких случаях люди, покидающие страну, могут подпадать под критерии беженцев.

Таким образом, акцент смещается с самого бедствия на поведение государства и общества. Если уязвимые группы сталкиваются с отказом в помощи, насилием или дискриминацией, они вправе претендовать на международную защиту. Как отмечает Ж. МакАдом (доктор наук, научный руководитель и директор Центра международного права беженцев имени Эндрю и Ренаты Калдор, факультет права и юстиции Университета Нового Южного Уэльса, Австралия), речь идет не о пересмотре Конвенции от 1951 года, а о расширении практики ее применения. Такой эволюционный подход реалистичнее, чем попытка создать новые нормы, но он требует активной роли международных институтов и национальных органов, а также накопления прецедентов, что уже подтверждается практикой Комитета по правам человека ООН [1, с. 100].

Международное право, регулирующее гуманитарные кризисы, лишь частично охватывает климатических мигрантов. В случаях стихийных бедствий государства нередко предоставляют временное убежище или гуманитарные визы, руководствуясь принципами гуманности, однако такие меры носят разо-

[2] Дело Тейтиота против Новой Зеландии [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/hrc/2020/en/123128 (дата обращения: 14.08.2025).

вый и добровольный характер. Обязательного механизма защиты для лиц, спасающихся от природных катастроф, не существует, что, по мнению исследователей, делает создание эффективной международно-правовой системы гарантий одной из приоритетных задач ближайшего времени.

В научной литературе обсуждаются два основных пути решения проблемы климатических беженцев, а именно, адаптация существующих норм и разработка новых. Первый предполагает расширение мандата Конвенции о статусе беженцев от 1951 года, включая экологические факторы в перечень оснований для предоставления убежища. Однако большинство исследователей скептически оценивают такой вариант – пересмотр текста договора может затянуться и вызвать сопротивление государств, уже неохотно исполняющих действующие обязательства. Аналогичные трудности возникают и в связи с идеей нового универсального договора, поскольку феномен климатической миграции многогранен и лишен устоявшегося определения.

Тем не менее часть исследователей настаивает, что в долгосрочной перспективе лишь создание самостоятельного международного правового режима способно гарантировать полноценную защиту. Такой режим должен закрепить особый статус климатических беженцев и предусмотреть институциональные механизмы, включая программы переселения жителей территорий, утрачивающих пригодность для жизни. Такой подход считается более идеалистическим, однако он способен устранить правовой вакуум и обеспечить долгосрочные решения.

Более реалистичным направлением защиты климатических мигрантов считается развитие региональных соглашений, адаптированных к особенностям конкретных регионов. Как отмечает Ж. МакАдом, в Тихоокеанском регионе успешно реализована рамочная программа по климатической мобильности, учитывающая культурную специфику и позволяющая государствам координировать меры при сохранении суверенитета. Аналогичные инициативы обсуждаются в Африке, Южной Азии и Латинской Америке.

Опыт соглашений о свободе передвижения, действующих в рамках ЕС, Экономического сообщества западноафриканских государств и Общего рынка стран Южного Конуса, показывает, что подобные механизмы могут снять барьеры для вынужденной миграции. По мнению А. Франсиз (доктор права, научный сотрудник Центра законодательства по изменению климата Колумбийской юридической школы), они укрепляют экономическую устойчивость и позволяют рассматривать миграцию как инструмент адаптации. Однако региональные меры не решают проблему глобального неравенства, основное бремя ложится на беднейшие страны, тогда как развитые государства остаются закрытыми. В связи с этим выдвигается идея межрегиональных соглашений, открывающих каналы миграции в более обеспеченные страны, хотя ее реализация сталкивается с серьезным политическим сопротивлением [1, с. 101].

Одним из перспективных направлений считается использование механизмов «мягкого права» для постепенного формирования норм в сфере защи-

ты климатических мигрантов. Как отмечает А. Франсиз, международное право развивается как сочетание жестких договоров, обычных норм и мягкого права, которое нередко задает повестку новых глобальных проблем, включая климатические. Декларации, резолюции и руководящие принципы позволяют государствам тестировать подходы без немедленного принятия юридических обязательств [1, с. 101].

Уже сегодня существуют примеры таких инструментов – Глобальный договор по миграции и Повестка дня по перемещению в условиях бедствий (Инициатива Нансена). Их преимущество в гибкости, так, отсутствие необходимости ратификации, возможность быстрой адаптации и интеграция существующих норм прав человека, беженского и экологического права применительно к климатической миграции. Однако главный недостаток мягкого права – его необязательность, то есть рекомендации не влекут ответственности для государств.

Для повышения эффективности предлагается привлекать негосударственных акторов. Все большее влияние могут оказывать транснациональные гражданские сообщества, в частности диаспоры выходцев из стран глобального Юга, проживающие в развитых государствах. Обладая личной заинтересованностью, они способны лоббировать принятие международных деклараций и руководств по защите климатических мигрантов, постепенно трансформируя политические инициативы в нормы. Подобный «снизу-вверх» процесс уже проявился в развитии международной климатической повестки благодаря активности ученых и экологических НПО, и может сыграть аналогичную роль в формировании правового режима для климатических беженцев.

Нельзя игнорировать и превентивный аспект проблемы. Как отмечает Комитет ООН по правам человека, юридической защиты недостаточно: необходимо предотвращать и смягчать последствия климатических изменений, которые вынуждают людей к переселению. Это задача международного экологического права и сотрудничества – реализация Парижского соглашения от 2015 года, финансирование адаптационных проектов в уязвимых странах, борьба с опустыниванием и обезлесением. Следует отметить, что подобные проблемы ухудшения экологической обстановки вплоть до катастрофической вследствие комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных причин – неэффективного нормотворчества, нерационального управления, низкого уровня экологического и правового сознания, присущих как населению в целом, так и представителям органов расследования, экологического контроля и надзора, свойственны и отдельным регионам Российской Федерации [4, с. 167]. Устранение причин климатической миграции – долгосрочный процесс, но он напрямую связан с защитой перемещенных лиц, так, чем меньше людей окажутся вынуждены покинуть свои дома, тем менее остро будет стоять вопрос их правового статуса. Поэтому международное сообщество должно одновременно снижать риски и вырабатывать механизмы защиты на случай их реализации.

Заключение. Проблема правового статуса климатических беженцев стала новым вызовом для международного права. Такие лица не подпадают под определение Конвенции о беженцах 1951 года и фактически остаются без должной защиты, поскольку международное экологическое право ориентировано на предотвращение климатических изменений, а гуманитарное и права человека лишь частично охватывают миграционные последствия. В литературе подчеркивается наличие правового вакуума и предлагаются различные пути его преодоления – создание новых институтов и договоров, расширительное толкование существующих норм, заключение региональных соглашений и развитие механизмов мягкого права. Наиболее вероятно, что эффективная система защиты сформируется через сочетание этих подходов. В краткосрочной перспективе практическим шагом может стать признание временного убежища для лиц, перемещенных из-за бедствий, с поддержкой принимающих стран. В долгосрочной – объективные обстоятельства могут вынудить государства принять более радикальные меры, включая разработку новых протоколов или специальных механизмов переселения. Сегодня объем проблемы растет быстрее, чем развивается право, и потому ключевым ориентиром должны оставаться права человека и принципы гуманности. Признание того, что жертвы климатического кризиса нуждаются в защите не меньше, чем беженцы от войн и преследований является необходимым шагом. Его реализация потребует политической воли, международной солидарности и поэтапного формирования новых юридических решений, способных восполнить пробел в международной системе защиты.

Список источников

1. Коданева С.И. Международно-правовая защита климатических мигрантов: проблемы и пути решения. (Обзор) / С.И. Коданева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 91–103.

2. Макоева Р.Х. Международно-правовая охрана прав экологических мигрантов в условиях изменения климата / Р.Х. Макоева // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 8. – С. 144–150.

3. Вайда Е.В. Разграничение понятий климатический «беженец» и «мигрант» / Е.В. Вайда, М.В. Захаревская // Юриспруденция и политология: теория и практика : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза : Наука и Просвещение, 2020. – С. 54–56.

4. Вяткин А.Н. Некоторые вопросы криминалистической характеристики загрязнения вод / А.Н. Вяткин. – DOI 10.33184/pravgos-2024.4.18// Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 163–170.

References

1. Kodaneva S.I. International Legal Protection of Climate Migrants: Problems and Solutions. (Review). *Social and Humanitarian sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law,* 2023, no. 2, pp. 91–103. (In Russian).

2. Makoeva R.Kh. Protecting Environmental Migrants: Adapting International Law in the Face of Climate Change. *Gaps in Russian Legislation*, vol. 17, no. 8, pp. 144–150. (In Russian).

3. Vayda E.V., Zakharyevskaya M.V. Distinction Between the Concepts of "Refugee" and "Migrant". *Jurisprudence and Political Science: Theory and Practice: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference.* Penza, Nauka i Prosveshcheniye Publ., 2020, pp. 54–56. (In Russian).

4. Vyatkin A.N. Some Issues of Criminalistic Characteristics of Water Pollution. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2024, no. 4, pp. 163–170. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.4.18.

Информация об авторах

Мухаметгареева Наталья Михайловна *– кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Института права;*

Юсупова Зиля Анасовна *– кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Института права*

Information about the Authors

Mukhametgareeva Natalya Mihailovna *– Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of International and Integration Law of the Institute of Law;*

Yusupova Zilya Anasovna *– Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of International and Integration Law of the Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 07.08.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.

The article was submitted 07.08.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.